ЖОЗЕ ДЕ АЛЕНКАР
ИРАСЕМА
УБИРАЖАРА

ЖОЗЕ ДЕ АЛЕНКАР

ИРАСЕМА
УБИРАЖАРА

Повести

Перевод с португальского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

А48
И/Латин/

Предисловие
Инны Тыняновой

Художник
В. Гошко

А $\frac{70304-003}{028(01)-79}$ 184—79

ПОВЕСТИ-ЛЕГЕНДЫ ЖОЗЕ ДЕ АЛЕНКАРА

Вдали открылся остров им приветный,
Что по волнам Венера словно мчала
(Как ветер парус к бухте мчит заветной);
И там армада к берегу пристала...
...Разрезав килем волны, где заметный
Изгиб внезапно бухта описала,
У пляжа белого, богиня где нагая
Узорных раковин насыпала, играя.

Три стройные вершины показались
Над во́лнами, в величье горделивом,
Они травой шелко́вой украшались
На острове, веселом и красивом.
Ручьи прозрачные и чистые спускались
Вниз по одетым зеленью обрывам
И, пробежав меж белыми камнями,
Стремились вдаль звенящими струями.

В долине, разделяющей вершины,
Кристальные вновь съединялись воды
И озеро́м тянулись вдоль долины,
Прекраснейшим творением природы.
Над ним склонясь, деревья-исполины
Роскошные образовали своды,
Что в зеркале прозрачном отражались
И красотой своею любовались.

Там в небо тысячи дерев смотрели
Душистою раскидистою кроной,
Там апельсины золотые зрели,
Как Дафны завитки в листве зеленой.
Там на ветвях удерживались еле,
К земле клонящихся, душистые лимоны,
Шарами золотыми созревая
И груди юных дев напоминая [1].

Так описывал великий Камоэнс фантастический «остров любви», представший взору португальских мореплавателей на дальних путях их странствий. Неутомимые комментаторы знаменитых «Лузиад», ища какого-либо реального намека в знаменитых этих октавах, полагали таинственный остров где-то средь Азорских, то есть как раз там, где, начиная еще с IX века, средневековые хроникеры помещали якобы «пропавший» вулканический остров, по всей очевидности поглощенный океаном, который туманно назывался в разных хрониках то Пресилл, то Брезилиум, то Бразилли... Это-то и дало повод бразильским историкам и литераторам считать октавы великого португальского поэта, посвященные «острову любви», своеобразным описанием своей родной Бразилии, принятой первооткрывателями вначале за остров. И быть может, не только предположительное местоположение реального и вымышленного «острова» позволяет бразильским исследователям ссылаться на знаменитые октавы, но и какие-то конкретные черты пейзажа, так живописно нарисованного поэтом. Вспомним, что первой точкой, увиденной португальцами на берегу неведомой земли, названной впоследствии Бразилия, была высокая гора (Монте-Паскуал) неподалеку от бухты (Порто-Сегуро). Вглядимся также

[1] Все цитаты — в переводе автора статьи.

в панораму, открывшуюся путешественникам, посланным королем Мануэлом к «новой» земле Бразилии, чтобы дать имена отдельным ее местностям, и приставшим к берегу в 1502 году у бухты, названной Гуанабара, над которою вырос один из красивейших городов мира — Рио-де-Жанейро. И крутой изгиб бухты, и вершины на берегу, и общее впечатление пышности невиданного дотоле пейзажа — все описание фантастического острова настолько конкретно, что дает право предполагать, что поэт описал здесь то, что хоть раз увидели наяву живые человеческие глаза. (И быть может, один из сотни маленьких островков в бухте Гуанабара, имеющий, разумеется, свое официальное географическое название, издавна известен жителям города под именем «острова любви» не только за свою приветливую красоту?..)

Когда в 1500 году эскадра легких судов под белыми парусами с начертанным на них крестом пристала у берегов незнакомой земли, португальский мореплаватель Педро Алварес Кабрал, ведший эскадру, велел сколотить из дерева большой крест и, водрузив его на холме, окрестил новооткрытую землю «Островом Святого Креста». «Остров», или, как стали называть, когда обман был обнаружен, «Земля Святого Креста» поразила пришельцев своей красотой и богатством природы, о чем и было доложено писцом армады португальскому королю: «Земля сия, государь, широка... и дюже прекрасна. И таково она диковинна и богата, что ежели ею пользоваться, возможно от нее получить все, что ин на есть». Это пророчество португальского путешественника XVI века сбывалось потом на протяжении всей истории описанной им земли, хоть в те времена встретила она непрошеных гостей одними лишь высоченными деревьями редкой породы, чья ценная древесина сразу же стала предметом торговли и чье имя «пау бразил», издревле известное на востоке как «брезилиум», легло в

основу названия Бразилии. Изумруды, алмазы и, наконец, золото высветлила она в своих недрах позднее, в течение веков, став магнитом для авантюристов разных стран мира, устремившихся к ее берегам в поисках богатства. Сколько их, нищих оборванцев со всего света, одетых в кружева и шелк бледнолицых португальских вельмож, отцов католической церкви, сбросивших строгую рясу и натянувших пиратские сапоги со шпорами, оставляли свой мирный край или прохладные покои, пускаясь в опасную авантюру за славой и сокровищем в далекую, страшную, чужую землю, случайно открытую храбрецами и безумцами, искавшими путь в сказочную Индию! Их убивало солнце, их терзали дикие звери. Казалось, сама бразильская природа поднялась против покушения на ее клады. Но эпидемия золотой лихорадки, самая свирепая из эпидемий Нового Света, бушевала века...

Однако, раскрывая и обнажая богатства своих недр, Бразилия теряла свое самое главное богатство...

Когда каравеллы Кабрала пристали к бразильским берегам, навстречу им вышли те, кто и был этим главным богатством еще не открытой земли. Некрупные, с плотными гладкими телами, неторопливые в движениях, с неподвижными бронзовыми лицами в рамке жгуче-синих волос, они встретили пришельцев сначала дружелюбно... Но вскоре уже началось приобщение «дикарей» к жестокой цивилизации европейского мира: их истребляли, порабощали, теснили все глубже сквозь толстую стену леса, все в глушь да в глушь, в самую дрёму, в лихорадку амазонских болот, в затерянность пустынь. Они отходили с боями, трудно приобщаясь к цивилизации, вымирая целыми племенами от болезней, завезенных из Старого Света, от которых не помогали их чудодейственные зелья из трав. Сложным и неоднозначным был этот процесс, как все большие процессы хода истории; в первые века колониза-

ции нередко случалось, что одни индейские племена, становясь союзниками португальцев, сражались насмерть с другими индейскими племенами, союзниками более поздних пришельцев — французов, так что древняя племенная война индейцев приобретала совсем новую окраску, чем в том далеком прошлом, когда были они нераздельными владыками своих лесов и равнин. Но, нередко объединяясь с пришельцами в сражении, дружбе и любви, они нерушимо хранили всю свою нетронутую самобытность детей природы и, отходя и вымирая, отдавали складывающейся бразильской нации целый мир легенд, мифов и сказок, весь богатейший клад своего метафорического мышления, всю первобытную культуру, творцами и хранителями которой были. Повадки зверей, явления природы, день и ночь — все нашло свое своеобразное толкование в редкостных по дикой своей красоте индейских сказаниях. Собранные в сборники и энциклопедии, изученные в научных трудах по фольклору, бесчисленные эти сказанья и мифы стали давно уже достоянием многих людей и наций. Ну а те, кто создал все это богатство? Нищие и бесправные, они и сейчас живут, загнанные в самые глухие углы страны, а некоторые племена, вернее осколки некогда многолюдных племен, так и остались на первобытной стадии развития. Не зная порою другой одежды, кроме набедренной повязки, вооруженные луком и стрелами или духовым ружьем, выдуваемая из которого меткая стрела сбивает птицу на лету, живут они в покосившихся деревушках на сваях, словно стоящих по колено в воде, или в шалашах из пальмовых листьев. Иные отправляются на целые дни в легких лодках из коры на опасную охоту гарпунами по жестокой реке Амазонке или ее притокам, где в топких заводях среди поваленного леса неразличимы бурые бревна крокодильих тел, с внезапной легкостью поворачивающихся, тараня хвостом воду, при приближении врага или добычи...

Но если такова трагическая правда реальной истории индейских племен на территории Бразилии и других стран Американского континента, то совсем иная судьба выпала на долю исконных жителей всех этих земель в их «отраженной» истории — литературе и искусстве. В разные века и в разных странах обращались писатели, поэты и художники к миру этих таинственных, далеких творцов сказочных цивилизаций, и цели подобного обращения были каждый раз различны...

Бурный XIX век с особой страстностью искал естественности человеческой жизни и свободы человеческого чувства. Одним из проявлений этих поисков был интерес к древним индейцам, носителям забытых мифологий и исчезнувших форм жизни. Шатобриан, один из основоположников французского романтизма, писал в предисловии к первому изданию своей повести «Атала», имевшей такой бурный успех и оказавшей такое решающее влияние на движение романтизма во Франции и за ее пределами: «Еще в ранней молодости вынашивал я мысль создать *эпопею человека и природы*». И далее, там же: «Я не знаю, понравится ли публике эта история, которая отходит от всех известных путей и показывает природу и нравы, совершенно чуждые Европе... Это нечто наподобие поэмы, полуописательной, полудраматической». Воплощение этого тезиса поэтичности в изображении девственной природы и жизни древних детищ ее мы находим уже в прологе к «Атала»: «...Нависшие над бегом воли, разбросанные по долинам, деревья всех форм, всех цветов, всех ароматов толпятся, сцепляются друг с другом, устремляются вершинами в воздух высоко-высоко, недосягаемо для глаза человеческого. Дикий виноград, индейский жасмин, горькая тыква сплетаются у корней этих дерев, карабкаются по их веткам, взбираются на самые тонкие сучья, перебрасываются с клена на тюльпанник, с тюльпанника на шток-

розу, образуя тысячи гротов, тысячи сводов, тысячи навесов. Часто, заблудившись между стволами, эти лианы пересекают рукава рек, перебрасывая над ними мосты из цветов. Из лона этих густосплетений магнолия вздымает свой недвижимый конус; отягощенная своими крупными белыми розами, она владычествует над всей чащей, и нет у нее иной соперницы, кроме пальмы, что тихо качает возле нее свои тонкие зеленые веера».

При всей красоте этого описания бросается в глаза одна его черта: ровность образного решения и стилистическая законченность периода, выписанность каждой детали и словно какая-то отстраненность художнического взгляда — это картина американской природы, увиденная глазами европейца, чей ум впитал всю образованность века Просвещения и всю эволюцию философии искусств. На всей индейской эпопее Шатобриана прослеживается определенная заданность литературного стиля и метода: в чем-то продолжая учение Руссо и в чем-то от него отталкиваясь, Шатобриан видит в природе убежище от натиска цивилизации, силу, стоящую выше человека, и когда она дружественна и когда враждебна. И обращение к жизни примитивных народов средь девственной природы ставит перед людьми вопрос о действенности этой силы, о значимости самой дилеммы: цивилизация или природа. Яснее об этом сказано автором в предисловии ко всей его индейской эпопее —«Начезы»: «Цель этого повествования — противопоставить нравы охотничих, рыбацких и пастушеских народов нравам народа, наиболее просвещенного в мире. Это одновременно и критика и восхваление века Людовика XIV, это тяжба между цивилизацией и царством природы: пусть судьи вынесут свой приговор». И, однако, сознательно оставляя окончательное решение за читателями — судьями, французский философ-романтик невольно сам подсказывает им приговор в пользу природы

как убежища, как храма одиночества: «В тени лесов Америки я хочу пропеть песнь одиночества, какой никогда еще не слышало ухо смертного...» И если учесть,что романтизм провозгласил свободу мысли и чувства, противопоставив ее строгим канонам классицизма, то интерес к «дикарям» на лоне природы можно рассматривать еще и как элемент определенной литературной школы и ее художественного метода.

Тем не менее Шатобриан со своей индейской темой стал не только предтечей, но и на долгое время одним из главных учителей американского романтизма, и в наиболее прямой форме — той его разновидности, которая проявилась в бразильской литературе, получив определение индианизма. Это понятие, или, вернее, литературное течение, означало для бразильской романтической литературы обращение к мотивам древней жизни индейцев, их исторической роли и фольклорной традиции, причем обращение в тоне возвышения, идеализации всей их жизни и истории, что определяло и литературные особенности стиля писателей-индианистов. Однако, впитав в себя подпочву европейского романтизма, бразильский индианизм отличается и от Шатобриана, и от Фенимора Купера, и от других европейских писателей, посвятивших столько страниц индейской теме. И отличается в самом главном. Тогда как для европейского романтизма индейская тема означает бегство в природу, в уединение, в чистоту первобытных нравов, противопоставляемых бездушью прогресса цивилизации, для бразильских индианистов это в первую очередь устремление к самому корню нации, к первооснове национальной жизни, к первичной ее традиции — исторической, поэтической и фольклорной. Сопоставим несколько дат: если взять за основу 1822 год, когда в Бразилии была провозглашена независимость, и, вслед за бразильскими историками литературы, считать началом романтизма

1830 год, то такой возврат к «началу начал» истории бразильской нации, к самой матери-земле и исконным ее обитателям, приобретает социальный и патриотический смысл. Как патриотическое и воспринимается творчество двух создателей индианизма: Гонсалвеса Диаса в поэзии и Жозе де Аленкара в прозе.

«Первый лирик эпохи», как считали современники и потомки, Гонсалвес Диас в своих поэмах «Тимбирас» (1848) и «И-Жука-Пирама» (1851) описывает сложно-традиционные, проникнутые особым кодексом чести нравы индейских племен, их битвы с португальцами, воспевает высоту и благородство их нетронутых девственных душ, словно сотворенных силою самой бразильской природы, которую поэт воспевает с пантеистическим преклонением и восторгом.

Народ Америки, теперь угасший,
Его пиры, кровавые сраженья
Пою на этой лире. Вызываю
Из прошлого тень воина-индейца!..
Вот он, суровый, грозный и безмолвный,
Идет по чаще мерными шагами,
Печально опустив свой лук двурогий;
Из рваного колчана за спиною,
Бессильные теперь, струятся стрелы,
Отметив грустный путь того, кто тщетно
В своей родной земле приюта ищет.
. . . .

Так слушайте меня: певец смиренный,
Своей главы не увенчал я лавром,
Ее обвил я лишь зеленой веткой,
А лиру облачил в цветы лесные;
Я на вершину не всходил Парнаса,
Не утолял в струе Кастальской жажду.
Певец лесов, в непроходимых чащах
Облюбовал я пальмы ствол шершавый.
Обняв его, свою начну я песню,

Покуда ветер завывает в листьях,
Их длинными качая веерами.

В этих двух отрывках из вступления к поэме «Тимбирас» как бы заключено возглашение основной темы и основного метода индианизма — трагическая эпопея индейских племен древней Америки как тема и пантеистическая проникновенность образного языка как метод.

Эти основные черты отражены и в творчестве писателя, которого по праву можно назвать светочем бразильского романтизма и самым вдохновенным из поэтов-индианистов, хотя знаменитые его творения и написаны в прозе — Жозе де Аленкара.

Автор многочисленных романов, в свое время нашумевших, но оставшихся все-таки где-то в рамках своей эпохи, не получив универсального звучания, острый и умный критик, поэт, написавший лишь одну, неоконченную и (как он, верно, и сам почувствовал) неудавшуюся, поэму, Жозе де Аленкар, по общему признанию бразильских и зарубежных историков литературы, явился творцом бразильского романа как самостоятельного жанра, главою и вдохновителем целой литературной школы — бразильского романтизма в его прозаическом выражении. И честь этого первооткрытия новых духовных ценностей единодушно отдается всеми его почитателями и противниками (которых при жизни было у него много, благодаря его замкнутому, неуживчивому характеру, резкости его выпадов против власть имущих, да и самой вызывающе смелой оригинальности его стиля) — роману «Гуарани» и повести «Ирасема». Характерно, что именно две эти вещи справедливо признаны не только вершиной творчества Аленкара, но и первыми произведениями, в которых бразильская проза обрела свою окончательную самобытность; характерно это не только из-за высоких художественных достоинств, но и потому, что обе они посвящены индейской теме в ее исто-

рическом аспекте. Несравненный успех этих двух произведений, самостоятельная жизнь их и слава, пережившая автора во времени и пространстве, доказывают, что, несмотря на всю риторическую приподнятость и литературную условность, темы и вдохновение индианизма были истинно патриотическим явлением, питающим душу широкого читателя и в наше время. Что же так привлекало и привлекает дошые сердца к романам Аленкара? Ведь и главный герой «Гуарани»— индеец Пери́, и сама кроткая и бесстрашная Ирасема, вот уже более ста лет возбуждающая преданную любовь поколений читателей, не очень похожи на реальных людей своего времени и образа жизни... Но позволено будет спросить: а похожи ли на них Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта и многие, многие другие герои мирового поэтического гения, над страданьями которых мы, закрученные бурной жизнью XX века, до сих пор украдкой проливаем слезы сочувствия?! «У возвышенных душ есть одно исключительное право: их действия, возбуждающие в нас восхищение, теряют свою исключительность пред лицом изначального благородства больших сердец, для которых все естественно и возможно...»— пишет автор в одной из глав «Гуарани». Не это ли «изначальное благородство» так завораживает всякого, кто прикосется душою к судьбам «диких» обитателей древней Америки, которых с такой цельностью, строгостью, изысканной простотой и поэзией рисует нам Жозе де Аленкар, написавший за сорок восемь лет своей жизни (1829—1877) более тридцати произведений (не считая множества неизданных), но в большинстве энциклопедических словарей именуемый для краткости и ясности: «автор «Гуарани» и «Ирасемы»... Сам писатель раскрывает нам источник этой завораживающей силы его созданий: «Где этот дикарь, без всякой образованности, изучил простую, но прекрасную поэзию, с которою впитал тонкость чувств, какую

трудно отыскать в сердце, изношенном соприкосновением с цивилизацией?» Задав на страницах «Гуарани» этот вопрос, Аленкар отвечает на него всем своим романом и всеми своими индианистскими произведениями. Глубокая поэзия древней индейской мифологической традиции, вся богатейшая подпочва легенд и сказаний, легшая в основу ви́дения мира, характерного для персонажей этих произведений и определившего собою сам стиль и метафорику автора, сделала эти прозаические произведения высочайшими образцами романтической поэзии. Мы не будем пересказывать здесь содержание «Гуарани»: как и «Ирасема», это вещь в известном смысле историческая, поскольку относится к ранним временам колонизации и отражает, если не строго те события, какие имели место, то, во всяком случае, те, какие могли иметь место в данной исторической атмосфере и на данном историческом отрезке времени. Но долго и, быть может, напрасно стали бы мы доискиваться конкретных исторических источников отдельных индианистских произведений Аленкара: они играют лишь второстепенную роль, тогда как на первую выходит утверждение духовных ценностей, обладателями которых были исчезающие и теснимые «праотцы» бразильской нации. В центре внимания автора лежит вечный эпический мотив любви двух существ, разлучаемых самой историей и нравами современной им эпохи,— столь близкий романтизму мотив Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, мотив любви, приводящей к гибели обоих любящих — как в «Гуарани», где вырванная с корнем пальма уносит во время наводнения за далекий горизонт, в океан, Сесилию и Пери; или одного из них — как в «Ирасеме», где героиня гибнет от печали, не в силах пережить разлуку с любимым. Однако не вражда потомственных родов, как в «Ромео и Джульетте», и не сложность старокуртуазных обычаев, как в «Тристане и Изольде», разделяет тех, кто

предан любви и страданию на лоне нетронутой бразильской природы: их разделяет нечто большее — сама история континента. Трагическая любовь индейца и «белой» («Гуарани»), трагическая любовь «белого» и индианки («Ирасема») — это конфликт завоевателей и коренных жителей завоеванных земель, и в конфликте этом отражается вся разность цивилизаций, духовных обликов, устремлений героев. Нет, героя «Ирасемы» Мартима Соареса Морено, действительно прибывшего в начале XVII века на эти земли вместе с экспедицией Перо Коэльо, не могло удержать милое смуглое лицо Ирасемы,— умирает одна лишь Изольда-Джульетта, а Тристан-Ромео эпохи великих открытий отплывает к дальним берегам, обуреваемый страстью первопроходца новых земель и колонизатора девственных, недавно открытых территорий... В этом смысле Аленкар, несмотря на всю идеализацию своих героев, не отошел от исторической правды. В том, быть может, и заключается вторая причина ни с чем не сравнимого успеха «Ирасемы» у разных поколений бразильских читателей, что, несмотря на всю условность повествования, произведение это проникнуто какой-то высшей, стоящей над фактами правдой — правдой жизни.

Обратимся, однако, непосредственно к «Ирасеме», повести, которую бразильская критика считает высшим поэтическим выражением в прозе всего американского романтизма, к тому символическому значению, какое получил в Бразилии образ главной героини, к тем художественным особенностям этого произведения, которые позволили известному исследователю Афранио Пейшото, говоря о творчестве Аленкара, утверждать в своей книге по истории бразильской литературы, что «из всего его огромного наследия выделяется одна, самая короткая вещь, роман в поэтической прозе, песнь о любви колониальных времен, бразильский гимн: это «Ирасема»...

«Ирасема, местность и муниципальный округ штата Сеара́, Бразилия, население муниципалитета... человек» — справка из португальского энциклопедического словаря; клуб «Ирасема», магазин «Ирасема», радиостанция «Бурливые волны зеленого моря» — по первой фразе «Ирасемы», карнавальная песня-танец «Девушка, медвяные уста», квартал столицы штата, набережная, наконец, имя, даваемое новорожденным при крещении, наравне с другими, общепринятыми...

Так что же означает оно, это странное, выдуманное имя, так органически вошедшее в язык и быт простого народа Бразилии? Дотошные бразильские литературоведы, не удовлетворившись разъяснением самого Аленкара, что оно взято из языка индейцев гуарани, где, составленное из двух слов, означает «медвяные уста», докопались до того, что имя «Ирасема» есть не что иное, как амальгама названия «Америка». Не знаю, можно ли до конца согласиться с их мнением (кстати, и бразильская критика отнюдь не единодушна в этом вопросе), но образ Америки как индейской девы лежит на поверхности символики бразильского романтизма. К тому же 1865 году, когда появилась «Ирасема», относится одна из ранних революционных поэм Кастро Алвеса, так и озаглавленная «Америка», где он, побуждая Америку сбросить сковавшие ее цепи, называет ее «дева́ лесная с индейскою кровью»; если бы самый знаменитый поэт бразильского романтизма намеренно захотел дать в нескольких словах образ Ирасемы, он не смог бы сказать точнее.

Потому-то, быть может, и остался этот условный образ столь близким каждому бразильцу, что предстал его чувствам и воображению как образ собирательный, символический образ Родины?

В 1965 году вся Бразилия отмечала юбилей «Ирасемы». Нет, мы не оговорились — не Аленкара, а именно

«Ирасемы»: юбилей книги отмечался как юбилей живого человека. К такой дате были изданы специальные исследования, а Национальный институт книги выпустил юбилейное издание с пометкой «издание к столетию, 1965 год», лучший эпиграф к которому — слова Аленкара: «Каждый служит Родине как умеет... стаием же петь легенды нашей земли».

В предисловии к первому изданию «Ирасемы», называя книгу «детищем своей души», Жозе де Аленкар выражает эту мысль еще яснее: «Кто не может прославить свою родину в битвах, поет ее легенды в простых и суровых ритмах, подобных напевам древних ее сыновей».

Итак, «Ирасема»— легенда. Но легенда, имеющая отношение к истории, одна из тех легенд, каких так много ходит в народе об истории Нового Света и которые, подобно древним индейским мифическим сказаньям, пытающимся объяснить явления природы («Откуда взялась ночь?», «Откуда взялись звезды?»), и объясняют по-своему возникновение древних городов и провинций, основные вехи исторического пути континента. В Бразилии, богатой созданиями народного гения, таких легенд — великое множество: и трагическая история поисков изумрудов, которую потом известный поэт Олаво Билак воспел в прекрасной поэме «Охотник за изумрудами», и старинное название города Оуро Прето, означающее Черное Золото, и идущее от черных комочков, случайно найденных в реке, где позже возник город, освященный традицией освободительной борьбы и прославленный навек светлыми именами Тирадентиса и Гонзаги... И множество других эпизодов грандиозной «исторической легенды», которые вернее было бы назвать звеньями «легендарной истории» страны, редкой (даже среди стран Нового Света) по своеобразию и сложности своего пути — Бразилии. В «Ирасеме» также делается попытка объяснить, «откуда взялась...» на сей

раз целая провинция, тянущаяся на тысячи километров, та, что теперь называется штат, а прежде называлась капитания Сеара́. Основа этого объяснения — историческая, разработанная за долгое время неутомимой народной легендой. Отправным сюжетным мотивом повести можно действительно считать освоение территории Сеара, хоть это была и вторая попытка ее колонизации, поскольку первая, предпринятая в 1603 году путешественником Перо Коэльо, назвавшим провинцию Новой Лузитанией и основавшим поселение Новый Лиссабон у реки Жагуарибе, может считаться неудачной: из-за жестокого обращения колонизаторов с коренными жителями — индейцами, поселок был покинут и подвергся разрушению. Так что первым колонизатором Сеара можно признать Мартима Соареса Морено, ставшего одним из главных героев «Ирасемы», человека, который связал себя дружбой с индейскими племенами побережья, их вождем Жакауной и его братом Поти́, вторым героем повести (или третьим, если на первое место поставить ту, чьим именем названа повесть, что будет вполне справедливо, так как четко определяет угол зрения, в каком преломились исторические мотивы). Новый форпост колонизации Сеара — форт Святая Дева Ампаро был основан в 1611 году, и Жакауна стал бродить со своим племенем вблизи нового поселка, дабы защитить его от индейцев, обитающих в глубинных землях, и от французов, распространившихся по всему побережью. Мартим Соарес Морено и его друг индеец Поти, получивший при крещении имя Антонио Филипе Камаран, стяжали благородную славу храбрецов во время голландского нашествия (1630—1654). Филипе Камаран был и одним из вожаков, оказавших сопротивление голландцам во время партизанских боев, продолжавшихся целых девять лет и развернутых восстанием в Пернамбуко в 1645 году.

Таков в самых краткнх штрнхах нсторический фои илн, вернее было бы сказать,— историческая почва повести «Ирасема», нбо фои все-такн виден на полотие художиика, а почва лишь пнтает то, что взросло на ней, оставаясь виизу перспективы и прндавая форму н окраску фнгурам своих создаинй.

Обратнмся же к фигурам, создаииым автором «Ирасемы», фнгурам, иастолько живым при всей своей условностн, что онн как бы оставляли в теии собствениую личность автора, жнвя в сердце народа н иа устах его своей собственной яркой жнзиью. Начием с самой Ирасемы, геронин, чье нмя озиачает «медвяные уста», как символ иежностн, и, что важнее, чья нстория соотиесена с происхождеиием самого иазвання Сеара, озиачающего «песнь жандайн». Этн глубниные имена индейскнх наречнй как бы сразу отделяют Ирасему от всей сернн женских образов, рожденных романтнческнм воображеннем Алеикара — даже от иежиой Сесилни нз тоже нидианнстского ромаиа «Гуарани», где так еще чувствуется влняиие европейского ромаитизма, н днккенсовскнх женскнх образов, и гетевской «вечиой жеиствеииости». И хотя для характеристики Ирасемы на первый взгляд нспользуются схожие прнемы, образ ее выполияет совсем иную — и гораздо более важную — психологнческую, человеческую и поэтнческую миссню. На первый взгляд может показаться, что в образе этом все заслоияет одна доминнрующая черта — воплощеиие высокого чувства любвн. И одиако, это не так: образ Ирасемы иесет в себе нечто большее. При внешиией статнчиости этого образа, в котором все как бы задаио с самого иачала, в нем выражен самый главиый соцнальиый конфликт эпохи — неизбывная печаль уходящего, сложного н многогранного мира нидейской жизии, с ее особым складом мышлеиия, со всемн цеииостями мифотворческого геиия уходящего конгломерата древиих народов, и вместе

с тем — ломка всех прежних традиций, бесстрашная борьба за свою любовь и за новое значение любви человеческой, олицетворяющее в истории дочери жреца начало нового миропонимания. Уйдя из своей прежней жизни вместе с пришельцем из новой, Ирасема становится матерью первого ребенка смешанной крови на территории Сеара, первого жителя новой провинции, первого бразильца, представителя новой нации, породившей новую своеобразную культуру. Утверждение роли индейских племен, со всем их духовным богатством, в создании новых духовных богатств и было патриотическим зарядом, заложенным Аленкаром в его маленькую повесть о любви и смерти...

Образ Ирасемы, нарисованный мягкими, неброскими красками, потому так и убедителен и так любим народом (именно народом, а не элитой, относившейся к Аленкару более чем холодно), что вся насыщенность заключенных в нем идей входит в душу читателя как бы незаметно, вместе с живыми чертами необычайно живого, трепетного, милого любому сердцу и взгляду человека, которого будто вот-вот встретишь на своем пути — встретишь, полюбишь и не забудешь уже никогда. Другие фигуры повести также очень выразительны, но, сдается, ни одна из них не достигает человеческой теплоты образа Ирасемы. Почти все они более откровенно аллегоричны, словно фигуры притчи: Ирапуа́ олицетворяет воинский пыл и истинно шекспировский накал ревности, Аракем — спокойную мудрость и науку индейского кодекса чести, Поти — верность в дружбе и бесстрашие в защите справедливого дела, Мартим — страсть к приключениям и походам, свойственную тем, кто открывал и осваивал земли Нового Света. На последних двух образах следует остановиться еще на мгновение, ибо они очень характерны для особого понимания историзма, каким отличаются и другие вещи Аленкара, включающие исторический материал, и какое

ясней всего выражено в «Ирасеме». Это как бы историзм без истории: знание основных ее вех читателем как бы подразумевается, никаких исторических событий на страницах повести-легенды не происходит, исторические герои даны под другим углом зрения, они в большой степени условны — и все-таки жизненно достоверны как нельзя более. И сложное соотношение союзов и вражды индейских племен между собою и с пришельцами, отраженное во всех поступках Поти, и пренебреженье любовью Ирасемы, делающее образ Мартима таким реально живым,— все эти черты глубоко историчны, ибо точно характеризуют весь дух описываемой эпохи. А эпоха эта крайне важна для бразильской истории, ибо это та эпоха, когда складывалась бразильская нация. Повесть Аленкара принадлежит к тем произведениям, которые получают универсальное звучание именно в силу своей национальной исключительности, в силу того, что они могли возникнуть только в данной стране и только под пером писателя, являющегося типичным представителем своего народа. Это книга, выражающая душу народа Бразилии, и поэтому она не может не тронуть душу любого народа.

Какие же пути искал автор для воплощения своего одновременно такого простого и сложного замысла? Как возник тот особый стиль, образная манера, характер художественного письма, породивший *свой язык* повести, вызвавший в свое время горячие споры в бразильской критике, споры, не утихающие и по сей день?

В очерке, появившемся в печати лишь в 1893 году, уже после смерти автора, и озаглавленном «Как и почему я стал писать романы», Жозе де Аленкар определяет жанр романа как «поэму реальной жизни»— определение, крайне характерное для романтизма. Рассказывая о своем увлечении французской школой романтического романа, со всей ее элегантной красотой, писатель особо подчеркивает, что

в нем никогда не затухал интерес к истории его земли, эпизоды которой как бы накладывались на впечатления детства и отрочества, включавшие сцены жизни его провинции Сеара и картины природы родного края. «Образцом для меня по сей день является Шатобриан, но учителем моим была та блистательная природа, что меня окружает, в особенности великолепие пустынных просторов, исхоженных мною в отроческие годы и ставших величественным порталом, через который душа моя проникла в прошлое моей родины. Это оттуда, из этой необъятной и вечной книги извлек я страницы «Гуарани» и «Ирасемы» и многие другие страницы, написать какие не хватит одной жизни. Оттуда, а не из произведений Шатобриана и Купера, которые были все-таки лишь копией возвышенного оригинала, прочтенного моим сердцем» ... «Что-то смутное и неизъяснимое, что должно было выбиться в первые побеги «Гуарани» или «Ирасемы», витало в моем мозгу, отданном во власть фантазии. Проглатывая страницы старых фолиантов и хроник колониальных времен, я жадно искал тему для своего романа; или, по крайней мере, героя, или одну какую-либо сцену, одну эпоху». Далекую эпоху, добавим мы, какую можно было бы приблизить к современности, сделать «своей» и заставить служить современным идеалам. Ведь сам Аленкар признавался, что «поэзия — как живопись: на нее надо смотреть с некоторого расстояния, чтобы картина произвела больший эффект». Не этот ли принцип положен в основу «Ирасемы»?..

Если считать Аленкара основателем бразильского романа, то «Ирасему» надо отнести к поэзии, хоть она и написана в прозе. В связи с этим встает вопрос об отношении Аленкара к поэзии как средству выражения правды искусства, о роли образа в поэзии, о роли слова в поэзии, о выборе его и границах его перевоплощения. Чтобы правильно понять позицию Аленкара в данном вопросе,

следует вернуться иемного назад во времени... В 1856 году появилась поэма известиого, всеми признаниого поэта, одного нз осиователей бразнльского ромаитнзма Гонсалвеса де Магальяеса, озаглавленная «Конфедерация Тамойо». Этим именем иазывались воинственные индейскне племена, владычествующие иад всем побережьем н в течеиие всего XVI века совершавшие набеги иа укреплеииые поселеиня. В поэме, вернее, эпопее в десятн песнях Гонсалвеса де Магальяеса рассказывалось о сопротивленин, оказаином племенами тамойо португальцам в эпоху завоевания Бразилии, и миогие эпизоды н описання из этой поэмы получили широкую известность. И вот в том же году молодой еще Алеикар пишет отзыв на это пронзведенне, озаглавлеиный «Письма о «Коифедерации Тамойо». Вериее будет сказать, что это ие отзыв, а гиевиая инвектива, яростиый памфлет, страстиый призыв творить по-иному. «Быть может, меия осудят...— писал Алеикар,— за тот подход, с каким прочел я поэму сеньора Магальяеса, и посчнтают, что я предпочитаю отметить ее недостатки вместо того, чтобы выделить то, что есть в ней хорошего и удачного; ио это будет несправедливость по отношению ко мие. Имя поэта, мысль о том, что ои решнл воспеть события национальиой истории и что его ум и вкус достигли наивысшего в изучеиии искусства эпопеи и раздумиях над ее образцами, сделала меня требовательным; и то, что случнлось со мною, должио было случиться со всеми, кому дорога литература и поэзня нашей родниы. Я знаю, что сеньор Магальяес ие претендовал на создаиие американской «Илнады» или «Однссеи»; но тот, кто не родился Гомером, должеи по крайией мере стараться подражать учителям; и кто не в состояинн создать поэму, должеи создать хотя бы нечто в пределах этой поэмы». Что же вызвало такой гнев Аленкара? Обратнмся к поэме Магальяеса, к известиым ее строкам, иапример к гимиу солнцу нз песии I.

О солнце, щедрое светило, освещаешь
Ты чудеса великие творенья;
Даешь деревьям зелень, сок плодам,
И лепестки цветов расцвечиваешь щедро!
О солнце, вековой источник жизни,
Ты на земле росток питаешь нежный
Своими плодоносными лучами...

Уже по этому отрывку возможно понять, что́ так раздражало в поэме Магальяеса будущего автора «Ирасемы»: все образы здесь словно нейтральны, не наполнены конкретным поэтическим содержанием, они могли бы возникнуть в любом месте земного шара. В повести же Аленкара описания пейзажа всегда тесно переплетены с чувствами, действиями — со всей жизнью человека, так что даже трудно бывает порой выделить их в отдельные куски повествования; все они кратки и емки, с минимальным количеством слов и максимальным накалом заключенного в них смысла и живописательной силы. Речь самой героини и других персонажей (даже Мартима, усвоившего индейскую манеру образного выражения мыслей) построена на конкретных сравнениях из окружающего мира живой природы и на понятиях из богатой фольклорной традиции и сложного кодекса человеческих взаимоотношений, характерного для индейцев. У Аленкара буквально культ слова, свободного и вместе предельно точного, незаменимого, как клеточка живой материи, всегда поэтического по своей функции. И недаром именно в «Письмах о «Конфедерации Тамойо» поет Аленкар вдохновенный гимн Слову: «Невидимый вестник мысли, небесная радуга нашего духа... оно облекается во все формы, передает все изгибы и оттенки мышления, ударяет по всем клавишам, заставляя звучать всю гамму человеческого сердца... Справедливость одарила его чистотой, как оружием защиты, оружием мощным и непобедимым, что

столько раз останавливало своею силою топор палача и разбивало тяжкие железные цепи под сводом темницы... У слова есть свое искусство и своя наука: как наука оно выражает мысль со всею возможной верностью и чистотою, как искусство оно придает идее всю выразительность, всю прелесть, облекает ее во все формы, необходимые, чтобы околдовать душу... Поэт должен изучить в человеческом словаре все его самые скрытые тайны...»

Ища наивысшей выразительности, в какую можно было бы облечь близкий его сердцу сюжет «Ирасемы», Аленкар сначала пытался воплотить его в стихах. Попытка оказалась неудачной, и автор сам от нее отказался. Быть может, со стихотворной версией «Ирасемы» случилось то же самое, что и с поэмой «Сыны бога Тупа́», над которой Аленкар работал в 1863 году и которую тоже бросил, не завершив: стихи замечательного поэта прозы оказались бледными и рассудочными, словно стихотворный размер убивал в нем ту великолепную свободу слова, к какой он стремился, стал оковами для животворного потока поэтической мысли. Таких примеров немало в истории мировой литературы. Так или иначе, но Аленкар отказался от мысли о поэме, и вместо прозаической поэмы появилась поэтическая повесть в прозе, или, вернее, повесть в поэтической прозе, где вся оркестровка текста безраздельно принадлежит поэзии.

Можно без преувеличения сказать, что вся метафорическая система Аленкара построена на ассоциациях из окружающей его природы, и происходит это потому, что природа здесь — не враг человека, а союзник его, та первооснова, которая питает вековую народную мудрость; мы не будем приводить примеры подобных метафор — читатель найдет их в изобилии на каждой странице «Ирасемы». Этот метафорический, новаторский язык, заставлявший писателя прибегать порой к словотворчеству и свободно

обращаться с застывшимн каноиамн португальской стн-лнстнкн н даже грамматикн, вызвал миожество нападок. Известный филолог Жоан Рнбейро в статье, написанной спецнально к столетню Аленкара, подробно разбнрает эти нападкн на иего — и за неологнзмы, и за широкое использованне ннднйских слов и поиятнй, н за «плохую» (то есть разговориую) расстаиовку частей речи, н прнводит одии нз ответов самого пнсателя иа подобную крнтику: «Старый классннческий стиль звучит фальшиво посредн этих вековых пущ, этнх величественных водопадов, этих чудес девствеиной природы, каких не могут позиать и почувствовать грацнозные музы Тежо н Мондего». В этой фразе автор выразил свой главиый стнлистический прннцнп, иашедшнй выраженне в его индиаинстскнх киигах и особенно в «Ирасеме»: ои хотел создать такой язык, который лучше и точнее (ие побоимся этого слова в примеиении к поэтическому вдохновеиню) выразил бы самую *землю* его Бразнлни, а для этого нужны были свобода, богатство, выразнтельиость и яркость языка. Он создал его, воплотив все скрытые музыкальные и поэтнческие возможности, какие таятся в его родиом языке, в краткой, четкой, простой н вместе до краев наполиенной образами фразе своей «Ирасемы»: иедаром синтаксис н лексику «Ирасемы» изучают дети в бразнльских школах...— повесть стала образцом поэтической прозы, вопрекн особеииостям ее стнля или, может быть, именио благодаря им.

В послесловии к первому издаиию «Ирасемы», упрекая Гоисалвеса Диаса в том, что его нндейцы говорят классическнм слогом, Жозе де Аленкар утверждает, что мало передать язык нидейцев, иадо перевести иа свой язык весь строй их мышлеиия — тогда повествование будет достоверным. Не в этой ли предпосылке прнчииа того, что при одииаковой риторической приподиятостн и условиости нзображення персонажи Аленкара кажутся более живыми.

чем персонажи Гонсалвеса Диаса? Невозможно в кратком очерке остановиться на всех проблемах, какие таит в себе язык «Ирасемы»,— этому посвящены страницы и страницы исследований; отметим лишь, что, отказавшись от мысли написать эту историю в стихах, автор сохранил в повести весь характер оркестровки, свойственный поэтическому произведению. И оркестровка эта основана не на одном только ритме: индейские слова, названия предметов обихода, орудий труда и промысла, зверей и птиц, цветов и растений органически входят в звуковую ткань текста, перекликаясь с именами людей и географическими названиями, созданными традицией по мелодическому рисунку слов из индейских наречий. Само грозное имя бога Тупа́, воинственное прозвание Ирапуа́, означающее «дикий мед» или «жалящая пчела», индейское крещение Мартима — Коатиабо́, все они, странные для слуха, с резким ударением на конце или с причудливым сочетанием звуков — Жагуарибе, Пирокуара,— помещенные в тексте в своем первоначальном, нетронутом виде, не обработанные никакой дополнительной транскрипцией, являются, наряду с другими изобразительными средствами, полноправными элементами мелодики в величественной симфонии древнего пейзажа, природного и человеческого, созданной Аленкаром. Они и расставлены в тексте не только соответственно содержанию, но и соответственно внутренней гармонии каждой фразы, уподобляясь по своей роли и звучанию рифме или ассонансу в стихотворной строке. «Ирасема» читается как произведение поэзии не только благодаря поэтическому характеру сюжета и героев, но и благодаря тому, что она написана языком поэзии...

Не в силах расстаться со своей излюбленной темой, Аленкар возвращается к ней еще раз, ровно через десять лет после создания «Ирасемы»: в 1875 году появляется повесть «Убиражара» с подзаголовком «легенда племени

тупи», в которой речь идет о тех незапамятных временах, когда на землю будущей Бразилии еще не ступала нога европейца. Этим произведением писатель хотел дополнить свою индианистскую эпопею, устремляясь еще глубже во времени с целью показать первичную почву, на которой выросла бразильская нация. Все эти десять лет он не бросал своих занятий историей индейских племен на территории Бразилии, и многое из этих вновь приобретенных знаний послужило материалом для новой повести. В кратком «Предуведомлении» Аленкар писал: «Эта книга — сестра «Ирасемы». Я назвал ее легендой, как и первую. Никакое определение не подходит более, по своей сущности и простоте, к рассказу о традициях древних обитателей нашей родины». Далее здесь же и в подробных этнографических разъяснениях к повести «Убиражара» автор предостерегает читателей от реакционного взгляда на древних индейцев, отразившегося в трудах историков, путешественников и хроникеров первой эпохи колонизации и отчасти всего колониального периода, в которых встречается много враждебных выпадов против всего строя жизни и мышления древних племен. Подобные взгляды, поясняет автор, распространялись миссионерами, обуреваемыми религиозной нетерпимостью и старающимися преувеличить свою историческую роль, и авантюристами, пытающимися оправдать свою жестокость по отношению к покоренным народам; в их описаниях индейцы представали какими-то свирепыми, звероподобными существами, тупыми и кровожадными; все благородство древних обычаев, основанных на высоком чувстве чести, все величие души, вся чистота нравов, характерные для обитателей диких лесов, остались непонятыми и неоцененными в сочинениях подобных хроникеров.

Итак, «Убиражара»— это своеобразная защита древних обитателей Бразилии, своеобразная хроника, изобра-

жающая праотцев бразильской нации еще на той стадии их истории, которая оставалась скрытой от глаз более поздних пришельцев. В повести описываются ритуальные обычаи древних племен, их сложные обряды и церемонии (такие, например, как выбор имени гостя или матримониальные состязания воинов), многоступенчатое устройство семьи, различные аспекты положения и роли женщины. На всех этих обрядах и обычаях, связанных по сюжету с главными героями, сосредоточено основное внимание автора, и даже самый сюжет и само развитие действия в определенной степени подчинены задаче познавательности и анализа. Задача эта, при всей символичности описываемых ритуальных традиций, ведет за собою необходимость точности описания, и в этом смысле книга стоит на путях к реализму... Характерно описание битвы между отдельными племенами; подобная битва есть и в «Ирасеме», и поскольку сам автор назвал свою вторую повесть сестрой первой, правомерным будет сравнить эти описания. Если описание битвы в «Ирасеме» выполнено в тонах приподнятого, почти эпического повествования, напоминающего по своему тону и стилевой окраске эпизоды сражений, встречаемые в древних эпических поэмах разных народов, то описание битвы в «Убиражаре» снабжено многими более конкретными подробностями. Однако не везде эти подробности служат художественной выразительности текста и единству общей картины. Порою они приземляют повествование, привнося в него оттенок натурализма. Очевидно, тот характер вдохновения, свойственный народной поэзии, какой воодушевляет весь стиль «Ирасемы», может заставить читателя поверить душой в самые невероятные вещи, тогда как познавательная точность «Убиражары» дает пищу скорее уму, чем сердцу. В этом, вероятно, и состоит секрет разной степени «принятия» широкими читательскими массами Бразилии первой и второй повести Аленкара.

Не следует, однако, считать, что в последней повести нет поэтнческих элементов нндейского образного мышления. Есть в ней и ритуальные песнопения, и символическне мотивы. Центральным ее фигурам придан характер почти легендарный: главный герой наделен невиданной снлой, храбростью и благородством, а обе женщины, борющиеся за его любовь,— почтн легендарной красотой. Язык повести богат, тонко н глубоко разработан, изобилует индейскнми словамн, метафорическими выражениями мысли, называнимн деталей обихода. Тем не менее жнвописные обычаи и своеобразные выражения мыслн потерялн на страницах «Убиражары» часть своей поэтичностн. Произошло ли это потому, что в «Ирасеме» действие пронсходнт в переломный момент нстории континента, что прндает всему повествованню характер стремнтельности, устремления в будущее, тогда как в «Убнражаре» рассматривается период более статнчный, не отмеченный таким резким историческим взрывом?.. Известный критик конца прошлого века Арарипе Жуннор пнсал: «В «Убнражаре», легенде тупн, место действия которой — Бразилня до ее открытия, талант Жозе де Аленкара не сумел, сдается, стать выше того уровня, на каком остановился. «Убиражара»— это продолжение траекторнн, прочерченной «Ирасемой»; она ничего не прнбавляет к индианизму; только, пожалуй, показывает, что автор продвинулся вперед в изучении вопроса... Она теряет в чувстве...»

Однако при всех означенных чертах, благодаря которым повесть «Убиражара» по общему признанию бразнльской крнтики художественно занимает менее значительное место, чем «Ирасема» н «Гуарани», в индианистской эпопее Аленкара она составляет особое звено, отражая тот этап нсторин континента, который не отражен в первых двух книгах. В бразильской критике неоднократно делались попытки объединить все три произведения в своеобразную

трилогию, распределив их по отдельным этапам творчества писателя и отдельным фазам исторического процесса на Американском континенте. Надо сказать, что в попытках этих бразильские литературоведы не были единодушны: одни считали, что в «Убиражаре» отразилась первичная фаза этнического и социального процесса формирования бразильской нации и такова ее роль в грандиозной саге истории Бразилии, какую пытался создать Аленкар, тогда как «Гуарани» и «Ирасема» показывают зарождение нового, обусловленное пришествием стихии завоевания; другие причисляют к первичной фазе, освещенной светом традиции легенд и сказаний, обе повести —«Ирасему» и «Убиражару». В предисловии к роману «Золотые сны» (1872) Аленкар сам пытается определить роль отдельных своих произведений в широкой панораме формирования бразильской литературы. «Органический период этой литературы,— пишет он,—... насчитывает три фазы. Примитивную, которую можно назвать аборигенной, составляют легенды и мифы земли дикой и завоеванной; это традиции, баюкавшие детство нашего народа... «Ирасема» принадлежит к этому роду литературы... Второй период — исторический: он представляет слияние народа-завоевателя с американскою землею, которая получала от него культуру и платила за нее ароматами своей девственной природы... Тут фантазия обретает крылья... формируются иные нравы, возникает новая форма жизни... Это медленное вызревание американского народа, которое должно было изойти из лузитанского корня, чтобы продолжать в новом мире славные традиции своих праотцев. Этот колониальный период закончился возглашением независимости. К нему принадлежит «Гуарани»...»

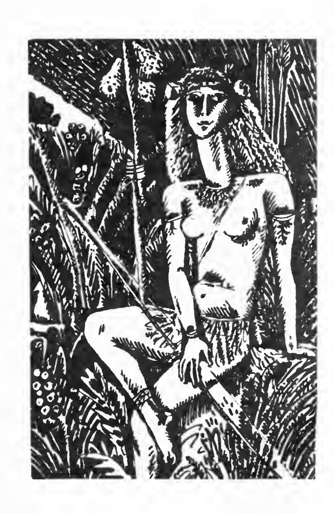
Однако как бы ни определяли исследователи (в число которых в данном случае следует включить и самого автора) место и значение трех упомянутых индианистских

произведений Аленкара в истории бразильской литературы, в состязание с ними вступил многоликий, многоголосый и необоримый бог, живущий своей бурной жизнью независимо от всех постулатов литературоведческой науки: французские ученые называют его Обычай, а мы, расшифровывая это слово, назовем Вкус и Чувство Народа...

Инна Тынянова

ИРАСЕМА

Перевод
ИННЫ ТЫНЯНОВОЙ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бурливые волны зеленого моря земли моей милой, где поет в листве карнаубы кроткая птица жандайя...

Зеленые волны, что, как изумруды, блестите в лучах восходящего солнца, омывая белопесчаный берег под пальмовой тенью...

Смирись, зеленое море, утиши бурные волны, дабы отважное судно плавно скользило по глади вод твоих.

Куда так бесстрашно стремится легкий бот, с быстротою покидая берег Сеара́ и подставив береговому бризу широкий парус?

Куда стремится, подобно белому альбатросу, что ищет скалу для приюта в пустынях океанских?

Три существа местятся на утлой посудине, бегущей резво все дальше и дальше.

Юный воин, чью белую кожу не розовит южная кровь Америки; малое дитя и собака, из тех, что стерегут стада,— два неразлучных друга, чьей колыбелью равно служили непроходимые леса дикой этой земли.

Ветер время от времени доносит с прибрежья дрожащее эхо, тонущее в шуме волн:

— Ирасема!

Юный воин прислонился к мачте и не отводит глаз от убегающих те́ней земли. Время от

времени взгляд его, затуманенный слезой, падает на настил из жердей, где резвятся два невинных существа, товарищи его бедствий.

И горькая улыбка проступает на губах его.

Что оставил он позади, в стране изгнанья?

Печальную повесть, которую мне поведали средь прекрасных долин, где я родился, в ночной тиши, когда луна плыла по́ небу, серебря поля, а листья пальм глухо шелестели...

Крепчает ветер.

Колыбельная волн звучит все громче. Бот все быстрее подпрыгивает на их гребнях и, наконец, исчезает за горизонтом. Бескрайность океана смыкается за ним, и шторм, подобно кондору, простирает над бездной темные свои крыла.

Бог да хранит тебя, гордый и славный корабль, средь сих возмущенных волн, да приведет тебя к тихой гавани! Пусть ласкает тебя попутный ветер и штиль расстелет пред тобою переливчатые и укрощенные волны морские.

А пока ты мчишься так по милости ветра, воздушный корабль, пусть возвратится на белопесчаный берег печальное воспоминание, что сопровождает тебя в пути, не покидая, однако, земли, над которою веет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Далеко-далеко от этих гор, что всё голубеют на горизонте, родилась Ирасема.

Дева с медвяными устами — вот что значит имя Ирасема на языке индейцев гуарани́.

И были у нее медвяные уста, а волоса ее, черней, чем крылья грауны, птицы ночи, спадали низко-низко, одевая все ее тело, стройное, как пальма.

В сотах лесных пчел не было меда нежней ее улыбки, и цвет ванили, растущий в лесах, не был ароматней ее дыханья.

Быстроногая, как молодой эму, носилась смуглая дева по равнинам и чащам у подножья Большой Цепи, где осело ее воинственное племя, ветвь великой семьи индейцев табажара, бродивших по внутренним землям провинции Сеара. Легкая стопа едва касалась бархата первых трав, покрывших землю с первыми дождями.

Как-то раз отдыхала она под жарким солнцем на лесной поляне. Пышнолистое дерево ойтисика омывало ее тело своей тенью, более прохладной, чем ночная роса. Ветви дикой акации струили цветы на ее влажные волосы. Укрывшись в листве, птицы ласкали ее слух своей песней.

Ирасема только что вышла из реки; жемчуга водяных капель еще блестят на ее коже, как на сладком плоде манго, налившемся румяным соком под утренним дождем. Отдыхая, она украшает алыми перьями фламинго стрелы своего лука и, вторя соловью, сидящему рядом на ветке, поет долгую, странную песню.

Забавная арара, постоянная ее подруга, прыгает возле нее по земле и весело топорщит перышки. Порою она взлетает на ветку дерева и оттуда окликает хозяйку по имени; порою тычется клювом в корзину из крашеной соломы, в которой индианка носит ароматические травы, белые нити из стеблей бромелий, тоньше льня-

ных, иглы колючей пальмы жусара, какими плетет кружева, н цветочиый сок, каким красит ткаиь.

Виезапиый шум иарушает мириую гармоиию утра. Дева подымает глаза, привычиые к свету солица, и в страхе зажмуривается.

Прямо перед иею, и пристальио ее рассматрнвая, стоит иезиакомый воин — если это только воии, а ие какой-иибудь злой дух леса. На лице у иего — белизиа песков прибрежья, омываемых морем, в глазах — печальиая лазурь глубоких вод. Неведомые ткаии окутывают его тело, иеведомое оружие внсит у него иа плече.

Быстрее, чем взгляд, был жест Ирасемы. Стрела, вставлеиная в лук, сорвалась. Капли крови вскипели иа лице иезиакомца.

В первом иевольном движеиии гибкая рука упала иа крест шпаги — ио там н замерла... Воии улыбиулся: ои был обучеи религни своей матери, в какой жеищниа — символ иежиости и любви. Раиа была более душевиой, чем телесиой.

Не ведаю, какие чувства выказал ои своим взглядом. Но индианка отбросила в стороиу лук и колчаи со стрелами и подбежала к воииу, раскаиваясь в иаиесенной ему обиде. Рука, что столь быстро раиила, еще быстрее уияла кровь, сочившуюся из раиы. А затем Ирасема переломила смертоиосиую стрелу, что по обычаю индейцев озиачало мир; деревяииую спицу отдала воииу, а заостреииый иакоиечник оставила себе.

Чужеземец заговорил:

— Ты преломила со миою стрелу мира?

— Кто иаучил тебя, белый воии, языку моих

братьев? Откуда пришел ты в эти чащи, что никогда не видали воина, подобного тебе?

— Пришел я из дальнего далёка, дочь лесов. Пришел я из земель, которыми владели некогда твои братья, а теперь владеют мои.

— В добрый час, чужеземец. Будь гостем в землях табажара, хозяев здешних поселений, и в хижине, где хозяин — Аракем, отец Ирасемы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Иноземец последовал за индианкой сквозь чащу леса.

Когда солнце скрылось за гребнем гор и голубка заворковала где-то в густой листве, они увидели в долине большой индейский поселок; а подалее — повисшую на обрыве скал в тени высоких деревьев хижину Пажэ — жреца, мага и вождя племени.

Старец курил свою трубку у порога, сидя на циновке из пальмовых листьев, погруженный в размышления о священных обрядах Тупа́, бога грома. Легкий ветер расчесывал, как белые нити хлопка, его длинные и редкие волосы. Он был так недвижен, словно жизнь его продолжалась лишь в запавших глазах и глубоких морщинах.

Жрец заметил смутные очертания, которые приближались; он принял их за тень какого-нибудь одинокого дерева, далеко протянувшуюся по долине.

Но когда путники вошли в густой сумрак леса, взгляд его, привыкший к темноте, как взгляд тигра, различил Ирасему и увидел, что за ней

следует юный воин чуждого племени и дальной стороны.

Люди табажара из-за горного хребта Ибиапаба рассказывали о новом племени воинов, белых, как цветы пены в бурном море, и пришедших из дальных земель у реки Меарим. Старец подумал, что тот, чья стопа касается сейчас родных полей,— из таких воинов.

Он ждал спокойно их приближенья.

Дочь указала на чужеземца со словами:

— Он пришел, отец.

— Хорошо, что пришел. Это бог Тупа привел гостя в хижину Аракема.

Говоря так, жрец передал трубку чужеземцу; и оба вошли в хижину.

Юноша сел в гамак, подвешенный в середине помещения.

Ирасема разожгла костер гостеприимства и принесла что было из пищи, чтоб утишить голод и жажду; принесла она остатки дичи, маниоковый настой, плоды лесные и медовые соты и вино из ананаса и кажу.

Вскоре она опять вошла, неся глиняный сосуд, называемый индейцами «игасаба», который наполнила у ближнего ручья свежей водою, чтобы омыть лицо и руки чужеземца.

Когда воин кончил трапезу, старый вождь погасил трубку и сказал:

— Ты пришел?

Так было принято в его племени приветствовать гостя.

— Я пришел,— отвечал воин.

— Хорошо, что пришел. Теперь, чужеземец, ты хозяин в хижине Аракема. У племенн таба-

жара есть тысяча воинов, чтоб защищать тебя и женщин без числа, чтоб тебе служить. Повели — и все повинуется тебе.

— Вождь, я благодарю тебя за прием, мне оказанный. Едва встанет солнце, я покину твою хижину и твои поля, куда забрел, заблудившись; но я не смею покинуть их, не открыв тебе, кто тот воин, с которым завязал ты дружбу.

— Это бог Тупа оказал своему жрецу милость; он привел тебя, он и уведет. Аракем ничего не сделал для своего гостя; он не спрашивает, откуда гость пришел и когда уйдет. Если хочешь спать, пусть слетят к тебе веселые сны; если хочешь говорить, твой хозяин слушает тебя.

Чужеземец сказал:

— Я из тех белых воинов, что разбили лагерь на берегу большой реки Жагуарибе, близ моря, в тех местах, где обитает враждебное вам племя, называемое потигуара, что значит хозяева долин. Имя мое — Мартим, что на твоем языке означало бы сын воина; в жилах моих течет кровь великого народа, первым ступившего на землю твоей родины. Мои уцелевшие спутники рассеялись и вернулись морем на берега Параибы, откуда пришли, а главарь всего похода, покинутый своими людьми, пробирается сейчас по бескрайным сертанам. Я один остался здесь, потому что жил среди племени потигуара с реки Акараку, где цапли вьют свои гнезда, в хижине Поти, брата вождя индейцев побережья — Жакауны. Поти стал и моим братом, посадив вместе со мною дерево дружбы. Три раза взошло солнце с тех пор, как мы ушли на охоту; и, отстав от своих, я забрел в поселенья табажара.

— Какой-нибудь злой дух леса ослепил белого воина в темной чаще,— отозвался старец.

Вещая птица кауа́ закричала где-то далеко, у самого леса. Опускалась ночь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жрец потряс гремушкой марака́ в знак праздника и вышел из хижины; однако чужеземец не остался один.

Ирасема вернулась с женщинами, призванными служить гостю, и воинами, прибывшими ему повиноваться.

— Белый воин,— сказала дочь вождя,— пусть покой качает твой гамак всю ночь, а солнце пусть несет свет глазам твоим и радость душе.

И при этих словах губы Ирасемы задрожали, а веки увлажнились.

— Ты покидаешь меня? — спросил Мартим.

— Самые красивые женщины селенья остаются с тобой, таков обычай гостеприимства.

— Для них дочь Аракема могла и не приводить гостя в хижину отца.

— Чужеземец, Ирасема не может служить тебе. Ибо она — хранительница волшебного дерева журемы и тайны волшебных снов. Это ее руки готовят, по велению жреца, дурманное питье из горьких плодов и пахучих листьев журемы, навевающее сладкие сны, столь живые, что кажутся явью,— напиток бога Тупа.

Белый воин пересек хижину и скрылся во тьме.

Индейский поселок широко раскинулся в глу-

бине долины, освещаемой праздничными факелами. Гремели марака; под резкие перебои дикарской песни хоровод отбивал ногами странные ритмы. Жрец, исполненный вдохновенья свыше, вел священную чечетку и рёк верующим тайны бога Тупа.

Верховный вождь народа табажара, по имени Ирапуа́ — Дикий Мед, спустился с вершины горной цепи Ибиапаба, чтобы повести военной племена этих равнин против враждебного племени питигуара. И воины праздновали прибытие вождя и близкое сраженье.

Христианский воин издали увидел отблеск празднества, прошел мимо и посмотрел в синее безоблачное небо. Мертвая звезда, сияющая над куполом леса, направила его твердый шаг к прохладным берегам реки цапель. Эту недвижную звезду белые называют полярной, но индейцы зовут ее мертвой, ибо ровным своим светом она помогает им найти путь в ночи́.

Когда он пересек долину и уже входил в чащу, из-за кустов вдруг показалась Ирасема. Дочь жреца следовала за иноземцем неслышно, как легкий ветер, скользящий средь зелени веток.

— Почему,— сказала она,— чужеземец покинул свой приют, не взяв дара возвращения? Кто причинил зло белому воину в земле табажара?

Христианин почувствовал всю справедливость подобного упрека и счел себя неблагодарным.

— Никто не причинил зла твоему гостю, дочь вождя. Лишь желание увидеть друзей побудило меня уйти из поселения табажара. Я не

взял подарка возвращеиия, это верно; но я уно-шу в душе память об Ирасеме.

— Если бы память об Ирасеме жила в душе чужеземца, оиа ие дала бы ему уйти. Ветер ие уиосит песок равииины, когда песок пьет дождевую воду.

Индианка вздохиула:

— Белый воии, подожди, пока Кауби вериется с охоты. У брата Ирасемы острый слух, что различает ход гремучей змеи сквозь шум иочного леса; у иего взгляд совы, что видит во мраке лучше, чем ясным днем. Он проводит тебя к берегам реки цапель.

— Сколько времеии пройдет, прежде чем брат Ирасемы вериется в хижииу своего отца?

— Солнце, что скоро здесь родится, придет сиова в эти поля вместе с воииом Кауби.

— Твой гость подождет, дочь вождя. Но если солице, возвратясь, ие приведет с собою брата Ирасемы, оно само поведет белого воииа в поселеиие иидейцев питигуара.

Мартим вериулся в хижииу Пажэ.

Белосиежиый гамак, который Ирасема иадушила ароматиыми смолами, обещал ему сон покойный и сладостиый. Христиаиии задремал, слыша, как вздыхает, сливаясь с рокотом леса, ласковая песня индейской девы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Красиоперый кардинал высовывает свой яркий хохолок из гнезда. Его прозрачная трель возвещает приближеиие утра.

Теиь еще окутывает землю. Но во всех хижи-

нах поселка обитатели лесов уже собирают рыбачьи сети и направляются к реке. Старый Аракем, который не спал всю ночь, беседуя со звездами и заклиная злых духов тьмы, крадучись, вошел в хижину.

И вот уж по всей широкой равнине разносится призыв бамбуковой флейты борэ. Хватают оружие проворные воины и бегут на место сбора. Когда все уже собрались на круглой, обнесенной изгородью площади в центре поселка, Ирапуа, верховный вождь всех табажара, кликнул клич войны:

— Бог Тупа дал великому народу табажара всю эту землю. Мы оставили себе горные цепи, где родятся потоки, со свежими лугами, где растут молочай и хлопчатник; и уступили варварским племенам питигуара, пожирателям креветок, голый морской берег с островками песков, без воды и леса. И теперь эти рыболовы, что всегда терпят поражение, позволили приплыть по морю белой расе воинов, владеющих огнем, врагов бога Тупа. Чужеземцы уже побывали на реке Жагуарибе; скоро прибудут и в наши поля; а с ними — воины питигуара. Будем ли мы, хозяева поселений, подобны голубке, что прячется в гнезде, когда змея сползает по веткам?

Во гневе вождь потрясает палицей и с силой мечет ее в самый центр круга. И, уронив голову, отводит от окружающих свой горящий взор.

— Ирапуа сказал все,— молвит он.

Самый юный из воинов выступает вперед:

— Ястреб парит в небе. Но едва появится куропатка намбу, он падает с туч и раздирает

нутро жертвы. Воин табажара, сын гор, подобен ястребу.

Гремит и снова гремит клич войны, сопровождаемый плеском ладоней и стуком оружия.

Юный воин поднял с земли палицу и потряс ею в воздухе. Крутясь быстро и грозно, оружие вождя переходит из рук в руки.

Старец по имени Андира — Летучая Мышь, брат жреца, уронил палицу и задержал на земле стопою, еще ловкой и крепкой.

Народ табажара изумлен этим странным деянием. Обет мира со стороны столь испытанного в храбрости воина! Неужели это старый герой, что вырос во гневе, как растут во времени, неужели это неистовый и свирепый Андира опустил палицу, предвозвестницу скорой битвы?

Растерянные и немые, слушают воины слова старика:

— Старый Андира выпил больше крови в битвах, чем выпили настоя диких плодов на празднествах бога Тупа́ все воины, которых освещает сейчас его взор. Он видел в своей жизни больше сражений, чем луи, что оголили его голову. Со скольких черепов питигуара сняла скальп его недрогнувшая рука раньше, чем время вырвало у него первый волос? И старый Андира никогда не боялся, что враг ступит на землю отцов, но радовался его прибытию и чувствовал, что факел войны возрождает молодость в его дряхлом теле, подобно тому как сухое дерево возрождается под влажным дыханием зимы. Народ табажара благоразумен. Он должен поставить к стене палицу боя, чтоб потрясти цветущей ветвью праздника. Славь, Ирапуа, приход чу-

жеземцев, до тех пор пока не прибудут они, все до единого, в наши земли. Тогда Андира обещает тебе пиршество победы.

И тут прорвался наконец глубокий гнев Ирапуа:

— Оставайся здесь, прячься средь сосудов с вином, старая Летучая Мышь, ибо ты боишься света дня и пьешь кровь только лишь спящей жертвы. Ирапуа несет войну в рукояти своей палицы. Страх, внушаемый им, летит в воздухе вместе с хриплыми звуками борэ. Воины питигуара уже дрогнули, услышав гром в горах, сильнее, чем грохот моря.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мартим медленно расхаживал среди высоких стволов жуазейро, окружавших хижину жреца.

Настал час, когда тихий ветер, прозванный здесь аракати — несущий добро,— веет с моря и наполняет чудесной свежестью раскаленный воздух сертана. Растенья дышат прохладой; легкий трепет топорщит зеленые перья леса...

Христианин смотрит на пламя заката. Тень, что сползает с гор и затопляет долину, ложится ему на сердце. Вспоминаются ему места, где родился, дорогие существа, которых покинул. Придется ли когда-нибудь увидеть их снова? Кто знает...

Вокруг природа оплакивает умирающий день. Рыдают волны, ярясь и дрожа; стонет ветер меж листвою; и сама тишина задыхается от груза печали.

Внезапно Ирасема выросла пред юным воином.

— Это присутствие Ирасемы смущает покой на лице чужеземца?

Мартим остановил ласковый взгляд на чертах индианки:

— Нет, дочь вождя, твое присутствие радует, как свет утра. Это воспоминание о родине заронило в сердце печаль и тревогу.

— Тебя там ждет невеста?

Пришелец отвел глаза. Ирасема склонила голову, как клонит верхушку восковая пальма карнауба, когда дождь накрапывает на лугу.

— Она не так нежна, как Ирасема, дева с медвяными устами; и не так красива! — тихо проговорил чужеземец.

— Лесной цвет красив, когда у него есть ветка, где цвести, и ствол, вкруг какого обвиться. Ирасема не живет в душе воина: ни разу не ощутила она свежести его улыбки.

Оба смолкли, глядя в землю и лишь слушая учащенное биение своих сердец.

Индианка заговорила первой:

— Радость скоро вернется в душу белого воина, ибо Ирасема желает, чтоб раньше, чем настанет ночь, он увидел невесту, что ждет его.

Мартим улыбнулся наивности подобного пожелания.

— Пойдем! — сказала Ирасема.

Они пересекли чащу и спустились в долину. Там, где кончался склон холма, лес стоял сплошной стеной; плотный свод зелено-черной густой листвы покрывал этот дикий храм, самой при-

родой предназначенный для таинств языческого обряда.

То был священный лес журемы. Кругом тянулись далёко морщинистые стволы древа Тупа; с их ветвей свисали, скрытые темной зеленью, жертвенные сосуды; бременем лежал на земле мертвый пепел костра, послужившего для праздника последней луны.

Прежде чем войти в это потаенное место, дева, ведущая воина за руку, поколебалась с мгновенье, чутким ухом прислушиваясь ко вздохам ветра. Все самые тончайшие шорохи леса имели свой смысл для юной дикарки, дочери равнин. Ничто, однако, не заставило ее насторожиться: чащоба дышала шумно и ровно.

Ирасема сделала чужеземцу знак, означавший: молчи и жди; и сразу же исчезла за деревьями, в самой темной глуби. Солнце еще висело высоко, зацепившись за вершины гор, а уж глубокая ночь наполняла это пустынное место.

Индианка вернулась, неся на большом листе какого-то растения капли неведомого зеленого настоя, извлеченные из зарытого в землю сосуда, который она одна умела отыскать. Она протянула воину лесную чашу:

— Пей!

Мартим выпил и почувствовал, как сон смерти сковывает ему веки; но сразу же вслед за тем нежданный свет затопил ему душу до самых глубин и новая сила закипела в его крови. Прошедшее встало пред его взором, и он прожил дни его лучше, чем то было на самом деле, ибо самые заветные его надежды исполнились и стали прекрасной действительностью.

И вот ои уже возвращается домой, иаслаждаясь видеиьем родиого края, и обиимает старуху мать, н сиова видит пред собою аигельский лик своей первой любви, только еще нежией и непорочней.

Но почему же, едва возвратясь в лоио родины, юиый воии опять покидает отчий кров и устремляется в иеведомый путь по сертаиам?

Вот ои уже углубился в густой лес; вот выходит в долииу рекн Ипу. Ои ищет в чаще дочь жреца. Ои идет по легкому следу дикарки, вверяя ветру, вместе со вздохами, иежиое имя:

— Ирасема! Ирасема!..

Вот ои уж иагиал ее и охватил рукою ее крепкий и стройиый стаи.

И, уступая теплой тяжести этой руки, индиаика склоиилась иа грудь воина, да так н замерла возле иего с трепетом, как замирает робкая куропатка, когда крылатый спутиик иежио шевелит клювом ее перья.

Губы воииа прошептали еще раз легкое имя и дрогиули, словио призывая другие, любимые губы. Ирасема почувствовала, что душа рвется у нее из груди, чтобы предаться горячей ласке.

Она уроиила голову, и улыбка расцвела иа лице, как водяиая лилня под теплым светом солица.

Виезапно дочь мага вздрогиула; н, резко высвободившись из объятий воииа, схватилась за лук.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ирасема проскользиула меж дерев, безмолвиая, как теиь; ее сверкающий взгляд проиикал сквозь листву, как дальиый свет звезд; оиа слу-

шала глубокую тишину ночи и дышала легким ветром, пробегавшим по кронам.

Вот она остановилась, вглядываясь: чья-то тень крадучись скользила средь ветвей; и трещали под чьим-то осторожным шагом ползучие травы, устлавшие землю... Иль то, быть может, какой-нибудь жук грызет палый лист?.. Но шорох становился все слышнее и слышнее, и вот уже чья-то тень выросла пред Ирасемой.

То был воин. Одним прыжком индианка очутилась лицом к лицу с ним, дрожа от страха и одновременно от гнева.

— Ирасема! — воскликнул пришелец, отступая.

— Злой дух леса потревожил, видно, сон твой, Ирапуа, если привел тебя без дороги в священный лес журемы, куда никто не смеет проникнуть против воли Аракема.

— Не дух леса, а память об Ирасеме встревожила сон первого воина племени табажара. Ирапуа спустился из своего орлиного гнезда, чтоб следовать по равнине за речною цаплей. Он пришел, а Ирасема скрылась с его глаз. Голоса селенья шепнули на ухо вождю воинов, что чужеземец живет гостем в хижине Аракема.

Индианка вздрогнула. Вождь пронзил ее пламенным взглядом.

— Сердце в груди Ирапуа оборотилось тигром. Запрыгало яростно. Устремилось по следу, вынюхивая добычу. Чужеземец здесь, в лесу, Ирасема сопровождает его. Я хочу выпить всю его кровь до капли; когда кровь белого воина заструится в жилах вождя табажара, дочь Аракема, быть может, полюбит его.

Чериый зрачок нидианкн сверкиул сквозь тьму. и на губах у иее вскипела, словно капля едкого сока клещевины, презрительиая улыбка.

— Никогда Ирасема не отдаст свою душу, в которой обнтает лншь дух Тупа, самому ннзкому из воииов табажара! Летучая мышь слепа и зла, нбо убегает света и пьет кровь уснувшей жертвы!..

— Дочь Аракема, не дразни ягуара! Имя Ирапуа летит быстрее, чем озерный турпан, когда дождь надвигается нз-за гор. Пусть белый вонн выйдет на поедннок — н пусть Ирасема отдаст свое сердце победнтелю.

— Белый вони — гость Аракема. С миром прншел он в нашн поля, пусть в мире н пребудет. Кто оскорбнт чужеземца, оскорбнт н Пажэ.

Вождь табажара заскрежетал от злобы:

— Гнев Ирапуа слышнт сейчас лишь один голос: мести. Чужеземец должен умереть.

— Дочь жреца снльней главаря воннов! — восклнкнула Ирасема, схватив рог войны: — Вндншь, у нее есть голос бога Тупа, который созовет сейчас все племя.

— Не созовет! — отозвался с нздевкой индейский вождь.

— Еслн нет, то затем лншь, что Ирапуа настнгнет кара от руки самой Ирасемы. Твой первый шаг будет шагом навстречу смертн.

Оиа однчм прыжком отступнла на прежиее место и, подияв лук, прнцелнлась. Вождь сжал было рукоятку огромной своей палнцы; но впервые в жнзии почувствовал, что она тяжела для его мощной руки. И раиьше, чем ои подиял ее

в воздух, удар, готовый обрушиться на Ирасему, словно пронзил сердце ему самому.

Он узнал в то мгновенье, что самый сильный человек именно из-за своей силы может стать, скорее прочих, рабом страстей.

— Тень Ирасемы не сможет вечно скрывать чужеземца от мести Ирапуа. Низок воин, разрешающий женщине оберегать себя.

С последними словами предводитель воинов пропал меж дерев, а индианка, все еще вслушиваясь в окрестность, вернулась к объятому сном христианину и провела остаток ночи, бодрствуя возле него. Недавние волнения, смутившие ей душу, открыли ее еще шире для нежной привязанности, растущей с каждым взглядом чужеземца.

Ей хотелось защитить его от всех опасностей, приютить в своем существе, как в неприступном убежище. И, повинуясь мысли, ее руки обхватили голову воина и прижали к девичьему сердцу.

Но едва прошла радость при виде спасенного от опасностей этой ночи, как уже пронзила ее новая тревога вместе с думой о еще бо́льших опасностях, что ждут впереди.

— Любовь Ирасемы как ветер песчаных равнин: она убивает цветы на деревьях,— вздохнула индианка.

И медленно пошла прочь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утренняя заря открыла врата дня и глаза белого воина. Ранний свет рассеял сны ночи и вырвал из его души воспоминания о том, что они

явили ему. Осталось лишь какое-то смутное ощущение, как остается в пространстве аромат цветка, с которого горный ветер осыпал поутру лепестки.

Он не знал, где находится.

На опушке священного леса ему повстречалась Ирасема; индианка прислонилась к корявому стволу большого дерева, глаза ее были опущены долу; в лице не было ни кровинки; казалось, само сердце дрожит у нее на губах, подобно капле росы на листе бамбука.

Куда девались румянец и улыбка индейской девы? Нет ни бутонов, ни цветов у акации, раненной солнцем; нет ни синевы, ни звезд у ночи, помраченной ветром.

— Лесные цветы уже раскрылись навстречу солнцу; птицы уже запели,— сказал воин,— почему одна Ирасема хмурится и молчит?

Дочь мага вздрогнула. Так вздрагивает молодая пальма, когда ветер ударяет в ее хрупкий ствол, и падают печально слезы дождя, и раскачивается в испуге зеленый веер листьев.

— Воин Кауби скоро придет в селенье своих братьев. Чужеземец сможет уйти вместе с солнцем, что сейчас родится.

— Ирасема хочет, чтоб чужеземец ушел из полей табажара; тогда радость возвратится в ее сердце.

— Дикая голубка журити, когда дерево засыхает, бежит из гнезда, где родилась. Никогда больше радость не возвратится в сердце Ирасемы; она станет как сухое дерево, без ветвей и тени.

Мартим взял дрожащую руку индианки: она

тихо прильнула к груди воина, как нежиая лоза ваиили льиет к крепкой ветви бука, вкруг которой обвилась.

Юноша проговорил:

— Твой гость остается, девушка с черными глазами; ои остается, чтоб увидеть, как раскроется на твоем лице цветок радости, и чтоб пить, подобно колибри, мед с твоих губ.

Ирасема высвободилась из рук юноши и взгляиула иа иего с печалью:

— Белый воин, Ирасема — дочь жреца, оиа оберегает тайиу журемы. Воии, овладевший девствениицей бога Тупа, осуждеи умереть.

— А Ирасема?

— Но раз умрешь ты!..

Эти слова были как удар грома: юноша поник и уронил голову иа грудь. Но сразу же выпрямился.

— Воин моей крови всегда иесет с собою смерть, дочь табажара. Ои не боится ее для себя и не жалеет для врага. Но никогда ие оставит отверстой погребальиую уриу для девушки приютившего его племеии — разве что если сам падет в сражении. Истиоа говорила твоими устами, Ирасема. Чужеземец должеи покииуть селенья табажара.

— Должеи,— эхом отозвалась иидиаика.

И голос ее дрогиул:

— Мед с губ Ирасемы подобеи тому, что дикие пчелы готовят в сотах на стволе андиробы, дерева с горьким соком: в его сладости — яд. Невеста с голубыми глазами и волосами цвета солица хранит для своего воина в селеиье белых людей мед, собраиный с белых лилий.

Мартим отошел быстро и вериулся медлеиио. Слова дрожали у него иа устах:

— Чужеземец уйдет, чтобы покой вериулся в сердце дочери вождя.

— Ты уиесешь с собою свет глаз Ирасемы и цвет ее души.

Откуда-то из глубииы леса иарастает неведомый шум. Взгляд воина тревожио устремляется вдаль.

— Это клич радости воина Кауби,— произносит иидианка,— брат Ирасемы извещает, что прибыл в край табажара.

— Дочь Аракема, проводи своего гостя в хижину. Время уходить.

Оии идут рядом, как чета юиых оленей, на закате пересекающих лесную просеку, иаправляясь к логову, близость которого обещает их чутким иоздрям ветер...

Приблизясь к окружавшим хижину деревьям, они увидали воииа Кауби, крепким шагом идущего к дому, сгибаясь под тяжестью охотиичей добычи. Ирасема иаправилась иавстречу брату.

Чужеземец вошел в хижину одии.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утренний сои тумаиил глаза Аракема подобио легкой мгле, что повисает над глубокими пещерами гор в час рождения иового дня.

Мартим остаиовился в иерешительиости; но шум шагов проиик в уши старца и словио оживил его дряхлое тело.

— Аракем спит! — пробормотал воии, отступая.

Старик оставался недвижен.

— Жрец бога Тупа спит, потому что бог уже оборотил свой лик к земле и свет прогнал злых духов мрака. Но сон Аракема легок, как дым костра на горной вершине. Если чужеземец пришел, пусть говорит; слух Аракема отверст для гостя.

— Чужеземец пришел известить тебя, что он уходит.

— Гость Аракема — господин в хижине Аракема; все дороги открыты для него. Пусть Тупа отведет его в поселение его племени.

Вошли Ирасема и Кауби.

— Кауби вернулся, отец,— сказал воин табажара.— Он принес тебе лучшую часть своей охотничьей добычи.

— Воин Кауби — лучший охотник здешних гор и лесов. Глазам отца отрадно видеть его.

Старик приподнял веки и вновь сомкнул:

— Дочь Аракема, выбери для своего гостя дар возвращения и приготовь вяленое мясо ему на дорогу. Если чужеземец нуждается в проводнике, пусть воин Кауби, владыка дорог, проводит его.

И сон снова смежил веки старца.

Покуда Кауби развешивал над очагом охотничью добычу для просушки, Ирасема сняла свой белый гамак, перевитый яркими перьями птиц, и уложила его в плетеную соломенную суму.

Мартим ждал у входа в хижину. Индианка подошла к нему:

— Воин, что уносишь с собою сон моих глаз, унеси также и мой гамак. Когда ты будешь спать

в нем, пусть посетят твою душу сны Ирасемы.

— Твой подарок, дочь табажара, будет моим спутником в пустыне; пусть веет холодный ветер ночи, дар этот сохранит для чужеземца тепло сердца и аромат тела Ирасемы.

Кауби отправился посетить свое жилище, где еще не был по возвращении. Ирасема пошла готовить вяленое мясо на дорогу. Остались одни в хижине старик, глубоко уснувший, и юный воин со своей печалью.

Заходящее солнце клонилось к западу, когда брат Ирасемы вернулся из большого поселения.

— День печалится,— сказал Кауби,— и чело его уж помрачилось. Тени движутся в сторону ночи. Пора уходить.

Ирасема тихо дотронулась рукою до гамака, где спал отец.

— Он уходит! — прошептали ее дрожащие губы.

Аракем встал во весь рост посреди хижины и разжег трубку. Старик и юноша смешали дымы прощанья.

— Пускай с миром уходит гость, как с миром пришел в эту хижину.

Старец подошел к дверям, чтоб отдать ветру густой клуб табачного дыма; и, когда дым растаял в воздухе, промолвил:

— Косоротый леший Журупари пусть укроется за деревьями и очистит путь гостю Аракема.

И он вернулся к своему гамаку и снова погрузился в сон. Юноша взял тяжелое оружие, которое по прибытии подвесил к брусьям хижины.

...Впереди шел Кауби; за иим, иа иекотором расстоянии,— чужеземец; Ирасема замыкала шествие.

Оии спустились с холма н вступнлн в густой мрачиый лес. Лесной дрозд сабиа́, сладкогласиый певец сумерек, укрывшнсь в густой зелени мнрта, уже разрабатывал прелюдию своей песннплача.

Иидиаика вздохиула:

— Вечер — это печаль солица. Дии Ирасемы станут долгими вечерами без утра, покуда ие иастанет для иее великая иочь.

Юиоша обернулся. Губы его были немы, но глаза вещали. Слеза скатилась по суровому лицу, подобио капле влаги, выступившей от летиего зноя иа крутом склоие скалы.

Каубн, идущий все вперед и вперед, пропал из виду меж густой листвы.

Грудь иидиаики вздымалась, как волиы прилива, что стоиут, иакрывшись кружевным убором пеиы. Но в душе ее, почернелой от горя, иашелся еще слабый отсвет, заставивший иа мииуту вспыхиуть печальиые черты. Так в ночном мраке болотиые огии прокрадываются порою иа белый песок прогалины, чтоб вспыхнуть иа мгновеиье призрачным светом.

— Чужеземец, прими последиюю улыбку Ирасемы... и беги!

Губы вониа косиулись иежиых губ индейской девы. И оба замерли, съеднияcь, как два сросшихся плода, рождеииые одиим цветком.

Голос Каубн позвал чужеземца. Ирасема прислонилась к пальмовому стволу, чтоб ие упасть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В хижине тишина. Старый жрец думает.

Ирасема стоит недвижно, опершись на бугорчатый ствол, служащий опорой крыше. Большие черные глаза устремлены на кружево леса долгим дрожащим взглядом, и на лице, залитом слезами, словно рассыпаются и вновь нанизываются две нити прозрачных жемчужин.

Арара, усевшись на жердяном настиле напротив, смотрит на свою хозяйку зелеными грустными глазками. С тех пор как белый воин ступил на эту землю, Ирасема забыла свою пернатую подругу: румяные губы не раскрылись с тех пор ни разу, чтоб можно было осторожно взять из них клювом мякоть плода или зернышко маиса; ласковая рука ни разу не коснулась маленькой головки, чтоб погладить золотистые перышки.

И если птичий голос повторял певучее имя своей госпожи, улыбка Ирасемы уже не была ему ответом, и слух словно не улавливал оклик, звучавший некогда так сладко беззаботному сердцу.

Бедная птица! Племена тупи́ прозвали ее жандайя, что значит громко поющая, за то, что ее веселый, переливчатый голос так далеко разносится по окрестным полям. Но сейчас, печальная и немая, заброшенная своей хозяйкой, она походила скорей не на красавицу жандайю, а на урода ибихау, мрачную птицу, умеющую только стонать.

Солнце поднялось над темными горами; лучи его едва золотили строгие лики вершин.

Приглушенный рокот вечера, предвестник молчания ночи, медленно поглощал перекликающиеся голоса полей. Какая-то ночная птица, быть может обманутая густой тьмою леса, запела пронзительно и тонко.

Старик поднял лысую голову:

— Это пение вещей аигимы потревожило слух жреца? — воскликнул он с удивлением.

Дочь вздрогнула и, уже на пороге хижины, обернулась, чтоб ответить на вопрос отца:

— Это боевой клич воина Кауби!

Когда странный голос аигимы снова прорезал темноту, индианка уже мчалась по лесу, как лань, преследуемая охотником. Она остановилась, задыхаясь, только в том месте, где большой луг прорезал чащу наподобие лесного озера.

Первым, кто бросился ей в глаза, был Мартим, сидящий на одном из воздушных корней высокого дерева, спокойно глядя на происходящее перед ним. Плотным полукругом наступали сто воинов табажара во главе с Ирапуа. Храбрый Кауби, один против всех, устремлял на них гневный взор и грозное оружие, зажатое в сильной руке.

Вождь табажара требовал выдачи чужеземца, а проводник его отвечал просто и коротко:

— Убейте сначала Кауби.

Дочь жреца стрелой упала в круг сражавшихся; вот она уже перед Мартимом, подставляя свое гибкое тело под вражеские удары. Увидев ее, Ирапуа испустил свирепое рычанье, как ягуар, потревоженный в своем логове.

— Дочь жреца,— произнес шепотом Кау-

би,— отведи чужеземца в хижину, только Аракем может спасти его.

Ирасема повернулась к белому воину:

— Пойдем!

Но он остался недвижен.

— Если ты не пойдешь,— сказала индианка,— Ирасема умрет с тобою вместе.

Мартим поднялся; но не последовал за Ирасемой, а, напротив, направился прямо к Ирапуа. Его меч сверкнул в воздухе.

— Воины моей крови никогда не уходят от сражения, вождь табажара. И если тот, кого ты видишь сейчас пред собою, не атаковал тебя первым, то лишь потому, что родные учили его, что нельзя проливать кровь на земле, давшей тебе приют.

Вождь табажара взревел от радости; его мощная рука потрясла в воздухе огромной палицей. Но противники едва успели смерить друг друга вызывающим взглядом: в тот момент, когда палица просвистела, нацеленная для первого удара, Ирасема и Кауби выросли между ними.

Но дочь жреца тщетно молила христианина отказаться от боя, тщетно охватывала руками его стан, пытаясь увести силой. И Кауби, со своей стороны, напрасно пытался обратить против себя гнев вождя табажара.

Повинуясь жесту Ирапуа, воины оттолкнули брата и сестру в сторону. Поединок продолжался.

Внезапно глухой зов боевой трубы мощным рокотом отдался по всему лесу: сыны гор дрогнули, узнав пронзительный звук гигантской раковины воинов питигуара, хозяев морского берега, укрытого тенью кокосовых пальм. Эхо доно-

силось со стороны большого поселка, возможно уже осажденного врагами.

Воины, вместе со своим грозным предводителем, бросились на помощь своим. Рядом с чужеземцем осталась только дочь Аракема.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Воины табажара, устремившиеся на защиту поселка, ждали врага у ограды из высоких кольев.

Поскольку врага не было видно, они отправились на поиски его.

Прошли насквозь все окрестные леса, обежали все поля и долы, но не нашли никаких признаков, указывающих на то, что здесь прошли питигуара. Однако скрипучий зов военной раковины воинов прибрежья, столь хорошо знакомый уху воинов гор, прозвучал; для сомнений не оставалось места.

Ирапуа стал подозревать, что то была хитрость со стороны дочери Аракема, чтоб спасти чужеземца, и направился прямо к его хижине. Подобно прожорливому волку-гуара́, что крадется по кромке леса за ускользающей добычей, быстрым и неслышным шагом продвигался свирепый воин.

Аракем видел, как в его хижину вошел великий вождь племени табажара,— и не двинулся с места. Он сидел в своем гамаке, скрестив ноги, и слушал Ирасему, повествующую о событиях сегодняшнего дня. Заметив зловещую тень Ирапуа, девушка вскочила, схватив лук, и встала рядом с белым воином.

Мартим мягко отодвинул ее и выступил вперед.

Опека индианки досаждала ему.

— Аракем, месть людей табажара ждет белого воина; Ирапуа пришел за иим.

— Мой гость — друг бога Тупа; кто обидит чужеземца, услышит гром небесиый.

— Чужеземец оскорбил бога Тупа, украв его жрицу, что хранит тайные сны журемы.

— Твой голос лжет, как шипеиие змеи! — воскликиула Ирасема.

Мартим сказал:

— Ирапуа — низкий человек, он недостоин быть вождем храбрых воинов!

Старый жрец молвил, медлительно и весомо:

— Если дева предала белому воииу цветок своего тела, она умрет; но гость бога Тупа — свящеи: никто не обидит его; ои под защитой Аракема.

Ирапуа взревел; яростиый вопль заклокотал в его широкой груди, как свист аиакоиды в глубинах рек.

— Гнев Ирапуа не может более виимать тебе, старый жрец! Пусть падет ои на твою голову, если посмеешь украсть чужеземца у моей мести!

Старый Аидира, брат жреца, вошел в хижину; ои нес в руках грозиую палицу, а во взоре — еще более грозный гнев.

— Пусть вампир высосет твою кровь, если только в жилах у тебя кровь, а не жидкая грязь, Ирапуа, Дикий Мед! Имя тебе не мед, а грязь, если ты угрожаешь старому жрецу в его хижине.

Аракем отстраиил брата:

— Мир и тишииа, Аидира!

Старец медленно выпрямил свое высокое, худое тело, как неядовитая, но грозная на вид змея канинана, что встает на хвосте против намеченной жертвы. Морщины его запали глубже, и, раздвинув дряблую кожу щек, обнажились белые, острые зубы.

— Посмей ступить еще шаг, и гнев Тупа раздавит тебя под тяжестью этой скрюченной дряхлой руки!

— В это мгновенье Тупа — против тебя,— возразил вождь табажара.

Жрец рассмеялся, и смех его прозвучал зловеще, как трескучее хихиканье выдры.

— Услышь божий гром и содрогнись в сердце твоем, дерзкий воин, как земля содрогается в своих глубинах.

Произнеся эти зловещие слова, Аракем вышел на середину хижины; там поднял он большой камень и с силой ударил ногой об пол. Внезапно земля раскрылась. Из глубокого чрева ее раздался ужасающий стон, вырвавшийся, казалось, из нутра самих скал[1].

[1] Весь этот эпизод с громом, раздающимся из земли,— хитрость, которой пользовались жрецы и знахари описываемых диких племен, чтобы подействовать на воображение народа. Хижина находилась на склоне скалы, внутри которой проходит подземная галерея, сообщающаяся с равниной через узкое отверстие. Аракем нарочно заложил большими камнями оба отверстия этой галереи, чтоб скрыть от воинов существование пещеры. В момент, когда развертывается действие, нижняя щель была открыта, и Пажэ это знал; когда он открыл верхнюю щель, воздух устремился по подземной спирали с ужасающим грохотом, о характере которого может дать некоторое представление шум морской раковины. Явление это — естественное, но представляется сверхъестественным. *(Примечание автора.)*

Ирапуа не дрогнул, не побледнел от страха; но почувствовал, что свет дрожит в его глазах и слова в горле.

— Владыка грома на твоей стороне, владыка войны будет на моей,— сказал вождь табажара.

Грозный воин покинул хижину, и вскоре его тяжелая фигура растаяла в тени сумерек.

Пажэ и его брат завели неторопливую беседу у дверей хижины.

Еще не опомнившийся от изумления Мартим не отводил глаз от глубокой щели, которую стопа старого мага открыла в земляном полу хижины. Глухой шум, подобный дальнему шуму волн, разбивающихся о берег, доносился оттуда.

Христианский воин в задумчивости стоял над этой ямой: он не мог поверить, что бог индейцев табажара мог наделить своего проповедника подобной силой.

Догадавшись о том, что творится в душе гостя, Аракем разжег трубку и взял в руки военную трещотку марака́:

— Пора смирить гнев Тупа и заглушить голос грома.

Молвил — и вышел из хижины.

Тогда Ирасема приблизилась к юноше; на губах ее была улыбка, в глазах — радость.

— Сердце Ирасемы подобно рисовому зерну в водах реки. Как зреет в нем росток от влаги, в сердце Ирасемы зреет радость от доброй вести. Никто не причинит зла белому воину в хижине Аракема.

— Отойди от врага, дева табажара,— с жестокостью отозвался иноземец.

И, резко отвернувшись, скрыл свое лицо от грустного и тревожного взгляда индианки.

— Что сделала Ирасема для того, чтобы белый воин отвел от нее глаза, словно от земляного червя?

Голос девушки звучал мягко — так шумит легкий ветер в пальмовых листьях. Он проник в сердце Мартима. Ему стало стыдно за себя и больно за нее.

— Разве ты ничего не слышишь, прекрасная дочь мага? — воскликнул он, махнув рукою в сторону клокочущей бездны.

— Это глас бога Тупа.

— Твой бог вещал нам устами жреца: «Если дева предаст белому воину цветок своего тела, она умрет!»

Ирасема скорбно опустила голову.

— То не глас бога Тупа раздается в твоем сердце, воин дальных земель, то песнь белой невесты призывает тебя.

Странный гул, исходящий из чрева земли, внезапно смолк; в хижине воцарилась такая глубокая тишина, что стал слышен рокот крови в венах воина и трепет вздоха на губах девушки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

День погас; настала ночь.

Жрец вернулся в хижину; с трудом подняв тяжелую каменную плиту, он снова заложил ею отверстие пещеры. Кауби также пришел из большого поселка, где укрывался вместе с другими воинами после того, как они тщетно ис-

ходили весь лес в поисках врагов — питигуара.

Посреди хижины, между гамаками, развешенными под углом, Ирасема постлала циновку из пальмовых листьев и на ней подала остатки дичи и вино, собранное в последний месяц. Один лишь воин табажара притронулся к ужину, ибо желчь печали удрученного сердца не тронула горечью его губы.

Жрец набивал свою трубку травами Тупа; гость вдыхал полной грудью чистый ночной воздух, чтоб охладить кровь, кипящую в жилах; дева изливала мед своей души в стонах, вырывавшихся из дрожащих губ.

Кауби снова ушел в большое селенье. Жрец окутался клубами дыма, готовясь к таинству священного обряда.

Какой-то дрожащий зов, подъемлясь до самого неба, гулко прорезал тишину ночи.

Мартим поднял голову и прислушался. Другой, подобный первому, крик прозвучал в воздухе. Воин промолвил тихо, так, чтоб его услыхала только индианка:

— Ты слышала, Ирасема, голос чайки?

— Ирасема слышала пенье птицы, которой она не знает.

— Это ати-ати, птица моря, а ты — дева гор и никогда не спускалась к белым пескам берегов, где разбиваются волны.

— Берегами владеют племена питигуара, хозяева долин и пальм.

Индейцы большой воинственной нации, населявшей морские прибрежья, сами себя называли владыками долин; но племена табажара, их

враги, в иасмешку дали им прозвище «пожиратели креветок».

Ирасема побоялась обидеть белого воина; потому, говоря о питигуара, оиа употребила то прозвание, какое оии сами себе присвоили.

Чужеземец с минуту молчал в задумчивости, боясь быть неосторожиым:

— Крик чайки — это боевой клич храброго Поти, друга твоего гостя!

Ирасема вздрогиула, испугавшись за братьев. Слава иеистового Поти, что приходился братом вождю Жакауие — владыке морских берегов, давно уже долетела до вершин Ибиапаба, и едва ли могла отыскаться хижииа, где бы хоть раз ие раздался клич мести, обещаиной храбрецу, ибо каждый удар его мощной палицы отправлял одиого из воииов табажара прямо в погребальиую урну.

Ирасема подумала, что Поти идет иа выручку друга во главе своих воинов. Это иаверняка он трубил в боевую раковииу в самый разгар схватки. И она ответила белому воину голосом, в котором смешались грусть и горечь:

— Чужеземец спасен; братья Ирасемы умрут, потому что она ничего ие скажет.

— Прогоии печаль из твоей души, дева табажара. Чужеземец, покинув твои луга, не оставит на иих следа крови, подобно голодному тигру.

Ирасема взяла руку белого воииа в свои и поцеловала.

— Твоя улыбка, дочь жреца, погасила память о злобе, какую питают ко мие твои братья.

Мартим встал и направился к двери.

— Куда идет белый воин?

— Навстречу Поти.

— Гость Аракема не может выйти из этой хижины: воины Ирапуа убьют его.

— Воин должен искать защиты лишь у бога и своего оружия. Он не нуждается в опеке стариков и женщин.

— Что может один воин против тысячи воинов?! Храбр и силен муравьед, но дикие кошки кусают его и приканчивают, ибо их много. Твое оружие достигает не дальше длины твоей тени; а их стрелы летят высоко и прямо, как ястреб.

— Каждого воина ждет свой час.

— Ты не хочешь, чтоб умерла Ирасема, и хочешь, чтоб она дала умереть тебе!

Мартим был в растерянности.

— Ирасема пойдет навстречу вождю питигуара и принесет своему гостю слова его друга.

Старый Пажэ очнулся в конце концов от своей задумчивости. Он встал с места, и боевая гремушка марака загремела в его правой руке под его медленные, трудные шаги.

Он отозвал дочь в сторону:

— Если воины Ирапуа нападут на хижину, подыми камень и спрячь чужеземца во чреве земли.

— Гость не должен оставаться один. Не уходите, пока не вернется Ирасема. Песня ангимы еще не раздалась.

Старый жрец снова уселся в свой гамак. Девушка вышла, затворив за собою дверь хижины.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Бесшумно крадется дочь Аракема во тьме; и вдруг останавливается, прислушиваясь.

Крик чайки в третий раз достигает ее ушей; она спешит прямо в ту сторону, откуда он исходит, и оказывается на берегу лесного озера. Взгляд ее шарит по темноте и не находит того, что ищет.

И тогда голосом нежным, слабым, как песнь колибри, она произносит:

— Воин Поти, твой белый брат кличет тебя чрез уста Ирасемы.

Но одно лишь эхо отвечает ей.

— Дочь твоих врагов пришла к тебе, потому что чужеземец любит тебя, а она любит чужеземца.

И тут раскололась недвижная гладь озера и возникла из его глуби чья-то тень, и поплыла к берегу, и встала из вод.

— Это Мартим послал тебя, раз ты знаешь имя Поти, его брата по войне.

— Говори, вождь питигуара; белый воин ждет твоих слов.

— Возвращайся к нему и скажи, что Поти прибыл, чтоб спасти его.

— Он знает это; он послал меня к тебе.

— Слова Поти дойдут чрез твои уста до слуха его брата.

— Подожди лучше, пока Аракем уйдет из хижины, я отведу тебя к чужеземцу.

— Никогда в жизни, дочь табажара, воин

моего племени не переступил порога вражеской хижины — разве что как победитель. Приведи сюда воина морей.

— Месть Ирапуа бродит, вынюхивая след, вокруг хижины Аракема. Привел ли брат чужеземца достаточно воинов питигуара, чтоб защитить и спасти своего брата?

Поти задумался:

— Поведай, дева гор, то, что произошло в твоих землях, с тех пор как воин морей пришел сюда.

Ирасема рассказала, как гнев Ирапуа обрушился на чужеземца и рос и рос, покуда глас бога Тупа, вызванного своим жрецом, не утишил его ярости.

— Злоба Ирапуа подобна летучей мыши: бежит света и взлетает во тьме.

Внезапно рука Поти тяжело легла на губы девушки, мешая продолжать; он произнес тихо, почти шепотом:

— Затаи дыханье и затиши голос, дочь лесов, ухо врага чутко во тьме.

И правда: листья едва слышно потрескивали, словно по ним осторожно пробиралась дикая курочка инамбу. Какой-то шум, рождаясь у края леса, разливался по равнине.

Храбрый Поти, скользя по траве, как легкая креветка — камаран, от которой взял он имя и живость, исчез в глубине озера. Вода даже не всхлипнула и безмолвно сомкнула над ним свою блестящую гладь.

Ирасема вернулась в хижину; по пути взгляд ее различал тени многих воинов, что скакали по траве, как огромные рогатые лягушки.

Увидя входящую дочь, Аракем удалился.

Индианка рассказала Мартиму, что слышала от Поти; белый воин вскочил с места, чтоб немедленно бежать на выручку своего брата из племени питигуара. Но Ирасема охватила его шею руками.

— Вождь не нуждается в тебе, он — сын воды; вода защитит его. Скоро чужеземец услышит речь друга.

— Ирасема, пробил час, когда твой гость должен покинуть хижину жреца и земли табажара. Он не боится воинов Ирапуа, он боится глаз девы бога Тупа.

— Они отвернутся от тебя.

— Чужеземец должен бежать от них, как сова от света утренней звезды.

Мартим двинулся из хижины.

— Иди, неблагодарный воин; ты убьешь сначала твоего брата, а потом и себя. Ирасема последует за тобою в поля радости, куда уходят тени тех, кто умирает.

— Убью моего брата, говоришь ты, жестокая дева!

— Твой след поведет врага туда, где скрывается воин долин.

Христианин остановился в нерешимости посреди хижины и несколько мгновений стоял молча и недвижно. Ирасема, опасаясь взглянуть на него, рассматривала тень воина, отбрасываемую пламенем очага на шаткую стену хижины.

Лохматая собака, растянувшаяся у очага, подняла голову, чуя приближение друзей. Дверь, сплетенная из пальмовых листьев, открылась: вошел Кауби.

— Хмельное питье кауим помутило дух наших воинов; они поднялись против чужеземца.

Ирасема взвилась как стрела.

— Подыми камень, что закрывает горло Тупа, чтоб оно скрыло чужеземца.

Воин табажара, подняв огромную каменную плиту, сдвинул ее на землю.

— Сын Аракема, ляг у двери хижины, и чтоб не встать тебе никогда, если хоть один воин перешагнет через твое тело.

Кауби повиновался; девушка закрыла дверь.

Прошло немного времени — и вблизи послышался шум шагов и крики воинов; скрещивались гневные голоса Ирапуа и Кауби.

— Они идут; но бог Тупа спасет своего гостя.

В это мгновенье, словно бог грома услышал слова своей жрицы, чрево горы, молчащее вначале, сотряслось глухим гулом.

— Слушай! То голос Тупа!

Ирасема сжала руку воина и повела его к краю пропасти. И оба исчезли в глубоком чреве земли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Воины табажара, разгоряченные обильными возлияниями, возбуждаются всё сильнее от звуков голоса Ирапуа, что вел их в бой столько раз, сколько приводил к победе.

Пенный напиток кауим утишил жажду плоти, но лишь возбудил сильнее жажду свирепых душ. Угрозы дерзкому иноземцу, кто, противостав их оружию, оскорбляет бога их предков и главаря

их битв, храбрейшего из мужей табажара, свирепо оглашают воздух.

Под сенью веток скачут в неистовой пляске яростные воины; багровый отблеск сучьев железного дерева, видный издалёка, указует путь к хижине Аракема.

От времени до времени подымаются с земли те, кто первым пришел сюда выслеживать врага.

— Пажэ здесь, в лесу!— переговариваются они.

— А чужой?— вопрошает Ирапуа.

— В хижине, с Ирасемой.

Грозный вождь так и подпрыгнул на месте... И вот он уже у дверей хижины, а вместе с ним его отважное воинство.

Тень Кауби встала в проеме двери; его грозное вооруженье ограждает пред ним пространство, равное длине прыжка оцелота.

— Презренны воины, что нападают стадом, подобно кабанам. Ягуар, владыка леса, и ястреб, владыка облаков, сражаются с врагом один на один.

— Пусть гложет пыль грязный рот, извергающий хулу на самого отважного из воинов табажара!

Произнеся такие слова, Ирапуа вздел мощной рукой огромную палицу, да и остановил в воздухе, словно наткнувшись на что-то,— недра земли снова загудели, как в тот раз, когда Аракем пробудил громовый глас бога Тупа.

Тут подняли воины дикий вопль и, окружив своего главаря, повлекли его прочь от зловещего места и от гнева Тупа, обрушившегося на них.

Кауби снова залег снаружи у двери; веки

его сонно прикрыты, но чуткое ухо слышит любой шорох.

Смолк глас бога Тупа.

Ирасема и христианин, затерявшиеся в недрах земли, спускаются в глубокую пещеру. Внезапно чей-то голос, гулко прокатившись по галереям, ударил им в уши:

— Воин с берега моря, слышишь ли речь своего брата?

— Это Поти, друг твоего гостя,— сказал христианин, обращаясь к девушке.

Ирасема задрожала:

— Он говорит устами Тупа!

Мартим отвечал тогда воину питигуара:

— Речь Поти проникает в душу его брата.

— Ничье чужое ухо не слушает?

— Ничье, кроме ушей девушки, что дважды под одним солнцем спасла жизнь твоему брату!

— Женщина слаба, племя табажара вероломно, а брат Жакауны осторожен.

Ирасема вздохнула и опустила голову на грудь юноши:

— Повелитель Ирасемы, зажми ей уши, чтоб она ничего не слыхала.

Мартим мягко отодвинул от себя ее милое лицо.

— Говори, вождь питигуара; тебя слушают только верные в дружбе.

— Ты велел, Поти скажет. Прежде чем солнце взойдет над горами, воин морей должен уйти к берегам, где цапли вьют гнезда; мертвая звезда поведет его к белым пескам. Ни один табажарский воин не последует за ним, ибо боевая раковина питигуара загудит из-за гор.

— Сколько воинов питигуара сопровождают своего отважного вождя?

— Нет воинов. Поти пришел один. Когда злые духи леса разлучили воина морей с его братом, Поти пошел по следу. Сердце не разрешило ему вернуться в селенье, чтоб позвать с собою воинов своего племени; но он отправил к великому Жакауне свою верную собаку; брат поймет весть брата.

— Вождь питигуара один; если он станет трубить в боевую раковину, все воины табажара соберутся, чтоб идти против него.

— Боевая раковина должна звучать, чтоб спасти белого брата. Поти надсмеется над Ирапуа, как надсмеялся, когда он выставил против тебя сто воинов.

Дочь жреца, слушавшая молча, прошептала на ухо христианину:

— Ирасема хочет спасти тебя и твоего брата; она придумала как... Знай: вождь питигуара смел и отважен; Ирапуа ловок и коварен, как ястреб-змееяд. Прежде чем дойдешь до дебрей — погибнешь, и твой брат из другого племени погибнет с тобою.

— Как же мыслит дева табажара спасти чужеземца и его брата?— спросил Мартим.

— Луна цветов уже зарождается. То время праздника, когда воины табажара проводят ночь в священном лесу и получают в дар от жреца радостные видения. Когда все погрузятся в сон, белый воин исчезнет из долины реки Ипу и из глаз Ирасемы, но из ее души — нет.

Мартим порывисто обнял девушку, но сразу оттолкнул от себя. Прикосновение ее тела, неж-

ного, как цветок амариллиса и крыло колибри, заставило его сердце забиться сильнее, а ум — вспомнить страшное заклятье Пажэ.

Голос христианина передал Поти замысел Ирасемы; вождь питигуара, осторожный, как муравьед-тамандуа́, подумал немного и отвечал:

— Устами девы табажара говорит мудрость. Поти будет ждать восхода луны.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

День родился и погас.

Уже пылает в хижине Аракема огонь, товарищ ночи. Плывут медленно и немо по темной синеве звезды, дочери луны, ожидающие возвращения отлучной матери.

Мартим покачивается в гамаке; и, подобно белой сети, мягко взмывающей вверх и вниз, колеблется его мысль от одного образа к другому. Там ждет его белокурое дитя с невинной привязанностью; здесь улыбается ему смуглая дева со страстным чувством.

Ирасема тихо опустилась на землю у изголовья гамака; ее глаза, черные и блестящие, нежные, как песнь соловьиная, ищут взгляд иноземца и проникают в его душу. Христианин улыбается; девушка вздрагивает; как птица, завороженная змеею, она безотчетно подается вперед и вся клонится, готовая упасть на грудь воина.

Вот уже чужеземец прижимает ее к себе; и жадные губы уже ищут другие, давно их жду-

щие, чтоб чрез эти врата души испить миг счастья...

В темном углу старый жрец, погруженный в глубокое созерцание иного мира и чуждый делам этого, испустил тяжкий вздох. Сердце ли его почувствовало, чего не увидели глаза? Иль то было какое-то предзнаменование, зловещее для расы его сынов, отозвавшееся печальным эхом в груди Аракема?

Кто знает?

Христианин резко оттолкнул от себя индейскую деву. Нет, он не оставит после себя след горя в этой гостеприимной хижине. Он закрывает глаза, чтоб не видеть милого лица, и взывает к богу, которому поклоняется его племя:

— Христос!.. Христос!..

Покой снова воцаряется в душе белого воина, но всякий раз, как взгляд его падает на дочь жреца, горячая волна крови вскипает в его венах. Так порою ребенок бездумно шевелит пламя большого костра, а искры летят, обжигая ему лицо.

Иноземец плотнее сжимает веки, но в сумраке его мысли образ индианки встает еще прекрасней. Тщетно призывает он сон на свои усталые глаза; они открываются каждый миг, вопреки его воле.

И вдруг в его печальные думы врывается новая мысль, будто вдохновленная свыше.

— Прекрасная дева равнин, это последняя ночь, которую твой гость проводит в хижине Аракема, куда забрел на твою и свою беду и куда никогда б ему лучше не забредать. Сделай, чтоб сон его был радостен и полон счастья.

— Вели; Ирасема повинуется тебе. Что может она свершить тебе на радость?

Христианин заговорил тихо, чтоб не слышал старый Пажэ.

— Жрица бога Тупа хранит сны журемы, что так сладостны и волшебны!

Грустная улыбка тронула губы Ирасемы:

— Чужеземец всегда отныне будет жить вблизи белой девы, связанный с ней поясом любви; никогда более глаза его не увидят дочери Аракема; и он хочет уже теперь, чтоб сон сомкнул ему веки и сонное виденье унесло его в землю его братьев?!

— Сон — это отдых для воина, — сказал Мартим, — а сны — это радость для его души. Чужеземец не хочет уносить с собою печаль приютившей его земли или оставить ее в сердце Ирасемы!

Девушка осталась недвижна.

— Иди и возвращайся с вином бога Тупа.

Когда Ирасема вернулась, старого жреца уже не было в хижине; она достала маленький сосуд, спрятанный на груди под рубахой, сотканой из хлопка и птичьих перьев. Мартим выхватил сосуд из рук девушки и жадно всосал зеленый и горький настой.

Теперь он мог съединиться с Ирасемой и пить мед улыбки с ее губ, алевших, как лесная ягода. Он мог вдыхать цветочный аромат этой любви, не отравив печалью душу девушки.

Сладостное виденье не уступало по силе самой жизни, а зло было лишь миражем, ибо ведь он сжимал в объятьях всего лишь образ, явившийся ему во сне.

Ирасема со вздохом отпрянула от спящего, угнетенная.

Но внезапно руки и губы спящего воина раскрылись: руки протянулись к ней, а губы едва слышно произнесли ее имя.

Когда дикая голубка журити слышит зов своего друга, она машет крыльями и летит к теплому гнезду. Так и дева равнин нашла себе приют в объятьях воина.

Рассвет еще застал их рядом, как две зеленых ветви. Щеки Ирасемы горели новым румянцем; и, подобно тому как на утренней заре играет первый луч солнца, на ее озаренном лице играла улыбка любящей супруги, познавшей первую зарю любви.

Жандайя, пернатая подруга, улетела еще пред рассветом, чтоб никогда более не возвратиться в хижину.

Увидев девушку рядом с собою, Мартим подумал, что все еще спит, и снова закрыл глаза.

Звук военного рога, прокатившийся по долинам, убедил его, что он обманулся и это не сон, а явь. Его крепкая ладонь погасила на губах индианки готовое сорваться слово.

— Поцелуи Ирасемы сладки во сне; белый воин наполнил ими до краев свою душу. Но в жизни губы девственной жрицы бога Тупа дарят горечь и колют, как шипы на ветках журемы.

Дочь вождя ничего не сказала о своей тайне. Она внезапно оробела и притихла, подобно птице, что чует бурю. Быстро отскочив, она вышла из хижины.

Воды реки омыли чистое тело будущей матери.

У бога Тупа больше не было девственной жрицы в землях табажара.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Белый диск луны явился на горизонте.

Бледен лик небесной девы под лучом заходящего солнца, как лицо невесты под горячим взором воина.

— Мать Луна!.. Мать Луна!..— восклицают воины табажара.

И, натянув луки, устремляют к небу, вместе с дождем стрел, праздничную песнь во славу новой луны:

Матерь Луна, ты восходишь на небо,
К сынам твоим — воинам взор обращаешь.
Воду ты льешь в обмелевшие реки,
Соком лесные плоды наполняешь.
Солнца супруга, улыбку ты даришь
Девам земли, дочерям твоим кротким,
Лоно младых матерей освящаешь,
Сердце мужей зажигаешь любовью.

Опускаются сумерки. На большой ровной площади меж хижинами селенья отдыхают женщины и резвятся дети; юноши, которые еще не свершили подвигов в битвах и не завоевали себе боевой славы, состязаются в беге по окрестным долинам.

Воины следуют за Ирапуа в сторону священного леса, где их ожидает Пажэ со своей дочерью, дабы приобщить к таинствам журемы. Ирасема уже зажгла факелы радости. Аракем

сидит недвижио, в экстазе, окутаииый тучей табачного дыма.

Каждый виовь прибывший воии кладет к его ногам дары богу Тупа. Один иесет гору дичи; другой — брагу из маниоковой муки; третий — связку нежной речной рыбы. Старый жрец, кому предиазначены эти подиошеиия, приемлет их равнодушио.

Когда все уже уселись вкруг большого костра, исполнитель воли Тупа призывает к тишиие повелительным взмахом руки, и, трижды возгласив грозное имя, предается душою вселившемуся в него божеству:

— Тупа!.. Тупа!.. Тупа!..

Ирасема приблизилась, иеся чашу, полиую зелеиым зельем.

Аракем определяет сны каждому воину и раздает вино журемы, которое вознесет к иебу всех храбрецов племеии табажара.

И магический сои объемлет всех.

Один, ловкий охотник, видит во сие, как олени и кабаиы бегут иавстречу его стрелам, чтоб скорее быть пронзениыми ими; устав, иаконец, от схватки, укрепляет в земле решетку для жареиья и готовит столько дичи, что и тысяче воиию не съесть за год.

Другой, пылкий в страстях, видит, как самые красивые девушки табажара покидают родную хижииу и следуют за ним покориыми плеииицами его желаиий. Ни одно ложе воина ие баюкало столь пылких ласк, как те, какими ои насладился в экстазе своего магического сиа.

Герою снятся жаркие битвы и жестокие сраженья, из которых он выходит победителем,

увенчанный громкой славой. Старик снова возрождается в многочисленном потомстве, подобно сухому дереву, что, внезапно выгнав новые отпрыски, еще раз в жизни покрывается цветами.

Все чувствуют такое трепетное и долгое счастье, словно за одну ночь прожили несколько месяцев. Губы что-то шепчут, руки силятся что-то объяснить; и старый жрец, кто один лишь все видит и слышит, хоронит во глуби своей души тайну всех.

Ирасема, обнеся вождей вином бога Тупа, тотчас ушла из священного леса. Обряд запрещает ей наблюдать дрёму воинов и слышать, что говорят их магические сны.

Она направилась прямо к хижине, где ее ожидал Мартим.

— Возьми свое оружье, белый воин. Пора уходить.

— Веди меня туда, где ждет Поти, мой брат.

Девушка направилась к долине; христианин следовал на нею. Они достигли обрыва скалы, упиравшейся в берег пруда, скрытый густой зеленью.

— Зови своего брата!

Мартим кликнул криком чайки. Камень, закрывавший вход в пещеру, отпал; и тень воина Поти в сумраке встала пред ними.

Братья прижали лоб ко лбу и грудь ко груди, чтоб показать, что у них один разум и одно сердце.

— Поти доволен, ибо видит своего брата, которого злой дух леса скрыл от его глаз.

— Счастлив воин, имеющий рядом с собою

такого друга, как храбрый Поти; все воины будут завидовать ему.

Ирасема вздохнула, подумав, что для счастья чужеземца оказалось достаточно привязанности вождя питигуара.

— Воины табажара спят. Дочь Аракема проводит иноземцев.

И девушка пошла вперед; оба воина следовали за нею. Когда они прошли пространство, какое пересекает цапля за один полет, вождь питигуара стал беспокоен и защептал на ухо христианину:

— Вели дочери Пажэ вернуться в хижину ее отца. Она замедляет шаг воинов.

Мартим вздрогнул; но глас осторожности и дружбы проник в его душу. Он нагнал Ирасему и, стараясь придать своему голосу как можно больше нежности, чтоб смягчить для девушки горечь расставанья, сказал:

— Чем глубже входит корень в землю, тем труднее его вырвать. Каждый новый шаг Ирасемы по пути разлуки — это новый корень, который она оставляет в сердце своего гостя.

— Ирасема хочет проводить тебя туда, где кончаются поля табажара, чтоб вернуться с покоем в душе.

Мартим не ответил. Они продолжали шагать вперед, и с ними вместе шагала ночь; звезды бледнели и таяли, и предрассветная свежесть полнила радостью дебри леса. В утренние одежды, белые, как хлопок, оделось небо.

Поти всмотрелся в чащу и остановился. Мартим понял и сказал Ирасеме:

— Твой гость уже не ступает по землям табажара. Пришла пора проститься с ним.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Ирасема положила руку на грудь белого воина.

— Дочь табажара уже покинула поля своего племени; теперь она может говорить.

— Какую тайну хранишь ты в сердце, прекрасная дева равнин?

— Ирасема уже не может разлучиться с чужеземцем.

— Так надо, дочь Аракема. Вернись в хижину старого отца, который ждет тебя.

— У Аракема больше нет дочери.

Мартим сказал голосом жестким и суровым:

— Воин моего народа никогда не покидал хижину радушного хозяина, украв у него радость. Аракем обнимет свою дочь, чтоб не проклинать неблагодарного гостя.

Девушка опустила голову; закрывшись длинными черными косами, растрепавшимися по плечам, и скрестив на груди смуглые руки, она словно погрузилась в свою тайну. Так розовая опунция, уже выпустив свой прекрасный цветок, прячет в бутоне душистое лоно.

— Ирасема пойдет с тобою, белый воин, потому что она уже твоя супруга.

Мартим вздрогнул.

— Злые духи ночи смутили разум Ирасемы.

— Белый воин грезил, когда Тупа покинул свою девственницу. Дочь жреца предала тайну журемы.

Христианин закрыл лицо руками.

— Боже!..— произнес он дрожащим голосом.

Они постояли недвижно, словно онемев.

Наконец Поти вымолвил:

— Воины табажара просыпаются.

Но сердца индианки и чужеземца остались глухи к голосу благоразумья. Солнце встало на горизонте и обвело величественным взглядом горы и пущу. Поти оставался нем и недвижен, как срубленный ствол, ожидая, что его брат решится идти дальше.

Ирасема заговорила первой:

— Пойдем: пока твоя стопа не коснется песчаных прибрежий племени питигуара, твоя жизнь в опасности.

Мартим молча последовал за девушкой, которая ловко скользила между деревьями, как лесной зверек агути. Грусть сжимала ему сердце; но запах диких трав, стелющихся под легкой стопой индианки, пьянил его, воскрешая любовь в суровом сердце воина. Шаг его был медлителен, дыхание тяжко.

Поти размышлял. В его юном мозгу заключался недюжинный ум. Вождь питигуара думал о том, что любовь как дурманная смесь: если пить ее понемногу, она укрепляет, но если сверх меры — притупляет волю. Он знал, как быстроноги воины табажара, и ждал минуты, когда придется умереть, защищая друга.

Когда тени сумерек помрачили день, христиании остановился на лесной прогалине. Поти разжег костер гостеприимства. Дочь жреца развернула белый гамак из хлопковых нитей, переплетенных яркими перьями тукана, и повесила меж двумя стволами.

— Супруг Ирасемы, твое ложе ждет тебя.

Сама она опустилась вдалеке на высокий корень большого дерева, как одинокая лань, которую вспугнули с привычного места. Воин питигуара исчез в густолистых дебрях.

Мартим стоял немой и печальный, похожий на ствол дерева, с которого вихрь сорвал обнимавшую его лиану. Легкий ветер, пролетая, донес отшельнице его шепот:

— Ирасема!

То был голос лесного оленя, зовущий подругу; и лань, чутко вздрогнув, устремилась к покинутому логову.

Чащоба полнилась нежным запахом цветов и оглашалась птичьими трелями; вздохи счастья растворялись в ропоте пустынных далей. То было празднество любви и песнь во славу Гименея.

Утреннее солнце уже пробивалось сквозь густую листву. Глубокий и гулкий голос Поти прорезал шепоты леса:

— Народ табажара движется по чаще!

Ирасема высвободилась из обнимавших ее рук и оторвалась от губ, полонивших ее сердце; выпрыгнув из гамака подобно пугливой куропатке и подхватив на ходу оружие своего супруга, она повлекла Мартима прочь от этих мест.

От времени до времени осторожный Поти склонялся и слушал глухой голос чрева земли; голова его тяжело поворачивалась из стороны в сторону, как туча на макушке скалы, качаемая порывами надвигающейся бури.

— Что слушает чуткое ухо воина Поти?

— Поспешный шаг народа табажара. Он бежит, как тапир, прорывая заросль.

— Воин питигуара подобен эму, что летает не по небу, а по земле; мы последуем за ним, как его короткие крылья,— сказала Ирасема.

Вождь снова покачал головой:

— Пока воин морей спал, враг двигался. Те, что вышли первыми, уже нацелили на нас свои луки.

Стыд ужалил сердце Мартима.

— Беги, вождь Поти, и спаси Ирасему. Умереть должен лишь дурной воин, что не услышал совета своего брата и мольбы своей супруги.

И Мартим ускорил шаг навстречу опасности.

— Слова воина морей сказали его губы, а не душа: у Поти и его брата есть только одна жизнь — общая.

Губы Ирасемы ничего не сказали — они улыбались.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Грохочет земля и дрожит чащоба от быстрого бега воинов табажара.

Гигант Ирапуа первым показался из-за деревьев. Его огненный взгляд видит белого воина в кровавых кругах тумана; тигриный рык разрывает его грудь, сдавленную гневом.

Свирепый вождь табажара уже готов вместе со своими воинами обрушиться на беглецов, как гребнистый вал, ударяющий в мыс Мокорипе...

Но тут явственно послышался лай собаки.

Друг Мартима испустил крик радости:

— Собака Поти ведет воинов его селенья нам на помощь!

Хриплый зов боевой раковины питигуара скрипит по чащам. Великий Жакауна, властитель морских прибрежий, прибыл с песков реки цапель с лучшими своими воинами.

Храбрецы питигуара принимают первый бросок врага на ощерившиеся острия своих стрел, которые частоколом подымаются из их луков, как иглы из тела дикобраза. И вот уже слышатся клики и шум битвы, расстояние между вражьими станами укорачивается — и завязался рукопашный бой.

Жакауна напал на Ирапуа. Долго длится страшная их схватка, что могла б истощить силы десяти великанов, но все никак не сломит двух бравых вождей. Когда их мощные булавы сшибаются в воздухе, вся битва содрогается, как один воин, до самых глубин.

Брат Ирасемы неистово наступает на иноземца, оторвавшего его сестру от мирного очага; маяк мести светит ему в сраженье; вид сестры раздувает пламя гнева в его груди — воин Кауби бешено бросается в бой против своего врага.

Ирасема, ни на шаг не отходящая от своего супруга, увидела Кауби еще издали и сказала:

— Властитель Ирасемы, выслушай мольбу твоей рабы; не проливай крови сына жреца. Если воину Кауби суждено умереть, то пусть он умрет от моей руки, а не от твоей.

Мартим с ужасом взглянул в девственное лицо индианки:

— Ирасема убьет своего брата?

— Ирасема скорей готова окрасить кровью Кауби свои руки, чем твои; ибо глаза Ирасемы устремлены на тебя, а не на нее саму.

И воины вступают в битву. Индеец бьется яростно; христианин лишь слабо защищается, но отравленная стрела в луке Ирасемы охраняет его жизнь от натиска врага.

Поти уже повалил на землю старого Андиру и всех тех, кого настигла его неотвратимая палица. Мартим оставляет на его долю сына Аракема, чтоб устремиться навстречу Ирапуа, с которым хотел сразиться сам Жакауна.

— Жакауна, ты великий вождь; военное ожерелье из зубов побежденных воинов, что носишь ты в знак своих побед, охватило твою грудь уже в три оборота... Но этот воин табажара предназначен в бою белому воину.

— Месть — это доблесть воина; и Жакауна гордится другом Поти.

С этими словами верховный вождь питигуара обратил свою палицу в другую сторону.

А бой между Ирапуа и Мартимом начался. Меч христианина, ударясь о булаву индейца, разбился на куски. Вождь табажара наступал на безоружного противника.

Ирасема издала змеиный свист и ринулась против разъяренного воина. Вздетая палица дрогнула в мощной длани вождя, и через мгновенье рука его бессильно повисла.

Надрывно пела боевая раковина победы. Воины питигуара, предводительствуемые Жакауной и Поти, неслись по чаще вслед побежденным. В поспешном бегстве воины табажара оставили своего вождя на милость Ирасемы, чей

гнев мог свалить его так же, как птица валит огромное дерево — выгрызая сердцевину.

Печальные глаза Ирасемы видели, озирая окрестность, землю, усеянную телами ее братьев, а вдалеке — толпу воинов табажара, убегающую в черном облаке пыли. Кровь, что окрасила поле недавней битвы, была той же самой отважной кровью, что текла в ее жилах и сейчас пылала стыдом и гневом на ее щеках.

Слезы потекли по ее лицу.

Мартим отошел в сторону, чтоб не смущать ее печали.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Едва враги рассеялись, Поти вернулся на прежнее место. Глаза его наполнились слезами радости, когда он увидел, что белый воин цел и невредим.

Верный пес следовал за ним по пятам, еще зализывая на морде накипь вражьей крови, какою вдоволь насытился. Хозяин гладил его, хваля за преданность и храбрость. Ведь это он спас жизнь Мартиму, приведя сюда с такой ловкостью и проворством воинство Жакауны.

— Злые духи леса могут вновь разлучить белого воина с его братом из племени питигуара. Моя собака отныне будет следовать за тобою повсюду, дабы ты мог позвать Поти на помощь даже издалёка.

— Но ведь эта собака — твой верный друг и товарищ!

— Еще лучшим другом и товарищем будет

она для Потн, служа его брату, а ие ему самому. Ты будешь звать ее Жапн, что на языке индейцев означает Наша Стопа, н благодаря этой проворной стопе мы сможем нздалека прнбежать друг к другу.

Жакауна подал знак трогаться в путь.

Воины питигуара направились к веселым берегам рекн, где пьют белые цаплн. Там возвышалась нх просторная таба — селеине властнтелей долин.

Солнце ушло на покой и снова встало на небе. Вонны достигли уже того места, где горы расступаются пред равнниной сертана; осталась позадн та часть горной цепн, которую за то, что безлесна и что гола, как водяная свинка капнбара, люди бога Тупа прозвали Ибнапина, что значнт Лысая Земля.

Поти повел хрнстианина туда, где высилось пышнолнстое дерево жатоба́, что ростом свонм бросало вызов самым высоким деревьям нагорья н, когда налетал буйный ветер, казалось, мело иебо своей гигантской кроной.

— На этом месте родился твой брат,— сказал нндеец.

Мартнм обнял мощный ствол, как старого друга:

— Жатоба, свндетель рождення моего брата Поти, чужеземец приветствует тебя.

— Да поразнт тебя молния, дерево вонна Потн, еслн этот брат покннет в беде своего брата.

И вождь питигуара поведал следующее:

— Когда Жакауна не был еще воином, Жатоба́, высочайший вождь, вел иарод пнтигуара

от победы к победе. Когда пали большие дожди, он направился в сторону гор. Прибывши, велел ставить частокол и строить деревню, чтоб быть ближе ко врагу и побеждать его чаще. Та же луна, что зрела его приход, осветила гамак, где его супруга Саи подарила ему еще воина его крови. Лунный свет играл на листьях дерева жатоба, а улыбка — на губах могучего человека, восприявшего его имя и мощь.

Ирасема приблизилась.

Голубка, только что хлопотавшая на песке, едва отдалится ее друг, порхает беспокойно с ветки на ветку и воркует, чтоб ей ответил отлучиый. Так и дочь лесов бродила по склонам, напевая простую протяжную песню.

Мартим встретил ее с лицом, исполненным души; и, ведя супругу со стороны сердца, а друга со стороны силы, возвратился в стан воинов питигуара.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Луна прибывала.

Три раза всходило солнце с тех пор, как Мартим и Ирасема пришли в земли питигуара, властителей берегов рек Камусим и Акараку.

Иноземцы повесили свои гамаки в просторной хижине Жакауны. Храбрый вождь оставил для себя право и радость предложить гостеприимство белому воину.

Поти покинул свое селенье, чтоб сопровождать брата по войне в хижину брата по крови и насладиться мгновеньями дружбы, чувство которой переполняло сердце воина моря.

Тень сумерек уже исчезла с лица земли, но Мартим увидел, что она так и не исчезла с лица его супруги с самого дня сражения.

— Печаль поселилась в сердце Ирасемы!

— Радость для Ирасемы исходит только от тебя; когда твои глаза отворачиваются от нее, ее глаза наполняются слезами.

— О чем же плачет дочь племени табажара?

— Это селенье питигуара, врагов ее народа. Глаза Ирасемы уже видели черепа ее братьев, насаженные на колья ограды; ее уши уже слышали песнь смерти пленных табажара; ее руки уже трогали оружье, окрашенное кровью ее родичей.

Индианка положила руки на плечи воина и склонилась к нему на грудь:

— Ирасема сносит все эти муки из-за своего воина и повелителя. Плод анонового дерева сладок и вкусен; но когда его мнут, киснеет. А твоя жена хочет, чтоб ее любовь наполняла тебе сердце сладостью меда.

— Пусть мир вернется к дочери табажара; она вскоре покинет селенье врагов своего племени.

Христианин направился к хижине Жакауны. Великий главарь обрадовался, увидав своего гостя; но радость сразу покинула его воинственное чело, когда Мартим сказал:

— Белый воин уходит из твоей хижины, могучий вождь.

— Тебе чего-нибудь недоставало в селении Жакауны?

— Всего доставало твоему гостю. Он был

7-45

счастлив здесь; но голос сердца зовет его прочь отсюда.

— Тогда иди и возьми все, что нужно на дорогу. Пусть Тупа укрепит тебя и снова приведет в хижину Жакауны, чтоб он мог отпраздновать твой желанный приход.

Вошел Поти и, узнав, что воин моря уходит, промолвил:

— Твой брат пойдет с тобою.

— Воины Поти нуждаются в своем предводителе.

— Если ты не хочешь, чтоб они следовали за Поти, их поведет к победам Жакауна.

— Хижина Поти останется пустынной и печальной.

— Пустынным и печальным остается сердце твоего брата вдали от тебя.

Воин моря покидает берега реки цапель и направляется в земли, где садится солнце. Жена и друг сопровождают его в пути.

Осталась позади зеленая гора, где изобилие плодов породило множество мух, за что и дали ей имя Меруока, что означает Муший Дом.

Они пересекли поля, омываемые рекою цапель, и завидели вдали на горизонте высокую цепь гор. День умирал; черная туча летела со стороны моря: то были грифы-урубу, что клюют на берегу падаль и с наступлением ночи возвращаются в свои гнезда.

Путники заночевали на высокой горе, прозванной Гнездо Урубу. Когда солнце встало снова, они достигли берегов реки, которая рождается на горном склоне и спускается на равнину, извиваясь как змея. Ее внезапные и частые по-

вороты обмаиывают иа каждом шагу путиика, следовавшего вдоль ее изменчивого потока; за это и прозвали ее Муидау́, что зиачит Ковариая.

Огибая душистые ее берега, увидел Мартим при иовом рассвете зеленые моря и белые пляжи, где ропотиые волиы стоиут порою, а иной раз воют в бешеистве, разбиваясь клочьями пеиы.

Взгляд христиаиииа блуждал по громадиости этих далей; грудь его дышала вольио. Это море целовало и белый песок Потеижи, омывающей город Натал, колыбель, где ои увидел свет Америкаиского коитииеита. Ои бросился в волиы, желая омыть свое тело водою родины, как омывал свою душу ее воспомииаиьем.

Ирасема почувствовала, что сердце в ией стоиет; ио уже через миг улыбка воииа виовь согрела его.

Тем временем Поти, стоя иа скалистом уступе, уже загарпуиил жириого угря, резвящегося в малеиькой бухте Муидау, и разводил костер для завтрака.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Солице уже спускалось с высот иеба.

Путиики добрались до устья реки, где в большом изобилии водилась вкусная рыба траира и иа берегах которой расселилось племя рыбаков из большой иации питигуара.

Оии приияли пришельцев с гостеприимством и радушием, что было одним из заветов их религии, а Поти — с уважеиием, положеииым столь зиамеиитому воииу, брату Жакауны, главиого вождя могучего иарода.

Чтоб путешественники отдохнули и в знак прощанья, вождь племени пригласил Поти, Мартима и Ирасему на свой плот — жангаду и, открыв паруса, отплыл с ними далеко-далеко от берега. Рыбаки следовали за ними на своих плотах и оглашали воздух унылой песнью расставанья и ястребиным клекотом, похожим на рыданья ветра.

За гаванью Пирокуара, что значит Рыбья Нора, был еще проход к нагорью — обиталищу племени охотников. Они занимали зеленый, поросший лесом край по берегам реки Соипэ, прозванный страною охоты за обилие оленей, толстых лесных свинок — пака и чернoперых гокко, чье мясо по нежности не уступает голубиному.

Вождь охотников Жагуарасу жил в хижине на берегу озера, образованного рекою близ моря. Здесь путников ждал такой же радушный прием, что и у рыбаков.

Покинув страну охоты, путешественники пересекли реку Таиба, по берегам которой бродили кабаньи стада; вдалеке текла Кауипе, или Винная река,— в тех местах изготовлялось дивное вино из плодов кажу.

На следующем рассвете увидали они красивую реку, которая будто пробилась из моря и вырыла маленький залив в подножье твердой скалы.

Вдали на горизонте возвышался песчаный мыс, белизною подобный морской пене. Гордо вознесенная над волнами вершина его походила на голову орла, ожидающего там бури, грядущей из неведомых пределов океана.

— Большая песчаная гора знакома моему брату Поти? — спросил христианин.

— Поти знакомы все земли, какими владеют питигуара: от берегов большой реки, образующей рукав моря, до берегов реки, где водятся ягуары. Поти всходил уже на вершину песчаной горы Мокорипе и оттуда видел, как бежали по морю большие лодки белых воинов, твоих врагов, что сейчас в краях, где течет Меарим.

— Почему зовешь ты Мокорипе большую песчаную гору?

— Рыбак, что уходит на плоту туда, где летят чайки, тоскует вдали берега и своей хижины, где спят дети его крови. Когда он возвращается и его глаза различают вдали песчаную гору, радость снова приходит в его сердце. Потому здешние рыбаки прозвали песчаную гору Мокорипе, что значит Дающая Радость.

— Рыбаки правы, ибо твоему брату тоже стало радостно на душе, когда он увидел песчаную гору.

Мартим взошел вместе с Поти на вершину Мокорипе. Ирасема, следуя взглядом за своим супругом, бродила, как тонконогая яссана с красными перьями, у живописного залива, что здесь образует суша, чтоб принять волны моря. Походя срывала она сладкие плоды кажу, чтоб утолить жажду воинов, и подбирала переливчатые раковины себе на ожерелье.

Путники пробыли на Мокорипе три дня. На восходе четвертого Мартим решил, что отправится дальше, а его жена и его друг вернутся к устью реки, чьи полузатопленные берега поросли мангровым кустарником. Море, пробившись

сквозь густую зелень, образовало здесь небольшой затон, полный прозрачной водою н врытый в камень, подобно погребальной урне, какую ннdейцы называют камуснм.

Христнанскнй вонн, окндывая взглядом этн места, глубоко задумался. До снх пор ои шел наугад, не разбнрая дорогн; еднниственным его стремленнем было уйтн как можно дальше от селеннй пнтнгуара, чтоб заглушнть тоску в сердце Ирасемы. Он зиал по опыту, что дорога утншает печаль разлукн, нбо душа дремлет, покуда тело двнжется. Но теперь, стоя на берегу, он думал.

— Белый вонн думает; душа его брата открыта, чтоб прннять его мыслн.

— Твой брат думает, что этн места подходят лучше, чем Жагуарнбе, для того чтоб построить здесь селенье для воннов его расы. В этнх водах большие кораблн, что плывут нз дальннх земель, могут укрыться от ветра н бурь; отсюда двинутся онн на Меарнм, чтоб разбнть племя белых людей, союзнннков табажара н врагов твоей нацнн, которых вы иазываете тапуйя, а мы — французы.

Вождь питнгуара немного подумал и ответнл:

— Идн н прнведн твонх воннов. Потн постронт свое селенье рядом с городом своего брата.

Прнблнзнлась Ирасема. Хрнстнаннн жестом прнказал вождю питнгуара молчать об их разговоре.

— Голос супруга умолкает, и глаза его смотрят в землю, когда прнближается Ирасема. Хочешь ты, чтоб она удалнлась?

— Твой супруг хочет, чтоб ты подошла ближе, дабы его голос и взгляд его глаз проникли глубже в твою душу.

Красавица индианка вся раскрылась в улыбке, как раскрывается апельсинный цвет, преображаясь в румяный плод, и опустила голову на плечо воина.

— Ирасема слушает тебя.

— Эти светлые поля станут еще светлее, если в них поселится Ирасема. Что говорит об этом твое сердце?

— На сердце у супруги всегда светло, если она рядом со своим воином и повелителем.

Следуя дальше по берегу реки, христианин выбрал место для будущей хижины. Поти вырубил опоры из стволов карнаубы; дочь Аракема связывала веера пальм, чтоб одеть крышу и стены; Мартим вырыл ямы и смастерил дверь из полос бамбука.

Когда опустилась ночь, молодая чета повесила свой гамак в новой хижине, а друг повесил свой под навесом, глядящим на восход.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Поти поклонился другу и молвил так:

— Прежде чем отец Жакауны и Поти, храбрый воин Жатоба, стал повелевать всеми воинами питигуара, главная палица нации была в руках его отца — знаменитого вождя по имени Батуирета — Большой Бекас. Это он прошел по берегу моря до самой реки ягуаров и оттеснил народ табажара внутрь нагорья, назначив каждо-

му племени свое место; потом он ушел по сертанам в сторону горной цепи, получившей его имя.

Когда новых звезд, по которым мы считаем года, взошло в его жизни так много, что в его погребальной урне уже не умещались сухие плоды кажу, отмечающие их число, тело его склонилось головою к земле, руки затвердели, как ветви железного дерева убирата́, и свет его глаз померкнул.

И тогда он позвал воина Жатоба и сказал ему:

— Сын, возьми палицу народа питигуара. Бог Тупа не хочет больше, чтоб Большой Бекас брал ее с собою на войну, и потому отнял силу у его тела, движение у его руки и свет у его глаз. Но Тупа был добр к твоему отцу и потому дал ему такого сына, как воин Жатоба.

Жатоба принял палицу народа питигуара, а его отец взял в руки посох старости и отправился в дорогу. Он шел через широкие сертаны и достиг сочно-зеленых полей, где течет река, что родится в краю ночи. Старый воин медленно влачился по ее берегам, и темень в его глазах не давала ему более видеть плоды на деревьях и птиц в небе; и он восклицал, полный грусти:

«Где вы, прошлые времена!»

Люди, слышавшие его, печалились о судьбе старого вождя, а он, где б ни прошел, все повторял свою жалобу; и с тех пор так и зовут эту реку и эти поля Кишерамобим, что означает Память Былого.

Старец шел по пути белых цапель до той горной цепи, что ты сейчас видишь вдалеке, где вначале и поселился. Там, на вершине, старый

воин свил себе гнездо, как ястреб, чтоб заполнить беседами с богом Тупа остаток своих дней. Сын его уже спит глубоко под землею, а старец еще в прошлую луну сидел у дверей своей хижины в размышлениях, ожидая прихода ночи, приносящей самый большой сон. Все вожди питигуара, когда подымаются на клич войны, идут на поклон к старцу, чтоб тот научил их побеждать, ибо никогда никто другой не умел сражаться, как он. Потому люди индейских племен не зовут его больше по имени, а зовут Марангуаб — Великий Знаток Войны.

Воин Поти подымется на гору и навестит своего великого деда; но раньше, чем умрет солнце этого дня, он возвратится в хижину своего брата. Есть у тебя другая воля?

— Белый воин отправится вместе с тобою, чтоб обнять великого главаря питигуара, деда его брата, и сказать старцу, что он возродился в сыне своего сына.

Мартим позвал Ирасему, и они пошли вслед за воином питигуара к горному кряжу Марангуаб, что возвышался на горизонте. Они следовали берегом реки до того места, где в нее впадает ручей, названный Пирапора, что значит Рыбий Прыжок.

Хижина старого воина находилась возле красивого водопада, в чьих пенных струях резвились стаи рыб. Волна там свежа и ласкова, как легкий ветер с моря, пробегающий по листьям кокосовых пальм в часы затишья.

Батуиретэ сидел на скалистом уступе у бурлящего водопада, и жаркое солнце жгло его голову, лишенную волос и полную морщин, как

высохший плод. Так дремлет аист-жабуру на берегу озера.

— Поти пришел в хижину великого Марангуаба, отца Жатоба, и привел своего белого брата, чтоб он мог увидеть самого главного воина индейских племен.

Старик приоткрыл тяжелые веки и перевел свой тусклый взгляд с внука на чужестранца. Потом в груди его что-то захрипело, и губы прошептали:

— Тупа пожелал, чтоб эти глаза увидели, прежде чем погаснуть, белого коршуна рядом с юным бекасом.

Произнеся эти пророческие слова о судьбе своей расы, доблестный старец уронил голову на грудь и больше не шелохнулся.

Поти и Мартим решили, что он задремал, и почтительно отошли в сторону, дабы не смущать сон того, кто столько свершил за свою долгую жизнь. Ирасема, только что искупавшаяся в ближайшем водопаде, вышла им навстречу, неся на большом листе колоказии соты нежнейшего дикого меда.

Друзья бродили по цветущим склонам, покуда тени гор не пролегли по долине. Тогда они возвратились туда, где оставили Марангуаба.

Старик сидел все на том же месте и в той же позе, с головой, опущенной на грудь и упершись лбом в колени. Муравьи ползли вверх по его телу, и зеленые попугайчики летали вокруг и садились ему на лысину.

Поти положил руку на голый череп деда и понял, что тот скончался; прославленный воин умер от старости. Тогда вождь питигуара затя-

нул песнь смерти и пошел в хижину искать погребальную урну камусим, из которой уже сыпались через край сухие плоды кажу. Мартим насчитал пять раз по пять пригоршней в обеих руках.

Тем временем Ирасема сбирала в лесу душистые листья андиробы, чтоб натереть тело старца, которое сострадающие руки внука опустили в погребальную урну. Камусим подняли и привесили к своду хижины.

Затем Поти посадил у входа крапиву, чтоб не допустить диких зверей к опустевшему жилью, и, печально простившись со знакомыми местами, отправился к берегу моря, сопровождаемый своими спутниками.

Горная цепь, где некогда стояла хижина старого вождя, получила имя Маранугуаб в честь того, что здесь покоится Великий Знаток Войны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Уже четыре полных луны взошли на небе с тех пор, как Ирасема покинула поля реки Ипу, и три — с тех пор как она поселилась на берегу моря в хижине своего супруга.

Радость жила в ее душе. Дочь сертанов была счастлива, как ласточка, улетевшая из родного гнезда, чтоб свить новое в краю, где начинается пора цветенья. Она тоже обрела на берегу моря приют для своей любви, новую родину для своего сердца.

Словно колибри, порхающий меж цветов акации, носилась она по душистым лугам. Свет

утра заставал ее прильнувшей к плечу супруга, подобно плющу, что обвивает мощное дерево, каждое утро венчая его цветами.

Мартим ходил на охоту вместе с Поти. Ирасема оставалась одна, словно затем, чтоб чувствовать еще живее желание быть с ним рядом.

Неподалеку находилось красивое озерцо посередь зеленого луга. Туда с рассветом направляла индианка свой легкий шаг. Был час утреннего купанья — и она бросалась в воду и плавала, словно белая цапля или краснoперая яссана. Воины питигуара, очутившиеся в здешних местах, прозвали потом это маленькое озеро Порангаба — Озеро Красоты, за то, что в нем купалась Ирасема, самая прекрасная из дочерей Тупа.

С того времени многие матери приходили сюда издалёка, чтоб окунуть своих дочек в воды Порангабы, обладавшие чудесным свойством дарить девушкам красоту, за какую их полюбят самые храбрые воины.

После купанья Ирасема уходила к самым отрогам гор Марангуаба, где родится река турпанов, по имени Жерерау. Там, в тени и свежести, растут самые сочные плоды, какие только есть в этом краю. Индианка набирала их полную корзину и ждала, нежась в ползучих стеблях страстоцвета, когда с охоты вернется Мартим.

Иной раз дух странствий влек ее не к Жерерау, а совсем в противоположную сторону, где тоже есть озеро, от воды которого, по словам жрецов, краснеют и пухнут глаза, почему его и прозвали Сапиранга, что значит Красный Глаз. Близ него раскинулась густолистая паль-

мовая роща, образовавшая посреди нагорья большой зеленый остров. Ирасеме нравилось это место, где ветер тихо вздыхал меж стройных стволов; там собирала она алые плоды, чтоб из их мякоти приготовить освежающий напиток, подслащенный диким медом, и наполняла им большой кувшин, чтоб воины могли утолить жажду в часы зноя.

Однажды утром Поти повел Мартима на охоту в сторону горного кряжа, что поднялся рядом с Мараигуабом как брат-близнец. Высокий пик его загнут наподобие клюва попугая, за что воины и прозвали его Аратанья — Клюв Арары. Охотники поднялись по склону, с которого река Гуайуба несет свои воды в долину, и достигли водоемины, где роет свои норы лесная свинка — пака.

Солнце освещало уже только самый верх Клюва Арары, когда они покинули Логово Паки, как называлось это место, и спустились к низкому нагорью, где стояла их хижина. Еще издали увидали они Ирасему, поджидавшую их на берегу своего любимого озера. Она двинулась им навстречу горделивым шагом белой цапли, прохаживающейся у кромки воды; поверх белой холстяной рубахи она надела широкую повязку из цветов молочая, считавшихся знаком плодородия. Ожерелье из тех же цветов обнимало ее шею и украшало маленькие крепкие груди.

Она взяла руку супруга и положила себе на живот:

— Твоя кровь уже живет в теле Ирасемы... Ирасема будет матерью твоего сына.

— Сына, говорнщь ты? — радостио воскликнул хрнстнанни.

И, встав иа коленн, ои обиял ее и поцеловал плодоносиое лоно.

Когда ои поднялся, Потн произнес:

— Счастье вониа составляют супруга н верный друг; первая дает радость, второй — силу; воин без супругн подобеи дереву без лнстьев и цветов: оно ннкогда не даст плода; вонн без друга подобен одииокому дереву, которое ветер хлещет средь пустынного поля: плод его ннкогда не созреет. Счастье храброго мужа — в потомстве, что от него родится н составляет его гордость; каждый новый воии, рожденный нз крови его веи, — это новая ветвь. что взиесется к тучам, подобно верхушке могучего кедра, н возиесет до небес его нмя. Любнмцем бога Тупа будет воии, нмеющнй супругу, друга н много детей; ему иечего больше желать, кроме смертн во славе.

Мартим прижал иидейца к своей груди:

— Верное сердце друга говорило твонмн устамн. Белый воин счастлнв, знай это, вождь племен пнтнгуара, властнтелей морскнх берегов; счастье его роднлось в стране пальм, пахнущей ваннлью, н было зачато в крови твоей расы, чье лнцо окрашено в цвет солнца. Белый вонн не хочет нной роднны, чем родииа его сына н его сердца.

На раннем рассвете Поти пошел нскать семена растенья кражуру, нз которых получают краснвую алую краску, и плоды дерева анжико, чтоб добыть самую блестящую черную. По путн его меткая стрела сбнла иа лету днкую утицу.

Воин вырвал из ее крыла длинные перья и, поднявшись на пик Мокорипе, затрубил в большой рог. Ветер с моря разнес далеко-далеко хриплый призыв. Боевая раковина рыбаков с Траири и звонкая труба охотников с Соипэ ответили ему.

Мартим искупался в прохладной реке и бродил вдоль берега, чтоб обсушить тело на солнце и на ветру. Рядом с ним шла Ирасема и подбирала желтый янтарь, который море щедро выбрасывает на эти берега. Каждую ночь натирала она душистыми травами свое тело и белоснежный гамак, чтоб отдых любимого был слаще.

Вернулся Поти.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

То было обычаем расы, дщери бога Тупа, чтобы воин носил на теле краски своего племени. Вначале просто проводили на теле черные черточки, подобные полосам на шкуре носухи-коати, откуда и пошло название этого искусства военной раскраски «коатисаба». Позже прибавили еще цвета, и многие воины стали рисовать у себя на теле условные изображения своих подвигов.

Чужеземец, признав родину супруги и друга своею, обязан был пройти через этот обряд, чтобы стать краснокожим воином, сыном Тупа. Поти добыл все необходимое для церемонии.

Ирасема приготовила краски. Вождь, обмакивая в них пучки птичьих перьев, провел по телу белого воина черные и алые черты, служа-

щие украшением великой нации питигуара. Затем нарисовал у него на лбу стрелу и сказал:

— Как стрела пронзает твердый ствол дерева, взгляд воина проникает в душу народов.

На руке возле локтя он нарисовал ястреба:

— Как ястреб падает с неба на добычу, так рука воина опускается на голову врага.

На левой стопе он нарисовал корень пальмы:

— Как маленький корень крепит на земле высокую пальму, так сильная стопа воина держит его мощное тело.

На правой стопе он нарисовал крыло:

— Как крыло ласточки разрезает воздух, так легкая стопа воина мчит его в быстром беге.

Ирасема взяла кисть из перьев и нарисовала пчелу на древесном листе. Голос ее звенел радостно:

— Как пчела выделывает мед в дупле дерева жакаранда́, так сладость чувств живет в сердце самого храброго воина.

Мартим раскрыл объятья и губы, чтоб принять тело и душу любимой.

Поти сказал:

— Мой брат — великий воин нации питигуара; он должен получить имя на языке своего племени.

— Коатиабо! — воскликнула Ирасема.

— Ты права, это лучшее имя: я буду зваться Коатиабо, Воин в Ярких Красках.

Поти дал своему брату лук и палицу — оружие благородных и храбрых. Ирасема соткала для него головной убор и набедренную повязку из ярких перьев — украшенья прославленных вождей.

Дочь Аракема пошла в хижину за яствами для праздиика и маииоковым вином.

Воииы выпили иа славу и иачали затейливый и веселый танец. Покуда они описывали круг у праздиичных костров, звучали песии.

Поти пел:

— Словио змея с одним телом и двумя головами — такова дружба между Коатиабо и Поти.

Ирасема подхватывала:

— Словно устрица, что прилепилась к скале и не покидает ее и после смерти, такова Ирасема рядом со своим супругом.

Воины отозвались разом:

— Словно крепкий ствол жатоба в чаще леса, таков воин Коатиабо между своим братом и супругой: его ветви обнимаются с крепкими ветвями железного дерева, а его теиь защищает от зиоя иежиую поляиу.

Огни радости горели до самого рассвета; и все это время длился праздник.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Радость жила в мирной хижине все время, потребиое маисовым колосьям, чтоб созреть и стать золотыми.

Как-то на рассвете бродил христиании по морскому берегу. Душа в нем устала.

Колибри упивается медом и ароматом и дремлет в своем белом гнезде из пуха, покуда не вернется пора цветов. Так и душа воина пресытилась счастьем и требовала отдохиовеиья и покоя.

Охота и походы по горам в обществе друга, ласки нежной жены, ожидающие по возвращении, сладость мирной беседы у дверей хижины уже не привлекали его, как прежде. Его сердце стало глухо ко всему этому.

Когда Ирасема резвилась на лугу, глаза воина все реже следовали за ней и все чаще скользили по необозримым морским далям.

Однажды увидели они белые крылья, парящие средь голубого простора. Узнал тут христианин большой корабль со многими парусами, подобный тем, что строили его братья по крови; и тоска по оставленной родине больно сжала ему грудь.

Высоко стояло солнце, и воин на берегу долго следил взглядом за белыми крыльями, убегающими все дальше. Напрасно супруга звала его с порога хижины, напрасно предлагала его взору свою чистую красоту и лучшие плоды окрестных полей. Воин стоял словно окаменев, пока корабль не скрылся на горизонте.

Поти вернулся из похода по горам, в который впервые отправился один. Он оставил друга с ясностью на челе, а теперь нашел там печаль. Мартим вышел ему навстречу:

— Большой корабль белых тапуйя прошел по морю. Глаза твоего брата видели, как несся он к берегам Меарима; то союзники коварных тупинамба́, врагов моего и твоего племени.

— Поти повелевает тысячью луками; коль таково твое желание, он вместе со своими воинами будет сопровождать тебя к берегам Меарима, чтоб победить и белых тапуйя, и их союзников.

— Когда настанет время, твой брат предупредит тебя.

Воины вошли в хижину, где их ждала Ирасема. Ласковая песня замолкла в этот день на губах индианки. Тихо вздыхая, ткала она бахрому для семейного гамака, которая должна быть длиннее и гуще, чем для брачного.

Поти, увидя ее поглощенной этим занятием, сказал:

— Когда сабиа поет, это время любви; когда замолкает, это время труда: значит, он мастерит гнездо для своего потомства.

— Мой брат предвещает будущее, как лягушка дождь; но тот сабиа, что сегодня мастерит гнездо, не знает, приведется ли ему отдыхать в нем.

Голос Ирасемы был скорбен. Взгляд ее искал взгляда мужа. Мартим был задумчив; слова Ирасемы едва задели его, как ветер, пробежавший по гладкому лику скалы, не вызвав ни шороха, ни эха.

Солнце все сияло над морским прибрежьем, и гладкий песок отражал его огненные лучи; но ни свет, идущий с неба, ни свет, возвращенный землею, не могли рассеять тьму в душе христианина. Тень на челе его сгущалась с каждым часом.

С берегов реки белых цапель прибыл воин питигуара, посланный от Жакауны к его брату Поти. Он шел по следу путников до самой Траири, откуда рыбаки проводили его в хижину.

Поти был один под навесом у входа; он встал и склонил голову, чтоб выслушать с почтитель-

ной серьезностью слово брата, обращенное к нему через уста вестника.

— Белые тапуйя с берегов Меарима дошли через чащу лесов до самых уступов Ибиапаба, чтоб соединиться с воинами Ирапуа и идти войной на народ питигуара. Они спустятся с гор к водам реки, где пьют цапли и где ты выстроил поселение для своих воинов. Жакауна призывает тебя к себе, чтоб вместе защищать поля наших предков; твой народ нуждается в лучшем своем воине.

— Возвращайся к берегам Акараку, и пусть ноги твои не отдохнут ни мгновенье, пока не вступят на порог хижины Жакауны. Когда ты предстанешь пред великим вождем, скажи ему так: «Твой брат пришел в стан своих воинов». И ты не солжешь.

Вестник ушел.

Поти надел на себя все свое вооружение и направился к лужайке по следам Коатиабо. Он нашел друга далеко от дома бродящим в зарослях тростника, окаймляющих реку.

— Белые тапуйя дошли до Ибиапабы, чтоб помочь воинам табажара сразиться с Жакауной. Твой брат уходит защищать землю своих близких и селение, где покоится погребальная урна его отца. Он сумеет одержать скорую победу, чтоб снова вернуться к тебе.

— Твой брат уходит с тобой вместе. Ничто не может разделить воинов-друзей, когда трубит рог войны.

— Ты велик, как море, и добр, как небо.

Они обнялись и пустились в путь, обратив свои лица к восходу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Шли они, шли и достигли небольшого озера, что разлилось меж невысоких столовых гор.

Христианин внезапно остановился и повернул лицо в сторону моря; печаль выступила из его сердца и проступила на челе.

— Брат,— сказал индеец,— твои ноги вросли корнями в землю твоей любви! Оставайся; Поти скоро вернется.

— Твой брат пойдет с тобою; он так сказал, и слово его подобно стреле из твоего лука: раз выпущено, то достигнет цели.

— Хочешь, чтоб Ирасема пошла с нами к берегам Акараку?

— Мы идем сражаться против ее братьев. В селении питигуара ожидает ее лишь грусть и боль. Дочь племени табажара должна остаться.

— Чего же ты ждешь?

— Твоего брата мучит мысль, что дочь табажара может опечалиться и покинуть хижину, не дождавшись его возвращенья. Прежде чем идти дальше, он хотел бы успокоить душу своей супруги.

Поти подумал немного:

— Слезы женщины размягчают сердце воина, как утренняя роса размягчает землю.

— Брат, ты большой мудрец. Супруг Ирасемы должен уйти, не повидавшись с нею.

Христианин сделал шаг вперед, но Поти остановил его: из колчана, который Ирасема украсила алыми и черными перьями и повесила на плечо супругу, он вынул одну стрелу.

Вождь пнтнгуара иатянул тетнву своего лука, и проворная стрела произила насквозь краба, спешащего по берегу озера; она остановилась лишь там, где ее опереиье ие дало проникиуть глубже.

Вонн воткнул в землю стрелу с произеииой добычей и повериулся к Коатиабо:

— Можешь продолжать путь. Ирасема пойдет по твоему следу; прндя сюда, она увидит твою стрелу н подчиинтся твоей воле.

Мартим улыбиулся; н, обломав веточку црастоцвета, цветка воспомнмаиья, ои оплел ею спицу стрелы и приготовился следовать за другом.

Вскоре оба воина пропалн за деревьями. Жаркое солице уже высушило их следы на краю озера. Ирасема, обеспокоенная их отсутствием, пошла по лугу, различая следы мужа до самых столовых холмов. Легкне теин уже одевалн поля, когда она достигла берега озера.

Глаза ее увидели стрелу, воткиутую в землю, произениого краба, отломаниую ветвь н иаполиилнсь слезами.

— Он велит, чтоб Ирасема осталась с иим, как краб с ею стрелой, и хранила память о ием, как страстоцвет хранит свой цветок до самой смертн.

Дочь табажара медлеино отступнла иа несколько шагов, ие поворачиваясь спиною к стреле, оставлеиной супругом, и не отводя от нее глаз; потом вернулась в хнжииу. Там, опустнвшись у порога н упрятав голову в колеии, оиа сидела иедвижно, покуда сои не утншил боль в ее груди.

Едва забрезжило утро, она быстрыми шагами направилась к озеру и вскоре достигла его берега. Стрела была на том же месте: любимый не вернулся.

С тех пор в час утреннего купанья, вместо того чтоб бежать на Озеро Красоты, где она так любила плавать, Ирасема брела к горному озерцу, свидетелю часа, когда супруг покинул ее. Она опускалась на землю возле стрелы и сидела так до вечера; потом шла в свою хижину.

Сколь быстр был ее шаг поутру, столь медлителен становился вечером. Те самые воины, что видели, как резвилась она в волнах Озера Красоты, теперь, встречая ее печальной и одинокой, подобно покинутой белой цапле, прозвали маленькое озеро Масежана — Озером Разлуки.

Однажды, когда прекрасная дочь Аракема горько сетовала на берегу озера Масежана, знакомый скрипучий голосок окликнул ее с ветки пальмы:

— Ирасема! Ирасема!..

Она подняла голову и увидела меж пальмовых листьев свою пернатую подругу, которая била крыльями и топорщила перышки, радуясь встрече с хозяйкой.

Память о родном крае, заглушенная любовью, воскресла в душе Ирасемы при виде красавицы жандайи. Снова встали у нее перед глазами прекрасные поля Ипу, склоны холмов, меж которых она родилась, хижина отца; сердце ее больно сжалось, но в эту минуту она еще не почувствовала раскаяния в том, что покинула их.

На губах ее затрепетала песня. Жандайя,

раскрыв крылья, принялась летать вокруг своей хозяйки и села к ней на плечо. Ласково вытянув шею, она черным изогнутым клювом гладила ей волосы и осторожно трогала алый рот, похожий на плод питанги.

Ирасема подумала, что отплатила неблагодарностью за любовь жандайи, совсем забыв о ней на все время, когда была счастлива; а теперь жандайя нашла ее, чтоб утешить в несчастии.

В этот вечер Ирасема возвращалась в хижину не одна. Целый день ее ловкие пальцы плели красивую корзину из соломы, устилая внутри мягким пухом дерева монгуба, чтоб приютить верную подругу.

На следующем рассвете ее разбудил голос жандайи. Потому ли, что после долгой разлуки уже не могла оторваться от своей хозяйки, потому ли, что почувствовала, что та в своем печальном одиночестве нуждается в чьей-то привязанности,— но красивая птица не пожелала больше расставаться с Ирасемой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Однажды вечером Ирасема увидала издали двух воинов, приближавшихся к ней по морскому берегу. Сердце ее дрогнуло.

Через несколько мгновений она уже забыла в объятиях супруга все те дни, что в тоске и одиночестве провела в заброшенной хижине...

Мартим и его брат прибыли в селенье Жакауны в ту минуту, когда затрубил рог войны;

они повелн в сражеине сто лучинков Поти. И на этот раз тоже воииы табажара, несмотря иа поддержку белых тапуйя с берегов Меарима, потерпелн поражеиие от храброго войска питнгуара.

Никогда еще не разыгрывалось на полях, орошаемых реками Акараку н Камуснм, столь жестокой схваткн, и иикогда еще победа ие была такой иеверной для обеих сторои; силы были равны, и ии одии из двух народов не оказался бы побеждеииым, если бы бог войны, яростный Арескн, ие решнл отдать этн края племени белого воина, союзника иидейцев питнгуара.

После победы христианин немедленно воротнлся на берег моря, где стояла его хижнна и где ждала его нежная супруга. Виовь почувствовал он в душе жажду любви; н его бросало в дрожь от мысли, что Ирасема, быть может, ушла, оставив пустынным приют, где некогда жило их счастье...

Подобио тому как высохший луг с приходом зимы зеленеет н пестреет цветами, прекрасиая дочь сертанов оживнлась с возвращеинем супруга, н ее красота осветилась теплой н нежной улыбкой.

И милая эта красота снова тешила взоры хрнстнаинна, н радость возвратнлась в его сердце.

Хрнстнанин любил теперь дочь сертаиов еще сильней, чем в первые дни, когда кажется, что время нникогда ие нссушнт сердце. Но немиого временн поиадобилось, чтоб увяли эти цветы в душе-изгиаиинце, лишеииой роднны.

Дерево имбу, детнще гор, если родится по-

рой на равнине, оттого, что ветер или птицы случайно занесли сюда семена, находит добрую почву и тенистую свежесть; быть может, в один прекрасный день оно пышно зазеленеет и покроется цветами. Но достаточно легкого дуновенья с моря, чтоб все увяло. Листья? — они устилают землю. Цветы? — их уносит ветер...

Дереву имбу на равнине уподобилось сердце белого воина на невспаханной этой земле. Дружба и любовь согревали и поддерживали его некоторое время, но теперь, вдали от родного дома и братьев по крови, он чувствовал себя словно в пустыне. Присутствия друга и жены уже недоставало его душе, полной пылких желаний и благородных устремлений.

Он проводил такие некогда быстротечные, а теперь такие долгие дни на берегу, слушая вздохи ветра и стенания волн. Устремив взор к далекому горизонту, он тщетно искал на яркой синеве белую точку паруса, затерянного в бескрайном море.

Поодаль от хижины возвышался у самой кромки океана высокий песчаный холм, прозванный Жакареканга, то есть Крокодилья Голова, на которую он и впрямь был похож. Из лона белых песков, раскаленных палящим солнцем, пробивался ключ чистейшей и свежей воды; так душа, обожженная болью, изливается живительными слезами утешенья.

На этот холм подымался христианин и подолгу стоял в глубокой и тяжкой задумчивости. Собственная судьба неясно рисовалась ему. Порой обуревало его желание вернуться к своим близким в родные края; но он понимал, что

Ирасема отправится с ним вместе, и мысль об этом сверлила ему душу. Каждый шаг, отдаляющий дочь племени табажара от мест, где она родилась, уносил кусочек ее жизни — особенно теперь, когда в сердце супруга для нее не было больше спасительного прибежища.

Поти понял, что Мартим хочет быть один, и не хотел мешать ему. Индеец знал, какого рода тяжесть лежит на сердце брата, и держался как можно незаметнее. Вся его надежда была на исцеляющее время, ибо только время может сделать сердце воина таким же твердым, как сердцевина черного дерева.

Ирасема тоже стала избегать глаз супруга, ибо почувствовала, что эти столь любимые глаза при виде нее помрачаются и, вместо того чтоб засиять, как прежде, от ее красоты, словно гонят ее прочь., Но ее-то глаза не уставали следить издали за воином, полонившим ее навсегда.

Бедная Ирасема!.. Сердцу ее был уже нанесен удар, и, словно копаловое дерево, пораженное в самую сердцевину, оно источало прозрачную смолу слез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Однажды христианин вдруг почувствовал со всей живостью тоску Ирасемы, словно плач ее отдался эхом в его душе. Он поискал ее глазами и не увидел.

Дочь Аракема сидела поодаль на траве, средь зеленых миртов. Слезы текли по ее прекрасному

лицу и, капля за каплей, падали иа лоно, где уже шевелилось и развивалось дитя любви. Так падают листья пышиозелеиого дерева, прежде чем созреет его плод.

— Что заставляет сердце Ирасемы изливаться слезами?

— Дерево кажу плачет, когда теряет листву и становится сухим стволом. Ирасема потеряла свое счастье с тех пор, как ты ушел от нее.

— Но ведь я с тобою!

— Твое тело здесь, ио душа летит к земле твоих отцов и ищет белую деву, ждущую тебя.

Мартим опечалился. Большие чериые глаза индиаики, устремлеииые иа иего с тоской, глубоко раиили его сердце.

— Белый воин принадлежит тебе; ои твой супруг.

Прекрасиая дева табажара грустио улыбиулась:

— Сколько времеии прошло с тех пор, как мысли твои отвериулись от Ирасемы? Раньше шаг твой влек тебя к зелеиым холмам и веселым долииам; иога твоя радостио ступала по земле счастья вслед за супругой. Теперь ты ищешь лишь зиойиые пески прибрежья, ибо волиы, что шепчутся с иими, текут от полей, где ты родился, да еще песчаиую гору, ибо с ее вершины видеи далекий парус корабля, что плывет мимо.

— Так ведь это жажда сразиться с врагом влечет твоего воииа иа берег моря! — отвечал христиании.

Ирасема продолжала:

— Губы твои онемели для меия; так трост-

ник, когда палит большое солнце, теряет свой мед, и увялые листья не могут уже петь, когда их шевелит ветер. Теперь ты говоришь только с береговым ветром, для того чтоб он отнес твой голос в хижину твоих родных.

— Но голос твоего воина зовет братьев, чтоб защищать хижину Ирасемы и землю нашего сына, когда придет враг!

Индианка покачала головой:

— Когда ты ступаешь по лугу, глаза твои убегают винного плода марены и ищут цветок на колючем кусте куманики: плод вкусен, но у него смуглая кожа, как у племени табажара; а цветок бел, как лицо твоей невесты. Когда поют птицы, слух твой уже не упивается нежной песней грауны, птицы ночи, душа твоя открыта для крика трупиала, ибо перья у него золотые, как волоса той, которую ты любишь!

— Печаль помутила взор Ирасемы и отравила горечью ее уста. Но радость должна вернуться в душу моей супруги, как зеленая листва возвращается на ветви дерева.

— Когда твой сын покинет лоно Ирасемы, она умрет, как дерево, срубленное, едва дав плод. Тогда ничто уж больше не удержит белого воина на чужой земле.

— Твои слова жгут, дочь Аракема, как ветер, налетающий с равнин Ико в пору великого зноя. Ты хочешь покинуть своего супруга?

— Разве глаза твои не видят вон тот красный палисандр, что вздымает свои ветви к облакам? У ног его еще лежит сухой корень мирты, что каждою зимою покрывалась зелеными листьями и душистыми цветами, обнимая

ствол дерева — друга. Если б мирта не умерла, палисандр не смог бы взрасти так высоко. Ирасема — это темиая листва мирты, отбрасывающая тень иа твою душу. Оиа должиа опасть, чтоб радость сиова загорелась у тебя в сердце.

Христиаиии обнял стаи прекрасной индианки и прижал ее к своей груди. Губы его коснулись губ супруги, но поцелуй их был вял и горек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Поти вериулся с озера.

Идя по следу Коатиабо, оставлеииому иа песке, ои подиялся иа вершииу песчаиой горы. Там и иашел ои друга стоящим иа краю обрыва со взглядом, устремлеииым в морские просторы, протягивая руки к далекому горизоиту.

Иидеец посмотрел в ту же стороиу и увидал большой корабль, который с быстротой разрезал зелеиые волиы, подгоияемый ветром:

— Большой корабль приплыл за моим братом?

Христианин вздохиул:

— То белые воииы — враги моего племеии, что ищут берег, обитаемый отважной нацией питигуара, чтоб иачать войну мести; оии были разбиты вместе с воииством табажара возле реки Камусим; теперь оии движутся дорогою моря вместе со своими союзииками — грозным племеием тупииамба.

— Брат мой, ты великий вождь. Скажи, что должеи сделать твой брат Поти?

— Созови охотников с Соипэ и рыбаков с Траири. Мы пойдем им иавстречу.

Поти разбудил голос боевой раковины, и оба воина двинулись в сторону залива Мокорипе. Вскоре попались им на пути воины питигуара, сбегавшиеся на зов сраженья. Ими предводительствовали храбрые вожди Жагуарасу, Гроза Ягуаров, и Каморопим, Зоркий Глаз. Брат Жакауны известил их о прибытии врага...

Большой корабль бежит по волнам вдоль земель, протянувшихся до самых берегов мощной реки Парнаибы. Луна уже прибывала, когда он оставил позади воды Меарима; противные ветры увлекли его в открытое море, далеко-далеко от цели его плавания.

Воины питигуара, чтоб не отпугнуть врага, прячутся меж деревьев кажу и следуют берегом по пути большого корабля, глядя днем, как белеют вдали паруса, надуваемые ветром, а ночью — как прорезают черное море огни, подобно светлякам в дремучем лесу...

Много дней шли они так, пока наконец не достигли Гавани Попугаев.

Поти послал вестника к великому Жакауне и стал готовиться к битве. Мартим с вышины холма увидел, что бригантина спешит укрыться в тайнике моря, и известил об этом своего брата.

Солнце стояло уже высоко; воины племен гуарасиаба и тупинамба, связанных дружбой, мчатся по морю на легких пирогах и пристают к берегу. Там они становятся тесным полукругом и так наступают, подобно косяку рыбы, плывущей против теченья.

В центре — воины огня, отводящие молнии, по крыльям — воины с берегов Меарима, потрясающие палицами.

Ни одно племя не посылало в воздух столь метких стрел, как лучники великой нации питигуара, и не было на свете вождя храбрее Поти из всех вождей, когда-либо протрубивших призыв к сраженью. Бок о бок с ним шел его брат, такой же могучий вождь, как и он, и большой знаток военных хитростей расы белолицых с волосами цвета солнца.

На ночь воины питигуара ставят густой частокол из жердей и колючих веток, а снаружи насыпают высокий вал из песка, где молнии остывают и гаснут. Защищенные такой стеною, ждут они врага. Мартим велел нескольким воинам влезть на верхушку самых высоких пальм; там, скрытые широкими листьями, ждут они начала сраженья.

Стрела Поти была первой стрелой, выпущенной из лука, а вождь племени гуараснаба — первым храбрецом, павшим на чужой земле. Взревели громы в деснице белых воинов, но молнии, вылетевшие из них, тонут в песке или тают в воздухе.

Стрелы воинов питигуара то падают с неба, то взлетают с земли, и каждая вонзается в грудь врага. И каждый воин вражьего стана падает, пронзенный сразу многими стрелами, как утопленник, которого зубастые рыбы пираньи вырывают друг у друга в глубине озера.

Враги снова бросаются к своим пирогам и возвращаются на свой корабль за новыми громами — еще больше и тяжелее тех, что висят у них через плечо, и которые в одиночку и даже вдвоем и не дотащить.

Когда они возвращаются, предводитель ры-

баков, плывущнй по морским волнам, как провориая рыба каморопнм, от которой он получнл свое прозванье, бросается в воду и ныряет. Еще не растаяла пеиа иа том месте, где он нсчез, а вражья пнрога уже пошла ко дну, словио ее проглотил кит.

Настала ночь и прниесла отдых.

Едва забрезжила утреиняя заря, как все увидели на горнзонте вражий корабль, на всех парусах убегающий от этих мест. Жакауна прнбыл уже не для бнтвы, а для победного пнра.

И в тот самый час, когда военная песнь племеии питигуара далеко разносила весть о поражении врага, первый ребенок, зачатый от смешеиия двух рас иа этой земле свободы, увндел свет дня возле Озера Красоты.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Ирасема, почувствовав, что боль произает ее насквозь, побрела к озеру, близ которого росла кокосовая пальма.

Стянула стаи пальмовым волокном. Все иутро ее словио разрывалось; но вскоре плач ребенка иаполнил ей душу радостью.

Юная мать, гордая своим счастьем, взяла новорождеиного на руки и вместе с иим кннулась в прозрачиые воды реки; потом прнложнла его к смуглой груди; взгляд ее обволакнвал сыиа нежностью н печалью.

— Ты будешь Моаснр, Сыи Страдаиья, нбо в страдаиии ты рожден.

Жаидайя, сидящая иа пальмовой ветке, по-

вторнла «Моасир», и с этого дня периатая подруга связала в своих песнях имя матери с имеием сына.

Младенец спал; Ирасема вздохиула:

— Лесная пчела готовит мед в душистых дуплах корнчника н весь месяц цветов летает с ветки на ветку, собирая сок, чтоб иаполнить соты; но она ие может насладнться его сладостью, потому что хнщный гнрар пожнрает в одиу ночь весь улей. Так н твоей матерн, днтя страданья, не суждеио пнть мед улыбки с твоих губ.

Юная мать надела на плечн длнинную повязку нз мягкого хлопчатннка, которую соткала, чтоб носнть сына всегда у сердца, н пошла по песку, нща след мужа, со времеин ухода которого уже три раза прнбывала и убывала луна. Она шла осторожно, чтоб не разбуднть днтя, уснувшее, как птенец под материнскнм крылом.

Когда она дошла до высокого песчаного холма, то увндела, что следы Мартнма и Поти тянулнсь вдоль берега, и поняла, что оин ушлн на битву. Сердце ее сжалось; но ее сухне глаза обратилнсь к лнцу сына.

Потом она обернулась в сторону Мокорнпе.

— Гора, ты зовешься холмом радостн; но для Ирасемы ты означаешь только печаль.

И юная мать возвратнлась в свое жилнще, а возвратясь, уложила спящее днтя в гамак его отца, одниоко висящий посреди осиротелой хнжнны, а сама легла на землю, на ту цнновку, где спала с тех пор, как руки мужа уже не тянулнсь к иен, чтоб заключнть в объятья.

Свет утра проннк в хнжину, н увидела Ирасема, как вместе с ннм вошла тень вониа.

Каубн стоял на пороге.

Супруга Мартнма резко вскочила на ногн н в одни прыжок оказалась около сына, заслонив его собою. Но Кауби лншь перевел печальный взгляд с гамака, где спал младенец, иа лнцо сестры и сказал голосом, еще более печальиым, чем взгляд:

— Не жажда местн оторвала вонна Каубн от полей племени табажара; он уже простил. То было желанне увндеть Ирасему, которая унесла с собою всю радость нз родных мест.

— Тогда добро пожаловать в хижнну твоей сестры, вони Каубн,— отвечала Ирасема, обннмая его.

— Рождеиный твоим лоном спнт в этом гамаке; глазам Каубн было б отрадно взглянуть на иего.

Ирасема отвернула бахрому нз ярких перьев н показала брату мнлое лнчнко ребенка. Каубн долго смотрел на него, задумавшнсь. Потом сказал с улыбкой:

— Он вскормлен твоей душой, как плод дерева — его соком.

И поцеловал отраженный в глазах юной матери образ младеица, боясь дотронуться до иего самого, чтоб не прнчиинть боли свонм прнкосновеньем.

Раздался дрожащнй голос Ирасемы:

— Аракем еще жнвет на этом свете?

— Еще мучается; после того как ты покниула его, голова его опустнлась на грудь н больше ие поднялась.

— Ты скажи ему, что Ирасема уже умерла, чтоб он утешился.

Она приготовила еду для брата и укрепила под навесом гамак гостеприимства, чтоб он мог отдохнуть от трудного дня. Насытясь, пришелец поднялся с места с такими словами:

— Скажи, где твой супруг и мой брат, чтоб воин Кауби мог дружески обнять его.

Губы несчастной индианки дрогнули, как лепестки опунции под ударом ветра, и не произнесли ни звука. Но слезы показались у нее на глазах и потекли ручьями.

Лицо Кауби омрачилось:

— Твой брат подумал, что печаль осталась в землях, что ты покинула; ибо ты унесла с собою всю радость тех, кто любил тебя.

Ирасема вытерла глаза.

— Супруг Ирасемы ушел с воином Поти к берегам Акараку. Раньше чем три солнца осветят землю, он вернется, и вместе с ним вернется счастье в душу его супруги.

— Воин Кауби дождется его, чтоб узнать, что он сделал с улыбкой, которая жила на твоих губах.

Голос вождя табажара стал глухим; он принялся беспокойно бродить взад-вперед по хижине.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ирасема тихонько напевала, покачивая гамак, чтоб убаюкать сына.

Песок прибрежья заскрипел под сильными,

тяжелыми шагами воина табажара, возвращавшегося с берега моря с обильным уловом.

Юная мать завернула бахрому гамака, укрыв ею спящего сына, чтоб мухи не беспокоили его, и вышла навстречу брату.

— Кауби, ты должен вернуться в горы, к народу табажара! — сказала она мягко.

Воин нахмурился:

— Ты отсылаешь брата из твоей хижины, чтоб он не видел печали, которая наполняет ее!

— У Аракема в молодости было много сыновей; одних унесла война, и они погибли как храбрецы; другие избрали себе жену и произвели многочисленное потомство; на старости знал Аракем лишь двоих детей. Ирасема — это голубка, которую стрелок вырвал из гнезда. Только один воин Кауби остался у старого жреца, чтоб поддержать его согбенное тело и направить его дрожащий шаг.

— Кауби уйдет, когда тень покинет лицо Ирасемы.

— Как звезда, что сияет лишь в ночи, Ирасема живет лишь в своей печали. Одни глаза супруга могут прогнать тень с ее лица. Уходи, чтоб они не смутились твоим присутствием.

— Твой брат уходит, раз такова твоя воля; но он будет возвращаться сюда всякий раз, как зацветет дерево кажу, чтоб прижать к своему сердцу сына, рожденного тобою.

С этими словами Кауби вошел в хижину. Ирасема вынула из гамака ребенка, и оба, мать и сын, затрепетали на груди воина табажара. Затем Кауби переступил порог и скрылся между деревьями.

Ирасема дрожащими шагами следовала издали за иим, покуда ои совсем не пропал из виду на опушке леса. Там она остановилась. Когда крнк жаидайн, сливаясь с плачем младенца, позвал ее иазад в хижииу, один лишь хладный песок, поглотнвший ее слезы, остался храиителем их тайиы.

Юная мать взяла сына, чтоб покормить, ио маленький рот продолжал крнвиться в плаче — в нссохшей груди было слишком мало молока, словно вся кровь несчастной проливалась в неиссякаемых слезах, бесконечио льющнхся из ее глаз, н не достигала храиилищ первого вина жизнн.

Она выжала белый сок манноки и приготовила на очаге кашицу для сына. И едва солнце позолотнло гребин гор, пошла к лесу со спящим ребенком на руках.

В самой глуши чащобы находнлось логово гирара, оставлениое матерью; крохотные детеныши постанывали, карабкаясь однн на другого. Прекрасная индианка прнблизилась тнхонько.

Она сплела для сыиа колыбель из нежных веток пассифлоры и опустилась рядом на землю.

И стала брать одного за другим детей гирара и прнкладывать к своим соскам, красным, как плод питанги, которые она намазала медом диких пчел. Детенышн, возбужденные вкусом меда, который так любят все куницы, стали кусать ей грудь, жадно ища молока.

Ирасема чувствовала боль, какую ннкогда еще ие испытывала; казалось, нз нее высасывали жизнь; но грудн становились всё более тугими, н, иаконец, наполннлнсь, и молоко, еще

красиое от крови, из которой образовалось, потекло струями.

Счастливая мать отбросила от себя детеиышей гирара и, полиая радости, утолила голод сына. Ои стал теперь вдвойие дитя страдаиья, рождеииый в страдаиье и в страдаиье вскормлеииый.

Дочь Аракема почувствовала слабость, словио кровь застывала в ее жилах; ио губы, горькие от печали, отказывались прииимать пищу, чтоб восстаиовить силы.

Ибо стоиы и вздохи сожгли в ией и голод и жажду и погасили улыбку иа ее лице.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Деиь догорал.

Виезапио из чащи выбежал Жапи и кииулся к хижиие.

Ирасема, сидящая у порога в лучах заходящего солица, почувствовала, как холод пробежал по ее члеиам. При виде собаки, вериого вестиика мужа, в сердце у иее зажглась иадежда; оиа попыталась встать, чтоб выйти иавстречу своему вoиину-повелителю, ио ослабевшие иоги ие слушались, и оиа без чувств упала иа цииовку.

Жапи лизал ей холодные руки и резво прыгал, играя с ребеиком, и тихоиько повизгивал от удовольствия. Порой ои отскакивал, чтоб добежать до кромки леса, откуда громким лаем призывал хозяииа; ио сразу же возвращался к хижиие ласкаться к матери и сыиу.

Об эту пору Мартим шагал по желтой глиие

равнннны Тауапе, ведущей к горному кряжу; его брат Поти неразлучно шел рядом.

Восемь месяцев прошло с тех пор, как он покннул окрестностн Жакареканга. Победив воннов гуарасиаба в залнве попугаев, христнаннн намеревался направнться к берегам рекн Меарим — обнталищу союзннков нацни тупинамба.

Поти, вместе со своимн воинамн, сопровождал его. После того как пересеклн реку, словно текущую нз моря, которая родится на горе Табатннга и в чьнх зеленых берегах бегут воды, обещающие щедрый улов рыбакам, онн увиделн долины Меарнма н Старую Табу — поселенье вражьего племенн.

Раса людей с волосамн цвета солнца все более завоевывала дружбу племен тупинамба; все возрастало чнсло белых воинов, которые уже воздвигли на острове большую хижину из камня, называемую имн крепостью, чтоб оттуда посылать молнии на противннка.

Когда Мартнм увидел все, что хотел, он возвратился в окрестностн Озера Красоты, по берегам которого н шел сейчас, прнблнжаясь к дому. Вот уже слышно, как морские волны с шумом разбнваются о мыс Мокорипе; вот уж дует ему в лнцо свежнй соленый ветер...

Но чем блнже подходнт он к своей хижнне, тем медлнтельнее и тяжелее становнтся его шаг. Ему страшно возвращаться, он чувствует, что ему будет тяжело встретнть горькнй н печальный взгляд супругн, устремленный в его душу.

Давно уже ни еднного слова не срывается с его сухнх губ; друг не нарушает этого мол-

чаиья, ему поиятна причииа. То молчаиье реки, протекающей по глубоким и темным гротам.

Как только путиики ступили иа опушку леса, оии услышали лай собаки, призывающий их, и жалобиый крик арары. Оии были уже вблизи хижииы, лишь узкая полоса кустариика скрывала ее от глаз. Христиаиин остановился, крепко прижав руку к сердцу, словио чтоб сдержать его бешеиое биеиие.

— Лай Жапи выражает радость,— промолвил индеец.

— Радость встречи; ио голос жаидайи полои печали. Обретет ли вериувшийся воии мир иа груди своей супруги или узиает, что боль разлуки убила во чреве матери плод любви?

И христиании невериыми шагами продолжал свой путь. Виезапио сквозь ветви деревьёв глаза его различили сидящую у порога хижииы, с сыиом на колёиях, Ирасему и вериого пса, резвящегося возле иих. Сердце его словио выпрыгиуло из груди и вся душа вылилась в едииом возгласе:

— Ирасема!..

Печальная подруга приоткрыла глаза, услышав любимый голос. С огромиым усилием подияла оиа сыиа и показала отцу, смотревшему иа него в иемом восторге.

— Прими сыиа крови твоей. Пришло время; мои высохшие груди уже ие могут иакормить его!

И, опустив ребеика иа руки отцу, печальиая мать поиикла, словио стебелек батата, когда из земли вырывают его клубеиь. Супруг увидел тогда, как скорбь иссушила ее прекрасное тело;

но красота все еще жила в ней, как аромат в упавшем цветке прекрасной француженки.

Ирасема больше уж не встала с гамака, куда уложили ее дрожащие руки Мартима.

Сокрушенный супруг, в ком любовь возродилась вместе с отеческим чувством, окружил ее ласковой заботой, наполнившей ей радостью душу, но оказался бессилен вернуть ее к жизни: стебель цветка сломался.

— Зарой мое тело под твоей любимой кокосовой пальмой. Когда ветер с моря задует в листьях, Ирасема будет думать, что это твой голос шевелит ее волоса.

Произнеся эти слова, нежные губы замолкли навсегда, и последний отблеск исчез в потухающих глазах...

Поти поддержал брата в его великом горе. Мартим почувствовал, как нужен в несчастье настоящий друг: он подобен холму, защищающему от урагана могучий ствол железного дерева, когда термиты сверлят его сердцевину.

Погребальная урна, принявшая тело Ирасемы, омытое душистыми смолами, была зарыта под кокосовой пальмой у самой реки. Мартим отломил ветвь мирты, дерева печали, и бросил ее в могилу супруги. Жандайя, сидя меж пальмовых листьев, повторяла печально:

— Ирасема!..

С тех самых пор воины питигуара, что проходили мимо покинутой хижины и слышали жалобный голос птицы-друга, удалялись с душою, полной скорби, от кокосовой пальмы, где пела жандайя.

Потому-то реку, под которой росла эта паль-

ма, и земли, по которым змеится эта река, прозвали однажды Сеара, что на языке туземцев означает: Песнь Жандайи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Кокосовая пальма цвела четыре раза с тех пор, как Мартим покинул берег Сеара, увозя на легком боте своего сына и верную собаку. Жандайя не захотела покинуть землю, где покоится ее хозяйка и подруга.

Так первый житель Сеара, едва покинув колыбель, покинул и землю родины. Было ль то предопределение для его расы?

Поти выстроил поселок на берегу реки и остался ждать брата, который обещал вернуться; каждое утро он всходил на песчаную гору и обращал взор на море, всматриваясь, не покажется ли вдали дружественный парус.

Наконец Мартим возвратился в земли, бывшие когда-то местом его счастья и ставшие местом горькой тоски. Когда нога его коснулась горячих белых песков, неведомый огонь сжег ему сердце: то был огонь воспоминаний, пылавших, словно искры под пеплом.

Пожар этот утих, только лишь когда он ступил на землю, где покоилась его супруга, ибо в это мгновенье сердце его источило, как ствол копалового дерева в знойные дни, бальзам обильных слез.

Множество воинов его расы сопровождали белого вождя, чтоб заложить с ним вместе город христиан. Прибыл с ними и жрец их религии,

в черных одеяньях, и водрузил крест на дикой земле.

Поти был первым, кто преклонил колена пред священным куском дерева; он желал, чтоб ничто более не разлучало его с белым братом. У обоих должен быть один Бог, как было одно сердце.

Он получил при крещении имя святого, на день которого пришлась церемония, и еще имя короля, которому намеревался служить, а третьим — свое имя, как оно звучало на языке новых братьев. Он звался теперь Антонио Фелипе Камарай, и слава его все росла, и поныне составляет он гордость той земли, где впервые увидел свет.

Город, который Мартим воздвиг на берегу реки, на песках Сеара, достиг большого процветанья. Слово истинного Бога дало богатый урожай на девственной земле, и священная бронза огласила звоном долины, где некогда лишь гремела обрядовая трещотка марака́.

Жакауна перебрался в край, где разлилось Озеро Красоты, чтоб быть ближе к своему белому другу; Камарай воздвиг селенье своих воинов на берегах озера Масежана.

Прошло время, и, когда в эти места прибыла экспедиция Жеронимо де Албукерке, великого вождя белых воинов, Мартим и Камарай отправились на берега реки Меарим сражаться со свирепыми тупинамба и изгонять белых тапуйя.

Супруг Ирасемы всегда с волнением возвращался в пределы, где был так счастлив и где в тени пальмовой кроны покоился прах прекрасной индианки.

Много раз оставался он здесь подолгу, в

глубокой задумчивости сидя на мягком песке и воскрешая в сердце горечь воспоминаний.

Жандайя все еще пела средь пальмовых листьев, но не повторяла уж более нежное имя Ирасемы.

Все в этом мире преходяще.

УБИРАЖАРА

Перевод
Е. ЛЮБИМОВОЙ

I
ОХОТНИК

По берегу Великой реки — Токаитинса — идет Ягуар, молодой охотник.

На плече у него висит лук, иенужный и забытый. Стрелы мирно спят в своем колчане.

Олеии выскакивают из зарослей увайи и бегут поваляться по лугу, не обращая внимания на охотника.

Ягуар ие замечает боязливого пастуха; глаза его ищут врага, способного оказать сопротивлеиие его могучей десиице.

Рычаиие ягуара приводит в трепет весь лес, но охотиик пренебрегает и ягуаром — ои уже устал от побед.

Его зовут Ягуар; ои самый свирепый ягуар лесов, другие ягуары, издали зачуяв его, в страхе спасаются бегством.

Не этого врага ищет ои; ои ищет другого, более грозного врага, чтобы победить его в смертельном бою и стяжать себе имя воииа.

Ягуар достиг того возраста, когда юиоша меняет почести охотиика на славу воииа.

Для того чтобы стать воином, чтимым своим племеием, юиому охотику иадо завоевать это звание цеиою великого подвига.

Поэтому он оставляет и свой поселок — свою табу и Жаидиру — Золотую Пчелку, кото-

рая хранит для него цветок своей чистоты, чтобы стать его супругой.

Но уже трижды направляло солнце по равнинам быстрые шаги охотника, и трижды, как и ныне, оказывался он по ту сторону гор Заходящего Солнца, так и не встретив врага, достойного сразиться с ним.

Солнце спускается с горного хребта в долину, и печаль окутывает не одно чело Ягуара, но и весь его лик.

Юный охотник сжимает в руке двуострое копье из красного дерева краубы — оно крепче железа.

Ни один воин никогда не станет бряцать этим страшным оружием, если он не сделал его своею рукою.

Тут, посреди равнины, внезапно останавливается юный охотник. Он устремляет в небо мрачный, гневный взор и вновь испускает свой боевой клич.

Яростный крик охотника прокатился по широко раскинувшемуся лесу и замер вдали, в горных пещерах.

Ему ответил свист удава сукури, плывущего по реке, и рычание ягуара, притаившегося в своем логове; но другой клич — боевой клич — не ответил на вызов охотника.

Ягуар метнул копье; оно зазвенело в воздухе и вонзилось в толстый ствол дерева, стоявшего далеко от охотника.

Густая листва зашелестела, словно ветви кокосовой пальмы под порывом ветра, и ствол застонал до самых корней.

Охотник отдыхает в тени своего копья.

* * *

Из чащи выскакивает быстроиогая косуля и скачет по равииие.

Но ее преследует быстроиогая, миловидиая охотиица, и стрела ее уже иатягивает гибкий лук.

Ягуар встает.

Его взор горит иетерпеиием встретиться с врагом, который все ие появляется.

При виде жеищииы радость юиоши гасиет иа его омрачившемся лице.

По отливающему золотом поясу, сплетеиио-му из перьев тукаиа, Ягуар узиал в ией дочь отважиого племеии токаитииов, хозяев Великой реки, иа берегах которой оио царило.

Красиая повязка, стягивавшая стройиую иожку иезиакомки, свидетельствовала о том, что еще ии одии воии не овладел прекрасиой девушкой.

Косуля, произеииая меткой стрелой юиой охотиицы, которая следовала за ней по пятам, упала к иогам Ягуара.

Девушка узиала головиой убор из перьев, который иосили мужчииы из племеии, пришедшего в прошлом месяце иа берега реки Таари,— вестиики уже оповестили об этом.

— Арагуайский воии, ибо по красиому перу иа твоей голове я поияла, что ты прииадлежишь к отважиому племеии арагуаев, если ты идешь по токаитиискй земле как гость,— добро пожаловать; если же ты пришел к иам как враг, то убегай, чтобы твоя мать ие плакала о своем погибшем сыие и чтобы у иее осталась опора иа старости лет.

— Дочь токантинов, Ягуар уже испустил свой боевой клич. Как хозяин попирает он землю твоих отцов. Ты — его пленница. Победа над робкой косулей не принесет славы охотнику; но ты позовешь сюда врага, которого он поджидает.

— Если олень подарит тебе быстроту своих ног, юный воин, она пригодится тебе лишь затем, чтобы ты увидел следы моих прежде, чем их сотрет ветер.

Прекрасная охотница пустилась бежать по бескрайней равнине. За ней бросился Ягуар, который многажды догонял тапира.

Но девушка из токантинского племени бежала, как бежит по пустыне страус нанду, и охотник понял, что рука его не коснется ее никогда.

Он схватил лук и выстрелил. Покорная ему стрела пригвоздила к стволу дерева пояс, развевавшийся на ветру.

— У девушки из токантинского племени на ногах крылья колибри, но стрела Ягуара летит, как ястреб. Не бойся, дочь лесов, твоя красота остановила мою быструю руку и потушила гнев в моем свирепом сердце охотника. Счастлив будет воин, который станет обладать тобой.

— Я Араси, Утренняя Заря, дочь Итаке́ — отца великого токантинского племени. Сотня лучших воинов служит ему в его хижине, чтобы добиться чести стать одним из его сыновей. Самый доблестный и самый сильный возьмет меня в супруги. Пойдем со мной, арагуайский воин, и если ты превзойдешь других в трудолю-

бии и в твердости духа, ты перережешь красивую повязку Араси в первый же месяц любви.

— Нет, Дочь Солнца. Ягуар не для того покинул табу своих отцов, где Жандира хранит для него цветок своей чистоты, чтобы стать рабом девушки. Он идет сражаться и стяжать себе имя воина, которым его племя будет гордиться. Возвращайся в токантинскую табу и скажи сотне воинов — пленников любви к тебе, что Ягуар, самый отважный арагуайский охотник, вызывает их на бой.

— Араси идет, потому что этого хочешь ты. Если ты будешь побежден, она сохранит память о тебе, ибо никогда глаза ее не видели охотника прекраснее тебя. Если же ты выйдешь победителем, Дочь Солнца будет счастлива принадлежать наидоблестнейшему из воинов.

С этими словами девушка скрылась в лесной чаще.

Ягуар провожал глазами легко бегущую прекрасную охотницу — так змея ползет по следу маленькой птички.

Когда девушка скрылась из виду, юный охотник прислонился к стволу деревца в ожидании врага.

* * *

На другом краю равнины появляется воин.

На голове у него украшение из перьев тукана, рукоятка такапе́[1] отделана такими же перьями.

---

[1] Такапе́ — палица с заостренным концом, которая применялась индейцами как метательное, колющее и режущее оружие.

Это токантинский воин. Он издали завидел Ягуара и узнал красный головной убор арагуайского племени.

Эти два племени не воюют друг с другом, но воин, уставший от длительного отдыха, может вызвать другого воина на честный бой, не нарушая закона мирного времени.

Когда токантин натянул тетиву своего лука, Ягуар, уже зарядивший свой, пустил в воздух стрелу — вызов на бой.

Воин ответил тем же — этим он хотел сказать, что вызов принят.

Тогда оба бойца, тяжко ступая, пошли навстречу друг другу и остановились лицом к лицу.

— Я — Ягуар, сын Камакана, вождя доблестного арагуайского племени, которое идет сюда издалека в поисках земли своих отцов. Слава моя бежит по табам, и ты уже, должно быть, знаешь, кто лучший охотник в этих лесах. Но Ягуар презирает славу охотника; он хочет получить воинское имя, которое рассказало бы племенам о силе его десницы и заставило бы трепетать перед ним и храбрейших. Если твое племя провозгласило тебя сильнейшим из сильных, готовься к смерти; если же нет — иди своей дорогой, презренный воин, иди, чтобы кровь труса не запятнала девственное такапе Ягуара.

— Судьба привела тебя на встречу с Пожуканом — Истребителем Людей, военачальником грозного токантинского племени, наводящего страх на другие племена. Уже три месяца прошло с тех пор, как в ужасе бежали свирепые

воины враждебного нам племени, с тех пор, как Пожукан не сражался, и его такапе жаждет крови врага. Ты не достоин ударов такапе военачальника, но Пожукан будет снисходителен к твоей молодости и согласится на битву с тобою. Ты умрешь славною смертью от руки храбрейшего токантинского воина. Певцы моих подвигов помянут и твое имя, и все юноши из арагуайского племени будут завидовать твоей участи.

— Ягуар благодарит великого бога Тупа, который создал тебя, Пожукан, Истребитель Людей, великим воином и самым грозным военачальником великого токантинского племени. Твоя смерть будет первым подвигом охотника из арагуайского племени, она даст ему воинское имя, которое повергнет в изумление твое племя и наведет страх на другие племена.

Оба воина принялись отступать шаг за шагом, пока не отошли друг от друга на расстояние выстрела из лука.

Тогда каждый испустил боевой клич, и оба воина устремились друг к другу навстречу, потрясая своими такапе.

* * *

Такапе ударились друг о друга в воздухе, и оба воина закружились, как два потока в водовороте Итаоки.

Десять раз ударялись одна о другую дубины, и десять раз бой начинался сызнова.

Звери, рыскавшие в лесу, в страхе разбегались, словно в небе загрохотал гром.

Снова скрестились два такапе и разлетелись в щепки.

— Дерево крепко, как железо, но есть другое дерево, которое не уступит этому. Нет другой такой руки, как рука Пожукана. Видел ли ты когда-нибудь, юный охотник, оленя в кольцах жибойи — крупнейшего из удавов? Такой же смертью умрешь и ты!

— Если бы ты был гремучей змеей, которая только и умеет, что кусаться, Ягуар расплющил бы твою голову ногой и пошел бы своей дорогой. Но ты жибойя. Ты умрешь не под ногой охотника, а от его руки. Бросайся же на меня, жибойя, бросайся, токантинский воин!

Пожукан протянул руки и сдавил поясницу Ягуара, который, в свою очередь, сдавил бока токантинского воина.

Каждый из бойцов напряг все свои силы, которых хватило бы для того, чтобы с корнем вырвать самое могучее дерево в лесу.

Тем не менее оба оставались недвижимы. Они были подобны дубам, которые одновременно пустили ростки, так что с течением времени ветви их переплелись, а стволы срослись.

Ничто не может расцепить их, ничто не может сдвинуть их с места. Ураган с яростным ревом проносится над ними, не поколебав их, и они остаются неподвижными, и бег времени не в силах их сокрушить.

Шаман, проходивший по опушке леса, увидев борцов, принялся творить заклинания, полагая, что это души двух воинов, которых заключила в свои объятия смерть.

Уже тень расстнлалась за долиной, уже солице прощалось с вершниамн гор, а бойцы все еще не шелохиулись.

Наконец ослабели рукн, н каждый нз борцов отступнл, чтобы посмотреть на своего врага. Ни у одного из ннх на лице не было и тенн усталостн.

Оии понялн, что могут бороться всю ночь напролет, ио нн одии ие сломит другого.

— В отваге и снле ты не уступишь токантнискому военачальиику. Но Пожукан не хочет, чтобы жнл на земле тот, кто не покорился его деснице. Ты должен умереть, Ягуар, ты должен умереть, чтобы Пожукан остался первым воином во всем подлунном мире.

— Пожукаи, Истребитель Людей, свирепый воии токантннского племенн! До этого мгиовеиья Ягуар оставлял тебе жизнь, чтобы увндеть, достонн лн ты дать ему воииское нмя. Сейчас он уже знает, что ты — велнчайший воин, который когда-лнбо жнл иа земле до сего мгиовенья, и Ягуар хочет, чтобы твое поражение стало первым его подвнгом.

С этнмн словамн он вырвал нз ствола могучего дерева двуострое копье н снова двинулся на Пожукаиа.

— Оружне, которое ты вндншь,— это двуострое копье. Ягуар сделал его нз крепкого сука краубы — красного дерева, прокалениого иа огие. Его рука была первой рукой, которая метнула его, а твое тело будет первым телом, которое иапоит его своею кровью. Возьмн двуострое копье, воеиачальиик, и иападай иа Ягуара, еслн хочешь умереть смертью храбреца.

* * *

Пожукан отклонил копье, которое протягивал ему молодой охотник.

— Никогда токантинский воин не нападает на безоружного врага, да Пожукану копье и не нужно. Нападай ты, Ягуар, нападай, коль скоро ты не полагаешься на свою руку; для Пожукана же довольно и его руки, чтобы повергнуть тебя наземь.

— Тебя ослепляет гордыня, военачальник. Копье знает лишь Ягуара, который сделал его, и оно послушно Ягуару, как острога послушна руке рыбака. Крепко сожми его в твоей могучей деснице, и Ягуар будет вооружен вдвое лучше, чем ты, ибо ты не умеешь с ним обращаться.

Токантинский военачальник скрестил руки на груди.

— Бери копье, Пожукан, если не хочешь, чтобы я назвал тебя трусом,— ведь ты знаешь, что Ягуар не убьет тебя, коль скоро ты безоружен; он уйдет от тебя, ибо ты недостоин сразиться с сыном лучшего арагуайского воина — с сыном великого Камакана.

Токантинский военачальник бросился на Ягуара, тот схватил его за руки, и снова оба бойца застыли в неподвижности.

Наступившая ночь застала их все в том же положении.

Трижды прекращали они борьбу и трижды начинали ее сызнова. Наконец они убедились в том, что ни один из них не одолеет другого.

Тогда Пожукан сказал:

— Арагуайский воин, надо кончать едино-

борство. Земля мала для двух таких воинов, как мы с тобой. Воткни сюда копье, и пойдем к берегу реки. Тот, кто первым прибежит к копью, станет его хозяином и хозяином жизни другого из нас.

Так и сделали два бойца. Дойдя до берега реки, они пустились бежать. Руки обоих коснулись древка копья одновременно, но Ягуар, запыхавшийся после стремительного бега, не смог вырвать оружие из руки Пожукана.

* * *

Военачальник с презрительным видом берет копье наперевес и направляется к Ягуару.

Не как воин на битву идет он, но как убийца, который готовится зарезать свою жертву.

— Военачальник! Ягуар не хочет убить тебя, как змею, напавшую на беспечного охотника. Если бы я захотел, копье уже нанесло бы тебе десять ран твоею же рукою.

— Забудь о славе воина, не для тебя она, индеец. Пожукан дарует тебе жизнь и приведет тебя как пленника в токантинскую табу, чтобы ты воспел его подвиги на празднестве воинов.

— Пленником будешь ты, но не затем, чтобы воспевать деяния воинов. Ты будешь служить в арагуайской табе и помогать старухам мести хижины.

Пожукан ринулся вперед и нанес удар, но копье перевернулось и железное острие вонзилось в грудь токантинского вождя.

Когда могучее тело Пожукана свалилось наземь, Ягуар одним быстрым движением правой руки коснулся левого плеча побежденного[1] и, потрясая окровавленным оружием, испустил торжествующий крик:

— Я Убиражара — Повелитель Копья, непобедимый воин, которому оружием служит змея! Признай своего победителя, Пожукан, и объяви его величайшим воином, ибо он победил тебя, лучшего из воинов, существовавших до него.

— Если моя доблесть, которая послужила к вящей твоей славе, достойна того, чтобы ты оказал ей милость, не давай Пожукану, чтобы он хоть еще мгновенье страдал от позора своего поражения.

— Нет, токантинский военачальник. Ты пойдешь со мной в табу арагуайского племени, чтобы поведать о моей доблести. Для вящей славы Ягуара нужен такой пленник, как великий Пожукан, на празднестве его победы[2].

— Ты жесток, воин-копьеносец, но знай, что, если твое предательское оружие и ранило меня в грудь, никакие мучения не сломят дух мужественного токантинского воина, который не склоняет голову перед разгневанным Тупа и презирает месть арагуайского племени.

---

[1] Согласно индейскому обычаю, победитель утверждал свою власть над побежденным, касаясь правой рукой его левого плеча.

[2] Согласно существовавшему у индейцев обычаю, право на триумф получал лишь тот, кто приводил с собой пленника.

II
ВОИН

Радостный гул царит в табе арагуайского племени.

Костры, окружающие широкую площадь табы, изливают в глубь темной ночи праздничный свет.

Весь вечер бил трокан — деревянный барабан, который созывал воинов из других таб в большую табу вождя.

Это было воинское празднество в честь Ягуара, сына Камакана, главного вождя арагуайского племени.

В глубине площади собрался совет старейшин, который решает, быть миру или войне, и который управляет отважным племенем.

Старейшины, восседающие на настиле из жердей, в молчании смотрят на поколение воинов, которых они учили сражаться, и тоскуют по былой славе.

Висящий напротив них большой лук арагуайского племени украшен на концах красными перьями попугая арары.

Это знак достоинства вождя; Камакан, отец Ягуара, завоевал его в юности и хранит до сих пор; никто не осмеливается оспаривать его у Камакана.

А вот и он сам — престарелый вождь — под этим самым луком, тетиву которого рука его столько раз натягивала во время войны. Опираясь на свой непобедимый такапе, он стоит и верховодит празднеством.

По обе стороны широкой площади стоит большое войско, расположившееся в определен-

ном порядке: в первых рядах — вожди таб, за ними — заслуженные воины, в последних рядах — воины-юноши.

За ними — молодые охотники, уже расставшиеся с насиженными местами: им не терпится завоевать своими подвигами право пополнить арагуайское войско.

Но для этого необходимо пройти через испытания, а они еще слишком молоды и не обрели той громадной силы, которую дает зрелость.

Все они завидуют славе Ягуара, который еще вчера был первым среди них, а сегодня уже оспаривает первенство у самых доблестных воинов.

За изгородью теснятся женщины, которые, согласно обычаям предков, не могут быть допущены на воинское празднество.

Издали молча провожают глазами матери своих сыновей, жены — своих мужей-воинов, а девушки — своих женихов.

Женщины ликуют, когда слышат, как прославляют подвиги их сыновей, мужей или женихов, но сами не осмеливаются прошептать ни слова.

Среди женщин — Жандира, пригожая девушка, черные глаза которой не устают любоваться Ягуаром, ее будущим повелителем.

Ей уже не терпится услышать, как юного охотника провозгласят воином, — тогда она обретет счастье служить ему как рабыня в мирное время и сопровождать его как супруга в битву.

На середину площади выходит Ягуар.

Против него становится Пожукан, и все видят, что в теле его, не ослабевшем от раиы, живет великая душа, не утратившая мужества и перед лицом врагов.

Камакаи затрубил в ииубию[1] — то был приказ, чтобы все умолкли,— и сыи Камакана иачал так:

— Воииы арагуайского племени, выслушайте повесть о том, как я сражался.

«После того как Ягуар прошел испытаиия в мужестве, он покинул табу, чтобы завоевать себе славиое имя.

Покииув свою табу, Ягуар увидел черного сокола, который летел по направлению к бескрайнему водному простору, и сказал себе:

Чериый сокол — отважный воии поднебесья; он стаиет славой воина арагуайского племеии, славой, которая пронесется сквозь тучи и поднимется к солицу.

Ягуар заприметил, как пролегает путь чериого сокола, и пошел за ним.

Солице прощалось с землей и возвращалось к ией раз, и два, и три раза. Когда оно взошло в последиий раз, Ягуар встретил воииа племени токантииов — хозяев Великой реки.

Воииы арагуайского племеии, хотите ли знать, кто был тот боец, которого послал Ягуару Тупа, чтобы дать ему воииское имя?

Этот боец стоит здесь, перед вами.

Это великий Пожукан, свирепый Истребитель Людей, воеиачальник самого отважного и

[1] Инубия — боевая труба у индейцев.

могучего рода племенн токантннов — хозяев Великой реки.

Вы, перед которыми ои сейчас стонт, посмотрите, сколь ужасен его вид, но один я, который сразился с ннм, зиаю, как доблестен ои в бою.

Такапе в его мощной деснице подобен стволу железиого дерева, что пустило росток и выросло на крутой скале.

Ягуар, который вырывает из земли нсполинский кедр, не смог вырвать такапе из его рукн и был вынуждеи расколоть его в щепу.

Рукн Пожукаиа, когда он протягнвает нх в борьбе, не иайдут того, кто мог бы согнуть нх; это два утеса, что высятся иад землей.

Его тело — гора, что возвышается над долиной. Ни одии человек, даже сам Камакан, не в силах сдвинуть его с места.

Пожукан — сильиый, мужественный н самый доблестный воин, которого когда-лнбо вндело солнце до сегодияшиего дня.

Вонны арагуайского племенн, это он тот герой, который предложил сразиться сыну Камакаиа, н Ягуар прииял вызов, нбо тотчас поиял, что встретнл врага, достойного его доблести.

Он смотрит на вас, вонны арагуайского племеии. Еслн кто-либо из вас сомиевается в правдивости рассказа Ягуара или в мощн токаитииского вонна, пусть вызовет его на бой и пусть узнает, каков в бою Пожукан».

Токаитниский военачальник броснл угрожающий взгляд иа толпу воинов, но ннкто не осмелился бросить ему вызов.

* * *

Пожукан поднял руку в зиак того, что хочет говорнть; все почтнтельио слушали героя, еще более геройскн державшегося в иесчастье.

— Вонны арагуайского племеин, выслушайте слово Пожукана, вашего врага, который противостонт гневу снльных и презнрает месть слабых.

«Пожукан, военачальник велнкого токаитинского племенн, иикогда ие встречал воина, который мог бы выстоять протнв его могучей и иепобеднмой дланн.

Но Тупа устал слушать, как на всех празднествах прославляют нмя Пожукаиа — имя победнтеля, и дал свою снлу Ягуару — велнчайшему из воннов, которые когда-либо жилн на земле.

Я испытал иа себе его стремительиость н его отвагу и могу сказать вам, что лншь токаитинская кровь может течь в жнлах столь могучего вонна.

Жнла-была одна девушка нз арагуайского племенн; девушка эта броднла по лесу и встретила Пожукаиа, и вот в ее оплодотворенном нм чреве зародилась душа велнкого вониа.

Его рука — словио молння иебесная, а сила его — словно буря, что иисходнт с туч».

Пожукан умолк, а Ягуар продолжал свою песнь вониы:

«Когда теиь иачала спускаться с гребня гор, Пожукан н Ягуар пошли друг на друга.

Оии сражались всю иочь. Молодое солице пришло н застало нх в бою, как в бою оно

их и покинуло — никто не победил, никто не был побежден.

Они знали, что оба они — величайшие воины по крепости телесной и по ловкости в обращении с оружием.

Но ни один из них не мог стерпеть, чтобы на земле жил другой воин, равный ему, ибо каждый из них хотел быть первым.

Токантинский военачальник первым прибежал к двуострому копью, которое изготовил Ягуар.

Трижды могучая десница токантинского военачальника потрясала им, и трижды оно ускользало из его руки, подобно тому как змея ускользает из когтей ястреба.

Но один раз, когда великий воин напал на Ягуара с копьем в руке, копье, покорное Ягуару, пронзило грудь его врага.

Он упал, упал этот военачальник, великий, мужественный токантинский воин, доблестный из доблестных; упал Пожукан, свирепый Истребитель Людей.

А Ягуар, потрясая победоносным оружием, восклицал:

Я — Убиражара, Повелитель Копья, победитель первого воина из воинства Тупа!

Я — Убиражара, Повелитель Копья, наводящий ужас воин, оружием коему служит змея!»

* * *

Забил трокан, и его победный грохот долго разносился по просторам долин, эхом отдаваясь в горах.

Такапе, которыми потрясали сильиые рукн воииов, со звоиом ударялись о широкие щиты.

Но могучнй голос воннства покрыл этот страшиый шум; воииы крнчали:

— Ты — Убиражара, Повелитель Копья, победнтель Пожукана — велнчайшего токаитииского вонна!

«Вонны арагуайского племени объявляют тебя своим собратом по оружню и провозглашают снльиейшим нз снльных.

Певцы будут прославлять твое имя как нмя одиого из самых зиаменнтых воииов арагуайского племеин, н Камакаи будет гордиться тем, что он нмеиуется отцом Ягуара, как и Ягуар гордился тем, что он именуется сыном Камакана!»

Когда шум празднества затнх и песнь воинов окоичнлась, вперед выступнл Камакаи — велнкнй вождь арагуайского племени. Старец сорвал лук племеии — зиак достоннства вождя, и подошел к Убнражаре.

Лук был сделаи нз железного дерева; он был крепок, как рука самого могучего воииа; тетива, сплетеииая нз прутьев, была толщниой с палец, который ее иатягнвал.

Самые снльные мужи арагуайского племени с трудом держали огромный лук, и лишь один из иих мог пустнть нз него стрелу: то был вождь вождей, то был Камакан, который во время войи командовал воннамн арагуайского племеин.

— Убиражара, Повелитель Копья! — заговорил старец. — Настало время, чтобы рука твоя сжала большой лук арагуайского племенн, который должен принадлежать самому снльному.

Камакан завоевал его в тот деиь, когда выбрал себе в супругн Жасанан — девушку с пламеиными очамн, во чреве которой зароднлся ты, его первенец. До сего дия, невзнрая иа старость, от которой тело старого вождя нссохло, нн один воии не осмелился бы оспарнвать у иего большой лук, иемедлеино не поплатившнсь за свою дерзость. Но Тупа повелевает, чтобы старец прнгнулся к земле н упал, подобио подточенному червями стволу, и чтобы юиоша вознес голову к иебу, подобно высокому дереву. Камакаи вновь оживает в тебе; его слава — слава лучшего воина — лншь возрастет от того, что ои породил вониа, его превзошедшего.

* * *

Убиражара взял лук, который протянул ему отец, и сказал:

— Камакан! Ты первый вонн и величайший вождь арагуайского племеин. Для славы Ягуара довольио и того, что он показал себя ие только твонм сыиом по крови, но и твонм сыиом по доблести. Со всем тем большой лук арагуайского племеин Убиражара ие примет ни от тебя, ин от какого-лнбо другого воииа, ибо лук этот иадо завоевать своею отвагой.

С этимн словами он отшвырнул большой лук иа середиину площади н восклнкнул:

— Вони, который осмелится взять большой лук арагуайского племеин, будет оспарнвать его у Убнражары!

Ничей голос не ответил ему; ни одни боец не выступнл вперед.

Снова загремел тронан, и в торжественном грохоте прозвучал крик воинства:

— Убиражара, Повелитель Копья, ты самый сильный из воинов арагуайского племени; возьми большой лук!

Тогда Убиражара поднял большой лук, и тетива его зазвенела, как ветер, пронесшийся по лесу.

То была первая стрела, посланница вождя, которая вознесла к тучам славу Убиражары.

Певцы воспевали обоих вождей: престарелого Камакана, который сменил оружие воина на посох старейшины, и молодого Убиражару, который уже в юности показал себя таким же великим воином, каким был его отец в зрелые годы.

Пожукану служило утешением то, что он слышал, как его имя многократно упоминалось и восхвалялось вкупе с именем его победителя.

Затем певцы прославляли великие деяния, совершенные арагуайским племенем в стародавние времена, когда предки арагуаев покинули большую табу племени тамоев — их родоначальников.

Когда зазвучала победная песнь, появились женщины с сосудами, полными лучшего кауина[1], и стали подносить чаши воинам.

Жандира вздохнула: она была девушка и, как и ее подруги, не могла показаться на празднестве воинов.

Она грустила, что еще не стала женой Убира-

[1] Кауин — пьянящий напиток, приготовляемый из маниоки, южноамериканского растения.

жары и не может наполнить чашу ею приготовленным пенистым вином и с гордостью поднести ее своему герою и повелителю.

Зловещий крик совы раздался в чаще, когда началась пляска воинов, которая продолжалась до рассвета.

III
НЕВЕСТА

Как только занялась заря, Жандира открыла свои прекрасные черные глаза.

Ее песня первой приветствовала начинающийся день; ей вторила птичка в своем гнезде.

Пригожая дочь Маже́ выпрыгнула из га́мака, баюкавшего ее невинные девичьи сны; она распрощалась с ним подобно тому, как куропатка жасанан поки́дает лесные заросли, чтобы поселиться в гнезде любви.

Девушка думала, что провела последнюю ночь в родительской хижине, которую в это утро она сменит на хижину своего супруга.

Молодой охотник Ягуар, который любил ее, был провозглашен воином, а из всех воинов был избран вождем племени.

Как воин он имеет право взять себе жену; как вождю ему принадлежит та девушка, которую он выберет сам среди прекраснейших девушек табы.

Пусть у девушки уже есть жених, пусть даже ей нашел другого жениха ее отец, но если ее возжелает вождь, то, по воле Тупа, она должна принадлежать вождю.

Тупа распорядился так, чтобы великие вожди могли производить на свет самых красивых и доблестных воинов.

Ягуар избрал Жандиру, когда он еще не был провозглашен вождем, и она не вышла бы замуж ни за кого, кроме молодого охотника, которого она любила.

Она ждет его. Как только солнце осветит землю, Убиражара, великий вождь, должен прийти за ней.

Тогда девушка распрощается с Маже и украсит гамак супруги в хижине своего воина и повелителя.

Легкая и счастливая, бежит она на речку выкупаться, прежде чем за ней придет Убиражара, для которого она моет свое тело и умащает его благовонным маслом, добываемым из лаврового дерева.

Она хочет, чтобы бесстрашный воин нашел ее любовь сладкой, как вино, которое пенится в чаше и растекается по жилам горячей струей.

Вернувшись в хижину, она надушила ароматной смолой широкий гамак, который выткала из волокон хлопка, переплетенных с перьями фламинго.

Этот гамак вдвое больше ее девичьего гамака: это брачное ложе, на котором она должна познать супруга.

Потом она уложила в корзину посуду, которую изготовила для своего воина и которую должна теперь перенести в свою новую хижину.

Закончив все приготовления, она встала на пороге хижины; взор ее нетерпеливо призывает Убиражару.

Но воин не идет, а солнце уже поднялось над гребнем гор.

Сияние дня разливало радость по полям, но радость, которую лелеял ночной сон Жандиры, улетучивалась из ее души.

Тогда дочь Маже отправилась на поиски жениха, который забыл про нее.

* * *

По глухой лесной чаще бредет вождь арагуайского племени.

Глаза его избегают дневного света и ищут темноты — там они видят образ, который он несет в своей памяти.

Ночью, когда воин спал в своем одиноком гамаке, ему явилась во сне красивая девушка Араси и сказала ему:

— Ягуар, юный охотник, ты спокойно спишь в то время, когда токантинские воины собираются похитить девушку, которую ты любишь. Вставай и иди туда, иначе будет поздно.

Он встал и хотел было последовать за ней, но легконогая красавица-девушка пустилась бежать по равнине и исчезла в лесу.

Тут воин проснулся.

Сверкающая звезда катилась по небу, как огненная слеза, и Убиражара подумал, что это след Араси, дочери света.

В чаще тихонько ворковал лесной голубь, и Убиражаре вспомнился нежный голос дочери солнца.

Воин повернулся на другой бок, надеясь, что к нему снова придет сон, но сон бежал от его очей.

С первым лучом зари Убиражара вышел из хижины и принялся искать в самой глухой лесной чащобе тень — спутницу тоски.

Невольно направлял он свои шаги к берегу реки, где должна была находиться токантинская таба.

Так кокосовые пальмы, неподвижно стоящие на морском берегу, склоняют свой зеленый убор к востоку.

В чаще леса Убиражара услышал легкие шаги; издалека узнал он Жандиру, которая искала его.

Пригожая девушка увидела след воина у дверей его хижины и пошла за ним по лесу.

— Какой дурной сон так печалит Убиражару, Повелителя Копья, лучшего из воинов, вождя великого арагуайского племени, что он покинул свою табу и забыл о невесте, которая ждет его?

— Грусть закралась в сердце Убиражары, и он уже не может сказать тебе слов радости, красивая девушка.

— Грусть горька; когда же она закрадывается в сердце воина, она наполняет его ядом. Но Жандира поступит как сестра ее, пчелка: самый сладкий сотовый мед закаплет из уст Жандиры для ее воина, и слова ее будут медвяной росой, которую она прольет в душу супруга.

— Дочь Маже, пригожая девушка, не пришел еще день, когда Убиражара изберет себе супругу; он даже не знает еще, какую девушку предназначил ему Тупа для того, чтобы в ее чреве зародился первенец великого вождя арагуайского племени.

* * *

Уста Жандиры умолкли, но грудь ее вздымалась от рыданий.

Девушка поняла, что любовь Убиражары уходит от нее и что она потеряет все, если не сумеет отстоять эту любовь.

Тогда она скрыла свою боль в глубине души, вызвала смех на свои уста, и в глазах ее засверкала радость.

Она знала, что воины любят, когда красота цветет, как пышная зелень деревьев, что от грусти увядает прелесть даже самой прекрасной девушки.

— Убиражара, вождь арагуайского племени, не отвергай Жандиру, которую ты некогда выбрал себе в невесты. Если в ту пору она показалась твоим глазам красивой, она станет еще красивее, чтобы заслужить твою любовь. Тебе нравились ее черные волосы, что волочатся по земле,— она вплетет в них красные перья фламинго, чтобы они еще больше ласкали твой взор. Свои черные глаза, которые говорили с тобой, она обведет желтыми кругами, и они станут похожи на глаза птицы жасанан. Свои уста, которых ты еще не коснулся, Жандира наполнит любовью, чтобы ты пил из них счастье.

Жандира подождала, чтобы Убиражара сказал свое слово, но онемевшие уста воина не раскрылись.

— Твоя любовь, Убиражара, расцветет в моей груди, подобно цветку в долине. Жандира принесет тебе много сыновей, и все они будут достойны твоей доблести. В своем чреве, ко-

торое принадлежит тебе, она вскормит их своей кровью, кровью не менее воинственной, чем твоя, ибо это кровь Маже, величайшего из старейшин после Камакана. Ее руки, которые с любовью тянутся к тебе, будут не только обнимать тебя, но и служить тебе. Твоя жена будет сопровождать тебя всюду — и в табе и на поле боя; она будет убирать твою хижину, будет готовить для своего воина самые лакомые кушанья и делать для него вино — царицу празднества.

— Жандира — лучшая девушка арагуайского племени. Ее любовь сделает счастливым доблестного воина. Убиражара не мог бы найти ни более верной жены себе, ни более плодовитой матери для своих детей. Но в его душу спустилась ночь. Только Утренняя Заря может вернуть ему радость, которая его покинула. Дочь Маже заслуживает воина, который не оторвет глаз от ее красоты.

* * *

Пожукан задумчиво сидел у дверей хижины.

Лицо его, всегда серьезное, как и подобает лицу военачальника, закрыло облако грусти.

Ночь, побежденная солнцем, ушла с земли, но кажется, что она нашла себе убежище в душе токантинского военачальника.

Не удар копья, полученный им, заставляет его страдать. Нежный бальзам, добываемый из пальмового дерева, быстро залечивает самые глубокие раны; к тому же токантинские мужчины с колыбели учатся презирать боль.

Но сердце Пожукана — сердце воина — терзают когти злого духа.

Поражение и плен — это несчастья, которые он переносит как сильный духом мужчина, повидавший на своем веку, как самые грозные воины терпели поражение на поле брани.

Его утешает то, что его победил столь великий воин; у него еще остается его слава, ибо он противился такой руке, как рука Убиражары, великого вождя арагуайского племени.

Но он надеялся, что после того, как он украсит своим присутствием торжественное празднество, победитель будет великодушен и предоставит ему честь умереть смертью храбреца.

Страх, что Убиражара не даст ему умереть славною смертью и будет держать его в плену,— вот что гнетет ныне токантинского вождя.

Он, свободный воин, некогда как хозяин попиравший эти поля, будет низведен до положения раба?

Он, военачальник, в подчинении у которого было больше тысячи доблестных воинов, вынужден будет признать хозяина?

Он, который не склонял головы перед разгневанным Тупа, когда грозный бог рычал на небесах, склонит голову по знаку человека, хотя бы этот человек был сильнейшим из сынов земли?

Пожукан содрогался, когда думал о том, что может быть подвергнут столь великому унижению.

Ужас заставлял его сдвинуться с места, ему хотелось убежать навсегда из арагуайской табы, где ему грозило столь великое бесчестье.

Но какая-то непреодолимая сила сковывала его волю. С той минуты, когда Убиражара

положил свою правую руку на плечо Пожукана, тот уже не принадлежал себе.

То был символический жест победителя, и теперь побежденный принадлежал ему, а ведь тот, кто нарушит закон войны, навсегда лишится благородного звания воина.

Презрение врага будет сопровождать его до самых родных краев; таба его братьев будет закрыта для беглеца, запятнавшего свое имя позором.

Поэтому в одинокой хижине Пожукан был охраняем лучше, чем если бы его окружало войско арагуайского племени.

Он стережет сам себя: он стережет свою честь.

Убиражара может забыть о нем; но, возвратившись, он найдет Пожукана там, где он его оставил.

Никакая сила не может вытащить его из хижины, даже необходимость искать пропитания.

Голод будет желанным гостем, если он будет столь долгим, что лишит сил его могучее тело и ввергнет его в лоно земли, где воин спит сном славы.

Но там, сквозь чащу леса, продирается Убиражара и быстро направляется к хижине.

За ним по пятам идет Жандира — так стройная косуля следует за охотником, отнявшим у нее друга.

Завидев вождя арагуайского племени, Пожукан схоронил печаль в своей душе и придал своему лицу гордое выражение — выражение великих воинов.

Токантинский военачальник не хочет, чтобы его победитель радовался, что сломил его непреклонный дух.

* * *

Когда Убиражара подошел к хижине, Пожукан двинулся ему навстречу.

— Убиражара, Повелитель Копья, великий вождь арагуайского племени, не признал ли ты в присутствии старейшин табы и всех воинов, что Пожукан — самый сильный и самый грозный муж в бою, самый сильный и самый грозный из всех, кого видело солнце до той минуты, когда он был побежден тобою?

— Убиражара сказал это. И это голос арагуайского племени.

— С той минуты, когда ты послал Пожукану стрелу, вызывающую на бой, и до того мгновенья, когда ты одолел его, доказал ли он своей стойкостью и доблестью, что не посрамил кровь своих предков?

— Пожукан доказал это, об этом говорит его слава.

— Почему же в таком случае великий вождь арагуайского племени не подарит Пожукану славной смерти, в которой токантины никогда не отказывают отважным воинам и которую не даруют только слабым? Разве на торжественном празднестве Пожукан не послужил уже твоей славе? Или ты надеешься, что он станет твоим покорным рабом? Но если ты позоришь воина, которого ты победил, ты бесчестишь свое собственное имя, которое он прославил.

Великий вождь арагуайского племени, не

перебивая, выслушал пленника и с важностью ответнл ему так:

— Убнражара не отказывает храброму токантннскому военачальннку, своему грозиому врагу, в смертн храбрецов, как согласился бы он на то, чтобы смертью храбрецов умер всякий доблестиый воин. Убиражара ждал, пока твоя рана закроется окончательно, чтобы велнкий Пожукан в день своей последней бнтвы мог поддержать честь своего именн и славу вонна, которого сумел победить одни лншь Убнражара.

Великнй вождь арагуайского племени поднес к устам военную трубу Камакаиа; властный голос ее разнесся по всей обшнрной округе табы.

Появилнсь двадцать молодых вониов; ои приказал им созвать совет старейшни.

Потом обернулся к токантннскому вождю:

— Арагуайское племя унаследовало от своих предков обычай племеи, устаиовлеииый Тупа. Оно отдает пленнику самую краснвую и самую лучшую девушку из всех девушек табы, чтобы она продолжнла благородиый род героя-врага н прнумиожнла честь н доблесть своего племенн.

— Этот закон соблюдают в своих табах н токантннские вонны.

— Самая краснвая н самая благородиая нз всех арагуайскнх девушек — та, что подобиа пальме, которая возвышается иа равнние, покрытой цветамн,— это Жаидира, дочь Маже, у которой из уст каплет сладкий сотовый мед.

Тут он схватил за руку Жандиру, которая стояла здесь, зачарованная его взором, н подвел ее к пленннку.

— Возьмн ее как супругу смерти.

Жандира, которая с ужасом выслушала эти слова, хотела было убежать, ио арагуайский вождь удержал ее рукою:

— Убиражара уходит, но ои вериется, и выслушает твою просьбу, и иаиесет тебе последиий удар. Пожукаиу будет предоставлеиа честь пасть от руки самого доблестиого воииа.

. *

Жандира и Пожукаи остались наедине друг с другом.

— Арагуайская девушка, Тупа предназначил тебя в супруги самому грозному врагу твоего племени. Сын твоего чрева будет самым доблестным воииом, и ты будешь гордиться тем, что вскормила его своей грудью.

— Пожукаи, токаитинский военачальник, Жандира никогда ие будет твоею супругой.

— Разве Убиражара ие вождь твоего племени и разве не повелел он тебе стать иевестой смерти воина, который умрет в мучениях?

— Убиражара — великий вождь арагуайского племени; когда он заговорит, смолкает голос старейшии; когда он сделает знак, склоняются головы воииов, его желаниям повинуются табы. Но в любви Жандиры ие волеи иикто, даже Тупа. Жаидира — невеста Убиражары, и если он ие захочет взять ее в супруги, гуаиумби[1] уведет ее в поля радости, где покоятся умершие девушки.

---

[1] По вероваииям иидейцев Бразилии, птица г у а и у м б и (колибри) является послаииицей загробиого мира.

— Пожукану не нужиа любовь Жандиры. Самая краснвая девушка в токантинскнх табах почла бы за счастье прннадлежать наидоблестнейшему нз воннов н жить в его гамаке. В арагуайских табах, где рождаются такне воины, как Убнражара, не будет недостатка в прекрасных девушках, которые возжелают стать матерью сына Пожукана.

— Жанднра была бы первой нз ннх, еслн бы она ие знала самого краснвого юного охотника Ягуара, ныне Убиражару, Повелителя Копья н вождя вождей. Пожукан заслужнвает супруги, которая ннкогда не слышала песнн другого вонна н которая подарнт Пожукаиу сына, достойного своего отца.

— Разве законы твоего племенн ие наказывают девушку, которая отвергла пленинка?

— Жандира знает, что ее ждет смерть, ио смерть ие так жестока, как разлука.

— Тогда бегн, арагуайская девушка, и скройся от гиева твоих старейшнн. Быть может, пройдет время н Убнражара раскается и простнт тебя.

— Жандира уходнт. Она желает тебе доброй супруги н славной смертн.

Дочь Маже скользиула в лес н стала быстро удаляться от табы.

Когда она была уже очень далеко, она села в тенн дерева, которое было все в цвету, и запела:

«Я была Жаидирой, красивой пчелкой, изготовлявшей восковые соты, чтобы иаполннть нх сладким медом.

Сейчас мне оторвалн крылья, иа которых я летала по полям, собнрая с цветов пыльцу, и нссякла радость моей улыбкн.

Песнь, излетавшая из моих уст, была подобна песне соловья на закате солнца, когда он укрывается в своем гнезде из мягкой пайны[1].

Сейчас я хочу, чтобы в моем сердце была змея и чтобы она укусила ту, что похитила любовь моего воина.

Я сберегла мою красоту, чтобы мой супруг гордился мною и чтобы ему завидовали другие воины.

Сейчас я сменяла бы цветок моего лица на страшное обличье, которое наводило бы ужас; сердце в моей груди, более красивой, нежели бутоны розы, пусть превратится в свирепое сердце, мои легкие руки, которые ткали волокна хлопка,— в когти ягуара.

Я была Жандирой, пышно цветущим кустом, одетым голубыми и белыми цветами.

Сейчас я подобна дереву с опавшими листьями, у которого остались одни колючки, чтобы ранить тех, кто к нему приблизится».

* * *

Старейшины уже собрались на площади совета, когда появился Убиражара.

Камакан обратился к нему с такими словами:

— Убиражара, Повелитель Копья, вождь вождей! Отцы великого арагуайского племени слушают твою речь.

Великий вождь трижды ударил о землю концом лука и сказал:

---

[1] Пайна — шелковистое волокно.

— Пожукан — токантинский военачальник — просит, чтобы ему дали возможность умереть в бою; он заслуживает этого, ибо он великий воин и прославленный муж. Убиражара, по праву его победителя, предоставляет ему эту честь.

— Убиражара великодушный враг,— сказал на это Камакан.

Все старейшины с важностью наклонили седые головы, выражая согласие со словами Камакана.

Убиражара продолжал:

— Настало время избрать пленнику супругу, достойную прожить с героем-врагом его последние дни и стать матерью сына двух племен, сына войны.

Все отцы желали для себя чести отдать свою дочь пленнику.

— Убиражара предназначил ему в супруги Жандиру, дочь Маже. Она, благодаря своей красоте и своему происхождению — в ее жилах течет кровь великого воина — заслуживает этого

Старейшины снова наклонили головы; Маже прибавил:

— Кровь старого Маже, текущая в жилах Жандиры, не посрамит арагуайское племя.

— Не посрамит! — сказал Убиражара, и все старейшины повторили за ним:

— Не посрамит!

Великий вождь медленно продолжал свою речь:

— Вы совершите торжественную церемонию и отдадите пленнику его супругу. Убиражара уходит; он вернется только в следующем месяце,

чтобы присутствовать при страшной смерти Пожукана. Если, пока Убиражары не будет, в табу прилетит стрела — вестница войны, — принесите трокан на то место, где обнимаются великие реки, и пусть прозвучит голос арагуайского племени. В тот же день Убиражара будет с вами.

Благоразумные старейшины, наклонив головы, чтобы им было лучше слышно, внимали речам великого вождя и сохраняли их в своей памяти.

Когда Убиражара умолк, Камакан еще медленнее повторил повеления сына и спросил:

— Такова воля Убиражары?

— Ты сказал это.

— Старейшины сохранили в своей памяти речь вождя вождей? — опять спросил Камакан.

— Она вошла в головы старейшин, словно корень в лоно земли, — заметил тут Маже.

— Хорошо сказано, — подтвердили все присутствующие.

Убиражара покинул совет старейшин; за ним, не торопясь, разошлись и старейшины.

IV

ГОСТЕПРИИМСТВО

У входа в долину расположилась большая токантинская таба.

Настал час, когда тени окружают стволы деревьев, а солнце подходит к середине своего пути.

Лес молчит, и все живущее прячется от жгучего зноя.

Убиражара покидает темную чащу и направляется в большую токантинскую табу.

Когда он подошел на расстояние выстрела из лука, тетиву которого натянул самый могучий воин, он затрубил в трубу.

Воин, стоявший на страже, ответил ему, и арагуайский вождь сломал стрелу и поднял правую руку в знак того, что он пришел с мирными намерениями.

После этого он двинулся по направлению к табе; у входа в ограду, окружавшую токантинское поле, он бросил обломки стрелы на землю.

Воины, услыхавшие звук трубы, пропустили чужеземца, не расспрашивая его, откуда он и что несет с собой.

Таков был обычай, унаследованный от предков: гость становился хозяином в табе, куда привел его Тупа.

Убиражара прошел среди воинов и направился к самой высокой хижине, стоявшей в центре площади.

Фигура тукана, сделанная из раскрашенной глины и укрепленная над дверью, говорила о том, что это хижина великого вождя.

Но Убиражара уже знал это, ибо прежде, чем пройти в табу, он забрался на верхушку самого высокого кедра в лесу, чтобы увидеть, где живет Араси, Утренняя Заря.

Сейчас хижина была пуста, но слышен был говор женщин, работавших во дворе.

Убиражара переступил через порог и, возвысив голос, сказал:

— Чужеземец пришел.

Подошли женщины и отвели Убиражару

туда, где находился великий токаитинский вождь.

Итаке проводил часы палящего зноя под ветвистым густолиственным тутовым деревом, в тени которого могла укрыться сотня воинов.

Отдыхая от сражений, свирепый воин не брезговал мирными занятиями, в которых был столь же искусен, как и в бою.

Так чтил он тяжелые труды в табе, подавая пример в работе семье, которой он был отцом, и племени, которого он был вождем.

В это время женщины, став двумя рядами и подняв руки, сплетали хлопковые волокна, пропуская их сквозь растопыренные пальцы, как сквозь гребень. Итаке орудовал челноком так же проворно, как в битве наносил удары копьем. Легкая его рука ткала ткань для гамака, в которую он вплетал золотистые перья горного петуха.

Когда подошел Убиражара, великий токаитинский вождь, обметав ткань, отдал челнок воину Пижаре, работавшему рядом с ним, и пошел навстречу гостю.

— Чужеземец пришел в хижину Итаке, великого вождя токаитинского племени,— сказал Убиражара.

— Добро пожаловать в хижину Итаке, великого вождя токаитинского племени, чужеземец!

Тут он повернулся к Жакамни, матери его детей:

— Жакамни, приготовь трубку великого вождя: он и чужеземец выкурят трубку мира.

Вестники уже побежали по табе, оповещая воинов о приходе чужеземца в хижину Итаке.

Моакары — военачальники, надевшие праздничные наряды, торжественно направились на главную площадь, чтобы почтить гостя великого вождя токантинского племени.

Когда они пришли туда, каждый из них сказал ему: «Добро пожаловать!» — и предложил свое гостеприимство.

* * *

После того как Итаке предложил Убиражаре выкурить трубку мира и они сделали по затяжке, певцы запели приветственную песнь пришельцу:

«Гость — посланец Тупа. Он приносит в хижину радость; когда же он уходит, он уносит с собой славу воина, которую он имел счастье стяжать.

В табах, по которым он пройдет, и на земле отцов своих он рассказывает старикам о геройских подвигах, которые он видел на своем пути, и о том, от кого получил он мирное объятие, а старики потом дадут урок молодым.

Гость — посланец Тупа. Он несет с собой мудрость; в хижине воина, который имеет счастье принять его, все слушают его почтительно.

Из его благоразумных речей старейшины табы узнают об обычаях других народов, о доселе неведомых им героических войнах и о мирных занятиях, которые чужеземец видел во время своих странствий, а старейшины потом дадут урок молодым.

Гость — посланец Тупа. Первым, кто появил-

ся в табе предков токантинского племени, был Суме́, который пришел оттуда, где начинается земля, и отправился туда, где земля кончается.

У него научились племена сажать маниоку, чтобы изготавливать из нее муку, и добывать из кажу[1] и ананаса благородный напиток кауин, который веселит сердце воина.

По каким бы краям ни пролегал путь мудреца, всюду учит он людей мирным занятиям, а герой — воинскому делу, но оба делают гостеприимной хижине честь, ибо хижина эта предоставила свой кров великому мужу.

Гость — посланец Тупа. Он идет его дорогой, неся с собой изобилие и благоденствие: после пиршества в его честь деревья сгибаются под тяжестью плодов, а леса изобилуют дичью.

Да разметет ветер, да попалит небесный огонь хижину, что закроет двери перед гостем. Да иссохнет воин, который не обрадуется приходу гостя, а вместе с ним и жена и дети; да иссохнут женщины и земли, которые он оплодотворил.

Добро пожаловать в хижину Итаке, чужеземец, добро пожаловать в хижину великого вождя токантинского племени, которому ты оказал честь своим приходом.

Воины ликуют, что их вождю оказана такая честь, а певцы приветствуют тебя, посланец Тупа».

Пока в хижине звучала приветственная песнь, Жакамин, жена Итаке, позвала наложниц мужа — его рабынь, чтобы они помогли ей при-

[1] К а ж у — плод дерева кажуэйро.

готовить пиршество, коего требовали законы гостеприимства.

Усердные рабыни расстелили в тени тутового дерева белоснежные циновки, сплетенные из ветвей пальм разных пород, и расставили на них соломенные корзины с маниоковой мукой.

Принесли они также и неглубокие блюда, на которых громоздилась вяленая рыба, завернутая в банановые листья, и куски мяса, приготовленные по способу, именуемому «биарибн»: мясо, завернутое в листья, зарывают в землю, на этом месте разводят огонь, который проникает в яму, и мясо зажаривается; мясо это еще дымилось на тарелках, изготовленных из панциря черепахи.

После этого женщины развесили на склонившихся к земле сучьях дерева самую крупную дичь — туши оленей и тапиров, а также большие кувшины с кауином,— развесили на такой высоте, чтобы до них могла дотянуться рука воина.

Под фруктами разных родов — под золотистыми гроздьями бананов, под красными кистями плодов пальмы асаи, под душистыми ананасами, под грудами пунцовых ягод прогибался настил из жердей, поставленный посреди двора.

* * *

Жакамин усадила гостя в тени тутового дерева — там его ждало пиршество в честь его прихода.

Рядом с Убиражарой сел Итаке, остальные места заняли военачальники, пришедшие на

празднество, коего требовали законы гостеприимства.

Воины ели в молчании. Женщины усердно прислуживали им, наполняли вином, изготовленным из кажу и ананаса, большие кумбуки — тыквенные сосуды, выкрашенные пастой из кошенили, собранной с дикорастущего нопала: из нее вырабатывается самый яркий кармин.

Когда же гость, утолив свой голод, вымыл лицо и руки, Жакамин приказала рабыням, чтобы они убрали остатки еды, и удалилась вместе с ними.

Ушли также и молодые воины, еще не получившие права голоса на совете. Остались сидеть с гостем лишь Итаке да моакары — военачальники.

Трубка великого вождя переходила из рук в руки, и каждый из старейшин затягивался дымом от травы Тупа, который внушает совету мудрые мысли.

Тут заговорил вождь:

— Итаке желает дать своему гостю имя, которое придется ему по вкусу; Итаке нуждается в помощи мудрых старейшин.

Закон гостеприимства не дозволяет ни спрашивать у чужеземца, у пришельца его имени, ни разузнавать, из какого он племени.

Быть может, это враг, но гость должен найти в хижине, которую он изберет, только мир и дружеское расположение.

Вождь, на долю которого выпало счастье принять у себя путника, выбирает имя, которое тот должен носить до тех пор, пока не покинет крова гостеприимной хижины.

Первым заговорил Ипе́ — Могучее Дерево:

— Ты назовешь гостя именем дерева Жутаи, нбо голова его возвышается над уборамн из перьев самых могучих вониов подобно тому, как вершиниа громадной сосиы выснтся над лесиою чащей.

Сказал свое слово н Тапир:

— Назови гостя имеием змен Бойтата́, нбо у него огненные глаза огромной змен, которая летнт, как молння Тупа.

Все военачальиики давалн советы поочередно, и, так как сначала прозвучалн голоса самых молодых, а под конец раздалнсь голоса старейшнх, то последние речн былн менее воинственными, н в них слышалась мудрость, прнходящая с годамн.

И вот Карауба — Несгнбаемый, который заговорил предпоследним, сказал:

— Итаке! Гость — вестиик мнра. Ты должеи назвать его Жуторнб, ибо он прннес в твою хнжину радость.

Гуарнбу — Дикая Трава, чьи лета образовывалн на ннтн его жизии больше узлов, чем насчнтывает самая старая лнаиа в лесу, заговорил последним:

— Путнпк — хозяин на земле, по которой он ступает как гость н как друг, имя же — это честь прославлеииого мужа, ибо оно говорнт о его мудростн. Спросн у чужеземца, как хочет он называться в токантииской табе.

— Хорошо сказано!

Согласившись с мнеиием старейшины, Итаке спросил Убиражару, какое имя он себе выберет; тот ответствовал:

— Я тот, кого привел сюда свет небес. Зовн меня Журандиром.

В это мгновенне Арасн, Утренняя Заря, показалась среди пальм н направилась к хнжнне.

Самые доблестные молодые токантннские воины сопровождали прекрасную охотницу. То были рабы любвн, оспарнвавшне друг у друга красоту девушкн.

Певцы снова воспелн гостя н то нмя, которое он выбрал:

— Ты — тот, кого прнвел к нам свет небес. Мы будем звать тебя Журандиром, дабы ты радовался, слыша звук нменн, которое ты себе выбрал.

«Ты — тот, кого привел к нам свет небес. Мы будем звать тебя Журандиром, и нмя, которое ты выбрал, будет радовать слух воинов».

* * *

Араси нздалн увидела чужеземца, сндевшего в кругу старейшнн,— так густолнственное черное дерево растет среди старых мастиковых деревьев.

Девушка сразу узнала арагуайского охотника н догадалась, что он прншел в хнжину Итаке, дабы оспаривать ее красоту у токантинскнх воннов.

Сердце Арасн наполнилось счастьем. Ее черные волосы затрепеталн от радостн, словно перья птнцы, зачуявшей, что блнзнтся благодатное лето.

Чужеземец не хотел, чтобы его узналн, нбо он снял убор нз перьев арары, которые служнли

украшением воинов его племени. Но образ молодого охотника остался в памятн девушкн,— так после разлнва рек на земле остается зеленая трава.

Закон гостепрнимства запрещал девушке раскрыть тайну чужеземца, известную ей одной. Но сейчас она промолчала, повннуясь не обычаю племенн, а веленню сердца.

Когда Араси вошла во двор, старейшины готовились выслушать повесть, которую расскажет нм гость. Вонны и женщины слушалн его в молчании.

Чужеземец начал так:

«Журандир молод; годы, им прожитые, можно сосчнтать по пальцам; он прожнл на свете слншком мало для того, чтобы знать то, что позналн на войне н в лесу старейшины велнкого токантинского племенн.

Молод н тапнр, который летит как стрела, ломая на своем путн кусты н деревья. Стара мудрая черепаха жабути, которая никогда не спешит.

Тапнр мчится, не разбнрая дорогн, и сбнвается с пути. Жабутн замечает все н всегда прнходнт первой.

Журандир — юноша, но ему ведомы большие леса, и он переплыл больше рек, чем насчитывается жил в его теле,— жил, в которых течет благородная кровь его отца.

Первой водой, в которой омыла его Жасанан — его мать, когда он вышел из ее чрева, была вода большого озера, где Тупа хранит воды потопа с тех пор, как спас от него землю.

Журандир еще не был охотником, когда нскупался в бескрайнем водном просторе, куда рекн

выливают свои потоки и где спящие воды превращаются в соль.

Дважды Журандир прошел вдоль реки — вдоль отца рек — от огромной горы, где он берет свое начало, и до бескрайней равнины, которую он наполняет своими водами.

Он видел, как Великая река сражается с морем, когда наступает время пороро́ки[1]. Перед этой схваткой два вождя трубят в трубы, созывая своих воинов.

С одной стороны наступают морские волны — голубые воины в уборах из перьев попугая араруны; с другой стороны наступают речные волны — это красные воины в уборе из перьев куропатки иамбу.

Начинается битва. Воины ревут, словно потоки водопада, бьющего по скале, и земля содрогается от грохота волн.

Но Великая река сдавливает море на поясе. Она отрывает врага от земли, взваливает его на плечи и трубит победу.

И долго еще птицы, живущие на деревьях, видят, как бегут морские воды — это голубые воины, которые в страхе спасаются бегством и прячутся под сенью лесов.

Журандир видел еще край, где обитают свободные женщины-воительницы, которые живут под водами Великой реки.

Им одним известна тайна зеленых камней, которые превращают воинов в пленников любви, хотя и не лишают их свободы.

---

[1] Пороро́ка — огромная волна, которая поднимается от устья реки вверх по ее течению.

Поэтому каждый месяц множество воинов приходит в их табы, и для самых доблестных они хранят цветок своей красоты.

Когда настает время созреть плоду любви, они оставляют у себя лишь дочерей, а воинам отдают сыновей, которые становятся великими вождями.

Счастлив тот воин, который находит плодородную, тучную ниву, где вырастет цветок его любви. Сын его будет более велик, нежели он, а внук — более велик, нежели сын.

Его потомство с каждым новым побегом будет все разрастаться и разрастаться и образует целый лес воинов, в котором кедр, выросший последним,— самый раскидистый и самый могучий, оттого что впитал жизненные соки своих предков,— возвышается над всеми деревьями».

* * *

Когда Журандир произнес последние слова, глаза его, давно уже искавшие Араси, остановились на ней.

Токантинка поняла, что чужеземец обращается к ней, и не стала скрывать своей радости, как не скрывает своей цветок мимоза, которую целует река.

Прекрасная охотница запела. Голос у нее был чистый и звонкий, как трели певчей птички сабиа́, когда она греется на солнце.

«Счастлива земля, которая приемлет семя ветвистого и могучего кедра,— ее оденут тень и прохлада. Воинам будет отрадно собираться в этом месте, чтобы поговорить о войне и о мире.

Она подобна девушке, которую знаменитый вождь выбрал себе в супруги и которая станет плодовитой лозою. Племена будут чтить ее как мать доблестных воинов; старейшины будут прислушиваться к ее советам в мирное время и во время войны.

Свободные женщины-воительницы подобны пальме мурити, которая роняет плод прежде, нежели он созреет, и бросает его в воды реки.

Супруга вождя не расстается с сыном до тех пор, пока он не перестанет сосать ее грудь. Она подобна плодовому дереву мангабейре: она питает плод своим молоком, лучшей своей кровью.

Не на земле женщин-воительниц должен искать себе супругу чужеземец — он должен искать ее в табе своего племени: Тупа хранит там для доблестного воина самую красивую девушку — ту, с чьих уст каплет сотовый мед».

Гость ответил:

«Журандир знает, где он встретит девушку, которую хочет сделать своею супругой. Свет небес указывает ему путь, и ничто не устоит перед силой его десницы».

Ответив таким образом на песнь Араси, чужеземец продолжал свою повесть, которую все слушали в молчании.

Он рассказал о том, что рос на морском берегу, где живет доблестное племя тупинамба — потомков самой древней ветви рода Тупа.

Шаманы тупинамба рассказывали Журандиру, что под волнами бескрайнего водного простора живет племя свирепых воинов — сыновей огромной морской змеи.

Когда-нибудь эти воины выйдут из вод, что-

бы отнять землю у племен, которые живут на ней,— вот почему тупинамба спустились к морскому побережью: они будут защищать его от врагов.

Морские воины воюют между собою так же, как и воины, живущие на земле. Тогда волны вздымаются выше гор и грохот их подобен грому.

Журандир рассказал еще, что на морском берегу есть желтая, очень душистая смола, которая скапливается в желудке у огромной змеи.

Тупинамба делают из нее бусины для своих ожерелий. Журандир показал браслет, стягивавший его щиколотку,— то был подарок воина этого племени.

Эти бусины делали воина быстроногим и защищали путника от леших, которые заводят его в непроходимую чащобу.

Журандир поведал и о многих других вещах, а старейшины восторгались, видя благоразумие и мудрость жреца в молодой голове этого столь могучего воина.

Самые старые военачальники вообразили, что этот гость — сын мудреца Суме и что отец послал его обойти те земли, которые он видел в молодости.

Однако они помалкивали: им хотелось подать эту мысль старейшинам, когда соберется совет племени.

* * *

Солнце уже спускалось к горам, когда в хижине Итаке кончилось празднество в честь гостя.

Воеиачальиикн ушли. Итаке вериулся к своим делам, предоставив гостю полиую свободу делать то, что ему заблагорассудится.

Пришли молодые рыболовы табы с удочками и корзинами — оии хотели спросить, какую рыбу предпочитает гость.

Вслед за ними появились молодые охотники, которые, прежде чем пойти в лес, пришли осведомиться о том, что желательно гостю.

Накоиец приблизились жеищины, которые уже сняли пояс девственности, хотя и ие были ни супругами, ии возлюбленными воинов.

То были свободные жеищины, которые дарилн свою любовь н отиимали ее, когда им вздумается, но оии ие получали защиты от воиион и ие становились матерями их потомства.

Матерью детей воина является только его супруга, которую он выбрал в подруги жизии и родоиачальницы его племени.

Закон гостеприимства у детей лесов повелевает, чтобы чужеземному другу было даио все, чем иаслаждается воии.

Поэтому молодые жеищииы пришли сюда, чтобы предложить Журандиру свою красоту, дабы он мог выбрать среди них подругу, которая разделит с иим ложе в гостеприимиой хижиие.

Каждая из иих надела на себя лучшие свои украшения, чтобы пленить взор Журандира: ведь ие было для иих большей чести, иежели честь заслужить любовь чужеземца.

Одии носили косы, в которые были вплетены яркие перья их любимых птиц; другие надушили эфирным маслом, получаемым из сассаф-

раса — лаврового дерева, свои распущенные волосы, благоухание которых разносили порывы ветра.

Приблизившись к чужеземцу, они начали пляску любви, чтобы показать ему, сколь прекрасно их тело. Те, у кого был хороший голос, пели Журандиру хвалы.

Араси пришла за своей корзинкой, сплетенной из красной соломы, и села во дворе у дверей хижины. Ее ловкие пальцы низали семена ползучего растения жекерити, из которых она делала бусы для своей стройной шеи.

Изготовляя ожерелье, девушка заметила, что глаза Журандира оторвались от прелестных женщин и ищут ее лицо.

Но она отвернулась к лесу; губы ее издавали трель, которой она подзывала кражуа́ — птицу, порхавшую в верхушке пальмы. Обманутая птичка подлетела поближе, желая послушать песню своего друга.

Журандир отошел от женщин и сказал:

— Токантинские молодые женщины прекрасны; любая из них могла бы усладить ночь чужеземца. Но Журандир пришел в хижину Итаке не для того, чтобы насладиться любовью один раз; он пришел, чтобы найти супругу, которая будет сопровождать его до могилы, женщину, которая станет матерью его детей.

Услышав эти слова, Араси расцвела; так от утренней росы расцветают белые, душистые цветы гуажеру.

Тогда Журандир обратился к девушке-охотнице:

— Араси, Утренняя Заря, отведи меня к

Итаке. Настало время, чтобы он узнал тайиу чужеземца.

— Две ночи подряд сиы говорили Арасн, что молодой охотник прндет в хнжниу Итаке, н Араси ждала тебя. Когда мои глаза увиделн, что ты сидишь среди военачальников, оии тотчас увидели, что ты прншел за супругой.

Чужеземец ответнл:

— Журандир пришел в свою табу н получнл воинское нмя н большой лук своего племени. Но хнжиуа вождя остается пустою, а его гамак не хранит спокойиый сон воина. Журанднр услышал твой голос, токантннская девушка,— голос, который звал его, н встал со своего ложа; твой голос, дочь Солнца, указывал ему путь и привел его к тебе.

V

РАБ ЛЮБВИ

Журандир в сопровождеинн девушкн подошел к Итаке н сказал:

— Великнй токантииский вождь! Журандир пришел в твою хижину ие затем, чтобы воспользоваться твоим гостепринмством,— ои пришел, чтобы послужить отцу Арасн, прекрасной девушки, которую он выбрал себе в супруги. Позволь ему заслужить ее упориым трудом и оспарнвать ее в бою силою своей десиицы.

Итаке отвечал ему:

— Араси — дочь моей старостн. А старость — это возраст мудрости н благоразумня. Вонн, который завоюет себе такую супругу, как Араси, обретет честь соедииить свою доблесть с

добродетелью. Итаке не может пожелать своему гостю высшего счастья.

С этой минуты Журандир перестал быть чужеземцем для токантинского племени. Он принадлежал теперь хижине Итаке и, как раб любви, должен был работать на отца своей нареченной.

Воинам, плененным красотой Араси, стало известно, что им предстоит сражаться со страшным противником, но любовь их лишь возрастала от боязни утратить дочь Итаке.

Журандир взял свое оружие и спустился к реке. Это был час, когда жакаре — крокодил — лежит на поверхности вод, подобно сухому стволу, а птица жасанан покачивается в чашечке водяной лилии.

Манати — морская корова — высунула из воды свой хобот, чтобы пощипать траву, растущую на берегу реки. Услышав шум листвы, она погрузилась в поток, но уже с острогой рыболова, пронзившей ей спину.

Журандир не стал дожидаться, чтобы раненое животное размотало всю веревку. Он вытащил его на землю и еще живым отнес в хижину Итаке, где трое воинов с большим трудом уложили его на настил из жердей.

Женщины отрезали несколько кусков мяса, и воины стали рыть землю, чтобы изжарить его по способу, именуемому «биарибн».

Журандир снова ушел; теперь он отправился в лес. Вдали раздавались крики охотников, преследовавших зверя.

По его свисту воин понял, что это тапир. Животное насмехалось над охотниками и, ломая кустарник, мчалось, как речной поток Шингу.

Деревья, которые попадались ему на дороге, с треском валились наземь.

Журандир протянул руку. Старый тапир, схваченный за ногу, повис на бегу, словно птичка, попавшая в силки.

До сего времени никто не видел силы, превосходящей силу этого тапира.

Однажды он спустился к маленькому озерцу — ему хотелось пить. Удав сукури, который подстерегал свою добычу, укусил его в хобот. Он бросился бежать, растягивая кольца удава, а удав, сворачиваясь, тянул его к берегу.

Так повторялось раз, другой, третий. Но тут зарычал голодный ягуар. Старый тапир помчался по лесу, а сукури, хвост которого зацепился за корень дерева, был разорван пополам.

Старый тапир разорвал змею, как разрывают веревку, сплетенную из пальмовых волокон, но он не смог вырваться из руки Журандира, которая была крепче ствола гуарибу.

Чужеземец вернулся в хижину с добычей. Ни один из воинов табы, даже сам старик Итаке, не смог бы удержать двумя руками дикого зверя.

Тут Журандир заставил животное упасть к ногам Араси и сказал:

— Рука Журандира так же заставит пасть к твоим ногам воина, который осмелится оспаривать у его любви твою красоту, Утренняя Заря.

* * *

Никогда доселе в хижине токантинского вождя, которая всегда была всем богата, не царило такое изобилие, как теперь, когда в хижину пришел чужеземец.

Жураидир был лучшим охотником в лесах и первым рыболовом на реках. Его острый взор проникал сквозь гущу зарослей и в глубину вод.

Ничто не ускользало от его ловких рук. Куда не достигала его рука, достигали зубья его метких стрел, которые разрывали грудь жертвы, как когти ягуара.

Чужеземец знал от Араси, какую дичь больше всего любит Итаке и какая рыба кажется ему самой вкусной. И с этих пор старый вождь никогда не знал недостатка в излюбленных им кушаньях.

В какие-то месяцы здесь не ловилась любимая рыба Итаке, но Жураидир знал места, где он мог поставить снасть. И не было дня, чтобы он вернулся в хижину без насущного пропитания.

После охоты и рыбной ловли Жураидир трудился на земле Итаке. Он делал на огороде большие ямы, чтобы Жакамин сажала в них черенки маниока и засевала их фасолью, кукурузой и табаком.

У детей лесов засевать землю должна рука женщины — матери многочисленного потомства, ибо она передает земле свою плодовитость.

Из семени, брошенного в лоно земли рукою девушки, вырастает цветок, но цветок этот не дает плода. Если же сладкий маниок сажает рука воина, он становится твердым, как дерево, из которого гнут луки.

На заливных лугах Журандир косил траву и другие растения, оставляя только рис, сладкий картофель — бататы — и бананы.

Когда чужеземец уходил утром, Араси издали следовала за ним по лесу. Ее страсть к Журандиру влекла ее к нему.

Обычай табы не дозволял, чтобы девушка, из-за которой соперничают рабы любви к ней, сделала своим избранником какого-нибудь воина прежде, нежели узнает, что он получит ее в супруги.

Дочь Итаке не желала принадлежать другому воину. Но она помнила, что девушка, желающая заслужить супруга, должна проявить терпение; точно так же заслуживает супругу тот воин, который проявил постоянство и силу.

Поэтому Араси возвращалась домой и садилась ткать бахрому для своего свадебного гамака, а воины племени следили, тверда ли ее воля.

Ее ловкие руки сплетали белоснежные волокна растения крауаты с легким ярко-красным пухом. Новобрачные обычно хотят, чтобы это был пух с груди тукана, но она взяла пух с груди арары, ибо знала, что его цвета — это цвета ее воина.

Когда солнце достигало горных вершин, слышалось пение Журандира, который возвращался с добычей. Девушка, сопровождаемая воинами, шла навстречу чужестранцу.

Тут они спускались к реке. Это было время купания. Араси, которая была красивее розовой цапли, рассекала волны, а воины плыли следом за ней, как стая хищников.

Но ни один из них, даже сам Журандир, который плавал как рыба, не мог настичь пре-

красную девушку. Она казалась цветком муруре, который оторвался от стебля и плывет, увлекаемый течением.

Однажды дочь вод вскрикнула и исчезла в волнах. Жакамин испугалась, что крокодил утащил дочь ее чрева. Воины стали нырять, чтобы спасти Араси, но не нашли ее.

Все уже решили, что она погибла, как вдруг появился Журандир; он нес на руках тело прекрасной девушки. Очутившись на земле, она побежала в хижину, в которой скрыла свою радость.

С этих пор именно во время купанья Араси оказывалась в объятиях Журандира, но так, что другие воины и не подозревали о том, какую награду получает чужестранец.

На лоне вод никто не догадывался об этом: никто не обладал тонким слухом Журандира, которого она подзывала нежным рокотом птички ирере́.

Они находились в объятиях друг у друга на дне реки, покуда хватало дыхания. Потом отрывались и всплывали на поверхность далеко друг от друга.

* * *

Однажды вечером, возвращаясь с добычей, Журандир увидел в лесу за деревьями знакомое ему лицо.

Добравшись до хижины, он отдал Жакамин убитого им оленя. Он не заметил ничего подозрительного; лицо, которое взволновало его, здесь не появилось.

На другой день, когда разгорелась заря,

тотчас после купанья воины ушли на охоту и на рыбную ловлю. В хижине остались только Жакамин и наложницы Итаке.

Араси взяла лук и отправилась в лес. Образ любимого воина мелькнул в это мгновение перед ее глазами, и глаза ее искали в траве следы его ног, но не находили их.

Девушка вспомнила, что Журандир любит мякоть плодов гуараны, подслащенную пчелиным медом; она стала срывать ярко-красные плоды, висевшие на ветках дерева.

В эту минуту на верхушке пальмы запел арара. Араси нужны были его красные перья для головного убора, который она втайне изготовляла.

Это был убор любви, которым она хотела украсить голову своего воина и повелителя в тот день, когда он завоюет ее себе в супруги.

Девушка натянула тетиву и, продираясь сквозь кустарник, пошла за арарой. Она уже хотела пустить стрелу, как вдруг рядом с нею послышался какой-то странный шум.

В двух шагах от нее стоял Журандир, схватив за руку женщину, которая еще держала остро отточенную палку.

По хлопковой повязке, сплетенной с перьями и опоясывавшей округлую ногу девушки, Араси узнала девушку из арагуайского племени и догадалась, что это — Жандира, невеста воина.

— Дочь Маже, твоя рука хотела убить девушку, которую Журандир избрал себе в супруги. Ты умрешь.

— В то мгиовеиье, когда Журандир покинул Жандиру, оиа иачала умирать, подобио листку, сорваииому ветром с дерева. Убей же ее скорее, и пусть душа ее сопровождает тебя дием в сумраке лесов и говорит с тобой по ночам голосом сновидеиий.

— Арагуайская девушка угрожала жизии Араси, и оиа прииадлежит ей,— сказала тут дочь Итаке.

Жураидир срезал в лесу длииную ветку имбе и связал ею руки Жаидиры.

— Жаидира — твоя рабыня. Не отпускай ее на свободу. Оиа коварна и ядовита, как змея.

— Я была водяиой змеей, подругой воина, которая живет в его хижине и стережет его от врага. Кто сделал меня ядовитой гремучей змеей, в глазах которой застыла улыбка смерти?

Жураидир иичего ие ответил. В это мгиовеиье ои затосковал по своей хижине и вспомиил то время, когда он, молодой охотиик, шел по лесу за прекрасиой арагуайской девушкой.

* * *

Девушки остались одии на лесиой прогалиие.

Звук шагов Журандира уже смолк вдали, но обе оии все еще были ие в силах оторвать глаз друг от друга.

Жандира подумала, что оиа ие могла бы одарить Убиражару такой красотой, какой отличалась дочь Итаке. Араси боялась, что любовь воииа вновь вериется к пригожей арагуайской девушке.

Дочь Маже приготовилась умереть от руки

своей соперницы; она предпочитала смерть той пытке, которую она претерпевала, видя, как красива Араси.

Араси, Утренняя Заря, запела:

«Любовь воина — счастье девушки; если любовь уходит, девушка печальна, как долина, в которой засохла трава.

Потому печальна и Жандира; любовь воина ушла от нее, и она осталась одна, подобно куропатке намбу, которую покинул ее друг.

Но любовь воина подобна ночному дождю. Когда солнце выжигает долину, дождь орошает ее с небес и покрывает ее зеленью и цветами.

Араси счастлива, потому что любовь воина пришла к ней, и Жураидир сделает ее спутницей на своем славном пути и матерью своих детей.

Когда же супруга Жураидира лишится своей красоты и не сможет больше дарить ею своего воина, она согласится, чтобы Жандира спала в его гамаке.

И ночной дождь оросит ее с небес и покроет ее зеленью и цветами. И Жандира вновь обретет свою улыбку, сладостную, как мед».

Вот что пропела Араси, Утренняя Заря, а арагуайская девушка ответила ей так:

«Засохшее дерево не страдает, когда его пожирает огонь. Жандира предпочитает смерть позору быть твоей рабыней и печали каждый миг видеть красоту чужестранки, которая украла у нее любовь.

Араси, Утренняя Заря, красивее, чем Жандира, но Араси не любит воина, который избрал ее матерью своих детей.

Ннкогда не предложнла бы Жандира свое брачное ложе другой женщнне, н та, что обрела бы любовь ее вонна, погнбла бы от ее руки.

Она любнла бы своего супруга так, что никогда не утратнла бы своей пригожести, н она сумела бы умереть, еслн бы лишилась своей красоты и не могла бы дарить ею супруга.

Арагуайское племя никогда не переносит свою табу с долины, в которой оно расположнлось, до тех пор, пока земля не перестает прнносить плодов.

Так же поступает и вонн. Он не отннмает свою любовь у супруги, с которой жнвет, до тех пор, пока она будет радовать его душу».

Снова настал черед токантинкн:

«Кажазейра, которая уже принесла плод, роняет лнстья; вонн, который хочет отдохнуть, нщет тень под другнм деревом.

Но прнходнт месяц вод, н кажазейра снова покрывается лнстьямн, н тень ее отрадна для воина.

Супруга подобна кажазейре. Когда вонн не находит сладости в ее объятнях, она грустит от того, что он ищет другую тень, и надеется, что у нее будет новый цветок, который вновь привлечет вонна на ее грудь.

Арасн любит своего воина так же, как Жакамнн любнт Итаке. Хижина велнкого токантинского вождя полна рабынь, но любовь его никогда не покидала его супругу.

Рабыни прннеслн Итаке много детей, но лншь Жакамнн была той, которая дала велнкому вождю детей его старостн, ибо любовь воина не умирает ннкогда.

Он подобен колосу, который никогда не покидает земли, где он родился; его могут вырвать, но он вечно пускает свои ростки.

Араси хочет развеять твою печаль и выпить твою сладостную, как мед, улыбку, чтобы губы ее показались супругу еще более сладкими, когда он отведает их вкуса.

Ты будешь сестрою Араси и принесешь ей сына Журандира, сына столь доблестного, какого лишь любовь могла зачать в чреве супруги».

Жандира отвела глаза от токантинки, чтобы скрыть от нее свой гнев.

«Слова твои причиняют боль, как колючки кокосовой пальмы, чьи орехи слаще меда.

Стрелы, пущенные из твоего лука, не столь смертоносны, сколь смертоносны твои улыбки, которые любовь воина разливает по твоему лицу, Утренняя Заря.

Убиражара покинул меня ради тебя, но не ты, а Жандира была первой, которую он избрал в супруги, когда был еще юным охотником.

Он позовет меня в счастливые края, куда уходят воины после смерти, и гуанумби придет за моей душой в сердце цветка манаки и возьмет ее туда, где живет ее любовь.

Убей же меня или дай мне умереть, чтобы я больше не видела твоей красы и не слышала твоей радостной песни».

Араси подошла к Жандире и развязала ей руки.

«Любовь воина принадлежит не той женщине, которую глаза его увидели впервые, но той, которую он избрал.

Получай свой лук, и пусть умрет та из нас,

которая ие сумеет отстоять свою любовь и заслужить супруга».

С этими словами Араси вытащила из колчаиа стрелу. Жаидира по-прежиему стояла иеподвижно, скрестив руки, словно оии все еще были связаны.

«Воля Убиражары связала руки Жаидиры, и оиа отвергает свободу, дароваиную тобой. Араси может быть избраиа им, но она ие будет более великодушиа, иежели дочь Маже».

VI

БИТВА ЗА НЕВЕСТУ

Настал день, когда женихи Араси должны были оспаривать друг у друга право иа обладаиие прекрасиой девушкой.

То был час, когда солице переходит гребеиь гор и протягивает иад долиной бахрому своих лучей.

Великое токаитииское племя окружает широкую равниiу. В цеитре находятся старейшины, из которых состоит великий совет племени.

Напротив появляется Араси, Утрениям Заря, которая должиа стать наградой за постоянство и силу самому ловкому воину.

Жакамин сопровождает дочь; в эти мииуты оиа молодеет при воспоминаиии о том дне, когда Итаке завоевал ее, одержав победу иад сильиейшими токаитинскими юиошами.

По обеим сторонам, по старшииству, располагаются воеиачальиики. Каждого из иих окружают жеиы, рабыии и дочери, которые пришли сюда, чтобы посмотреть иа сражеиие.

Это единственное воинское праздиество, иа котором закои Тупа дозволяет присутствовать жеищинам, ибо оно устраивается в их честь.

Созерцая героические подвиги, совершаемые иаиблагороднейшими воииами, желающими завоевать красоту какой-либо девушки, другие девушки учатся цеиить целомудрие, а жеищииы-супруги радуются, что сохраиили вериость своей первой любви.

Итаке, великий токаитииский вождь, руководит сражеиием, гордясь доблестиым племеием, которое ои возглавляет, и прекрасной девушкой, которой ои доводится отцом.

Когда глаза его смотрят иа миожество воиыов — рабов любви к Араси, которые готовятся оспаривать супругу в бою,— великий вождь горделиво поднимает голову, подобио старому дереву ипе, увенчаииому цветами.

Женихов можно отличить от других воииов по браслетам из зелеиых бусии — этим браслетом воии стянет запястье супруги после того, как сиимет с нее пояс девствеииости.

Сюда подходит Пиражá — Высокая Пальма; это знаменитый рыболов, повелитель рыб, которому повинуются и дельфииы, и морские коровы.

Рядом с иим стоит Уйрасу — Великий Стрелок, стяжавший это имя доблестиого воиналучника благодаря своей стремительиости в бою.

Затем идет Арарибойя — Великий Змей Озер, Кауатá — Лесиой Бегуи, Кори — Величавая Сосиа и еще многое миожество юиошей и уже прославлеиных воииов.

Но среди них всех выделяется Жураидир. Голова его возвышается иад головами других

воинов подобно тому, как солнце восходит над гребнем горной цепи.

Музыканты начали выбивать барабанную дробь, возвещая о том, что празднество начинается, и рабы любви выстроились в линию на середине равнины. Тогда зазвучала свадебная песнь:

«Супруга — счастье и сила воина, она зажигает в его крови огонь, более благородный, нежели тот, что зажигает кауин, она готовит в хижине отдых его телу.

Потому первым желанием юноши после того, как он получит воинское имя, является желание завоевать супругу.

Однако для того, чтобы заслужить прекрасную девушку, дочь великого вождя, не довольно быть доблестным воином; необходимо иметь терпение, чтобы стойко и упорно трудиться.

Араси, Утренняя Заря, дочь Итаке, составит счастье и славу самого сильного и самого доблестного.

Сыновья, которых Араси, в чьих жилах течет кровь великого вождя, зачнет в своем чреве, станут прославленными воинами племен».

* * *

Итаке сделал знак, и сражение началось.

Пиража был первым, кто вышел в поле; потрясая такапе, он воскликнул:

— Араси, Утренняя Заря, ты станешь супругой воина Пиражи, который завоюет тебя мощью своей десницы!

Выступил вперед Уйрасу и сказал:

— Прекрасная девушка любит воина Уйрасу и должна принадлежать ему.

Невеста пропела:

«Араси любит самого сильного и самого доблестного. Она будет принадлежать победителю — тому, кто одолеет силу других воинов, как одолел он свободную волю своей супруги».

Чудесный голос девушки оживил надежду в сердцах бойцов, однако ее бархатные глаза видели только благородное лицо Журандира, избранника ее сердца.

Два воина начали бой; их такапе, вращаясь в воздухе, сталкивались подобно двум великолепным деревьям, столкнувшимся в вихре водопада.

Наконец Пиража, которому грозил удар такапе противника, отступил на шаг с того места, на котором он стоял с самого начала. По закону сражения, он был побежден и должен был покинуть поле боя.

Его место занял Арарибойя, и борьба продолжалась с переменным успехом до тех пор, пока последнего победителя не изгнал с поля боя Кори, который и продолжал стойко выдерживать натиск всех тех, кто вступал с ним в единоборство.

Настал черед Журандира. Горделиво, как и подобает великому вождю арагуайского племени, чужеземец выступил вперед.

Он решил дать Кори, вышедшему победителем из стольких сражений, время, необходимое для отдыха.

Рука Журандира волочила такапе по земле: воин считал ниже своего достоинства поднимать оружие в бесславном бою.

Очутившись лицом к лицу с победителем, Журандир возвысил голос и сказал:

— Дабы заслужить Араси, Утреннюю Зарю, Журандир желал бы победить сотню воинов, но он не хочет одолеть воина, который устал. Ты сжимаешь такапе; возьми другое; привыкнув к победам, оно восстановит в твоей руке силу, которую она утратила. Для Журандира довольно этой руки, чтобы похитить у тебя твою славу.

С этими словами он бросил оружие к ногам противника.

Кори подумал, что соперник атакует его, и нанес ему удар. Но Журандир спокойно подставил руку и, вырвав у воина угрожавшее ему такапе, отшвырнул его в сторону.

Так сосна, вырванная ураганом, отрывается от своих корней еще до того, как ствол ее будет сломан, и падает на землю, на которой ничто не могло поколебать ее.

Журандир остался один на поле боя.

Но все женихи показали себя доблестными воинами; быть может, они выйдут победителями из других состязаний.

* * *

Музыканты забили в барабаны, и молодые охотники вынесли на середину поля изображение невесты.

Это был толстый ствол дерева, на котором правая рука одного из шаманов зубом агути вырезала женскую голову.

Трое охотников сгибались под тяжестью этой ноши; понадобилось десять человек, чтобы

донести ствол от хижины шамана до поля, где его поставили так, чтобы он напоминал сидящую женщину.

Накануне шаман еще раз вытер ствол дерева листьями самбаибы и натер его жиром исполинской ящерицы тейю, чтобы он выскальзывал из рук воина, как ящерица выскальзывает из рук охотника.

После этого молодые воины разложили на поле стволы деревьев, срубленных вместе с ветвями и листьями, и сделали изгородь из жердей между рытвинами на равнине, которая тянулась до самой реки.

Итаке сделал знак, и воины начали новое состязание, более трудное, нежели первое.

Воин должен был на бегу, не останавливаясь, поднять с земли ствол дерева и отбиться от соперников, стремившихся этот ствол отнять.

Эта игра олицетворяла ловкость и силу, которыми должен обладать муж, дабы оспаривать свою супругу и отбивать ее у тех, кто осмелится возжелать ее.

В первом пробеге быстрее всех оказался Журандир. Подобно кондору, который, замедляя полет, уносит в когтях оцепеневшую черепаху, схватил проворный воин изображение супруги и бросился бежать с ним по равнине.

Остальные воины устремились вслед за ним, горя желанием похитить у него добычу. На открытой равнине это были бы тщетные усилия, ибо в быстроте бега никто не мог сравниться с чужеземцем.

Но Журандир встречал на своем пути поваленные деревья, глубокие рытвины и другие

препятствия, устроенные умышленио, с целью замедлить его бег.

Одиако бесстрашиый юиоша не колебался. Ои перепрыгиул через иагромождеиия, перескочнл через частоколы н перелез через груду ветвей, преграждавшую ему путь.

Одии раз воииы подбежалн к Журанднру так близко, что ои почувствовал иа затылке нх горячее дыхаиие. А перед ним вырастала высокая изгородь.

Еслн бы ои попытался перелезть через иее с таким грузом, воиины иемииуемо подоспели бы вовремя, чтобы вырвать у иего добычу.

Тогда ои швыриул в воздух ствол дерева, словио это был такапе молодого охотиика, а сам пустился за иим.

Всегда отражавшнй иатнски соперников, Жураидир пробежал по широкой равинне и поставил изображение супругн в цеитре совета старейшин племеии.

Тут пришел конец состязаиням в беге. Вонн, достигший этого места со своим грузом, выходнл победителем из испытаннй.

Он доказывал, что сможет вырвать супругу из логова врагов и защищать ее от их нападеиий до тех пор, пока ие укроет ее в надежном убежище.

Из всех воииов только Корн н Уйрасу удалось выиграть сражеиие, но ни один из ннх ие выказал такой отваги, как Журандир.

Корн иесколько раз был иастигиут, н его спасало лишь замешательство других. Уйрасу возвратил себе уже ускользавшую от него добычу благодаря тому, что Пиража, который завладел было ею, споткиулся иа бегу и упал.

Трое сильнейших снова вышли на поле, чтобы решить дело между собой. Победа не заставила себя ждать. Журандир вырвал ее подобно тому, как ястреб вырывает добычу, в которую вцепились две змеи.

Загремели барабаны, и под звуки победной песни, которую запели певцы, вожди и воины приветствовали победителя победителей.

* * *

Когда снова воцарилось молчание, Ожиб — верховный жрец токантинов — встал на середине поля.

Рядом с ним встала одна старая женщина — мать воинов — она держала черный глиняный кувшин, широкая часть которого была выкрашена в красный цвет.

Жрец сказал:

«Для того, чтобы заслужить супругу, воину недостаточно быть сильным и отважным.

Необходимо, чтобы он обладал твердостью мужчины и стойко выдерживал страдания.

Необходимо, чтобы он обладал терпением животного, именуемого броненосцем, и спокойно выносил мучительные попреки женщин и наглость служанок.

Воин, не обладающий твердостью и терпением, быстро растрачивает свои силы.

Река, которая разливается по равнине, никогда не увидит свои берега, поросшие густыми лесами.

То же самое происходит и с воином, который не умеет терпеть и изливает душу в жалобах.

Нткогда не станет ои отцом сильиого и славного рода, и ннкогда не увндит он в своей хижнне множества воинов, в жилах которых течет его кровь.

Еслн ты, Жураиднр, хочешь заслужнть дочь Итаке, покажи, что как мужчина ты еще снльнее, чем как прославлениый воин, которым восхищены все».

Великнй жрец подиял днище кувшниа н показал проделаииую в нем дыру, достаточио шнрокую для того, чтобы в нее пролез кулак воина самого могучего телосложеиия.

Журандир просунул руку в сосуд. На всегда серьезном лнце воииа появилась улыбка, светлая, словно луч зарн, а глаза его, более счастливые, иежелн две вольные птнцы, остановилнсь на лнце Арасн.

В «кувшнне твердости духа» помещался целый муравейник, который жрец развел там в прошлом месяце.

Мучимые столь миогодневиым голодом, прожорлнвые муравьи приготовилнсь растерзать первую жертву, которая попадет к иим в лапы.

Укус муравья, который живет на свободе в поле, жжет, словно раскалеииый уголь; когда же нх много и они голодиы, укусы нх жгучи, как огонь.

Все взоры устремнлись к лицу вонна, чтобы ие пропустнть ни малейшего прнзнака страдания.

Но Журандир улыбался, н с губ его слетала песнь любви. Вонн умышленно поиижал голос, чтобы никто не подумал, что ои заглушает стон громким воинствениым клнчем.

Ои пел так:

«Воина закаляет боль подобно тому, как ствол краубы твердеет от огня, и воин изготавливает из него лук и такапе.

У пальмы жусары острые иглы, но Араси, идучи по лесу, срывает сладкий кокосовый орех, хотя пальма колет ей руки.

Муравьиное жало колет сильнее, чем колючка жусары, но для Журандира губы Араси слаще, чем кокосовые орехи, которые растут на пальме.

Когда Журандир был молодым охотником, ему нравилось вытаскивать агути из норы, хотя острые зубы агути вонзались в его тело.

Острые зубы страшнее, чем муравьиное жало, а Журандир знает, что шея Араси мягче, чем золотистая шкурка агути.

Журандир презирает боль. Взор его впивает улыбку девушки, более нежную, чем молоко сапути. Рука его уже чувствует легкое прикосновение волос прекрасной девушки».

Старейшины сделали знак, чтобы испытание твердости прекратилось, но воин продолжал свою песнь любви.

«Тмин кумари горит на устах воина, но вкуснее кумари мясо оленя, поджаренное на решетке.

Кауин обжигает рот воина, но разливает радость в его душе.

Укус муравья горит, как кумари, и обжигает, как кауин, но поцелуи Араси становятся от него еще слаще, а любовь Журандира пенится, как благородное вино.

Араси должна будет смеяться от счастья, когда сын воина будет выходить из ее чрева.

Журандир не может страдать, когда улыбка Арасн наполняет его сердце любовью».

Пришлось разбнть кувшин, чтобы воин смог вытащнть оттуда руку,— до того она распухла.

Великий жрец натер покрасневшую кожу соком одной травы, свойства которой былн ему нзвестны, н опухоль тотчас исчезла.

* * *

Оставалось последнее испытанне под названнем «Испытанне девушки».

Предыдущие состязання нужны были для того, чтобы нспытать мужество, ловкость н мощь вонна, равно как н снлу его любвн.

В этом нспытанни девушка могла выказать свою склонность к победнтелю нлн же нзбежать супруга, который не сумел завоевать ее сердце.

Певцы запели:

«Тупа дал куропатке крылья, чтобы она могла ускользнуть нз когтей стервятника.

Тупа сделал девушку быстроногой, дабы она могла убежать от вонна, еслн не хочет, чтобы он стал ее супругом.

Но куропатка, заслышав пение своего друга, ждет, чтобы он прнлетел н свнл гнездо.

Девушка же, которая бежит от воина, который прншелся ей по сердцу, думает о супружеской хижнне и замедляет бег, чтобы быстрее прнйти к желанной цели».

Араси отошла от матери н вышла на середнну поля.

Великнй жрец поставнл Журандира от Арасн на расстоянне, равное длнне неядовитой змеи

мусураны, которая десять раз оборачивается вокруг пояса воина.

Утренняя Заря забросила за спину длинные черные косы, развевавшиеся на ветру.

Она изогнула нежные руки, одетые в бахрому из перьев наподобие сверкающих крыльев птицы зимородка, и, когда прозвучал сигнал, пустилась бежать.

Журандир бросился вслед за ней. Он знал, как быстры красивые ноги Араси, насмехавшейся над прыжками ягуара.

Даже если воин не сможет нагнать ее, он попытается это сделать; став победителем, он хотел быть обязан любви супруги, а не своей силе.

Он должен был оспаривать Араси не только у всех воинов племени, но и у всех лесных племен, и только с волей самой девушки он спорить не должен был: он хотел, чтобы она сдалась сама, а не была побеждена.

Но честь повелевала, чтобы он, вождь племени, показал, что достоин прекрасной девушки, которая согласилась назвать его своим супругом.

Араси неслась по равнине. Порой она прерывала бег подобно колибри, которая перепархивает с цветка на цветок, порой летела быстрее оперенной стрелы, пущенной из ее лука.

Когда она доказала всем, что Журандир никогда не догонит ее, если она захочет от него убежать, она наклонила голову, чтобы спрятать от людей румянец, покрывший ее лицо.

Журандир раскрыл объятия и принял в них супругу, которая вверяла себя его любви.

Воии подиял прекрасиую девушку на плечи и уиес ее в хижииу любви, которую выстроил иа берегу реки.

* * *

Ветки жасмииа и кравири одели хижииу и украсили ее пол цветами.

Араси пошла за супружеским гамаком, который оиа сплела из перьев тукаиа и арары, а Жураидир прииес домашиие иструмеиты.

Тут чужеземец сел вместе с девушкой во дворе и, прежде чем переступить порог хижииы, поведал Араси, кто таков воии, которого оиа согласилась иазвать своим супругом:

Араси отдаиа великому вождю арагуайского племеии. Ей прииадлежит честь победы иад величайшим воииом лесов. Она будет матерью сыиовей Убиражары; самые красивые девушки, дочери могуществеииых вождей станут ее рабыиями.

Пальма прекрасиа в ту пору, когда оиа вся покрыта цветами и ветер шевелит ее зеленые, шелестящие листья, ио еще прекрасиее оиа в ту пору, когда цветы стаиовятся плодами и оиа украшается красными гроздьями.

Араси тоже станет еще прекраснее, когда ее улыбка прииесет плоды любви, когда ее иежиые груди иаполнятся молоком, и оиа будет иосить иа руках сыиовей Убиражары.

Араси внимала словам воииа, трепеща подобио дикой косуле; оиа увеичала голову супруга убором из красиых перьев, который сплела втайне от всех.

Затем, почувствовав, что взор Убиражары

впивает ее красоту, она иадела аймару, которая была белее, чем перо цапли.

Аймара́ — рубашка, сотканиая из хлопка и перьев колибри, ииспадает с плеч до щиколотки, стянутой браслетом девственности.

Когда Араси проходила среди воинов, любовавшихся ее красою, она не смущалась, ибо ее одевало целомудрие подобио тому, как цветы одевают дерево сапукайя.

Но сейчас, в присутствии воииа, которого оиа любит и для которого она сохраиила свою девственность, ей стыдно, и оиа прячет свою красоту от взоров Убиражары.

— Глаза супруга подобиы солнцу,— сказал воин,— оии жгут цветок тела Араси.

— Араси испугалась, как бы глаза супруга не увидели, что оиа недостойна его любви, и иадела свой иаряд.

«Араси хотела бы стать голубкой и носить иа теле нежиое оперение, которое позволяло бы видеть ее только во всей красе.

Вот почему твоя супруга закрыла иаготу своей аймарой. Глаза Убиражары ие будут больше сжигать цветок ее тела».

Воин же ей иа это ответил так:

— Под поцелуями солнца цветок водяной лилии раскрывается, и окрашивается в красиый цвет, и стаиовится еще прекрасиее, иежели тогда, когда ои был закрытым бутоиом, прячущимся в зелеиых листьях.

Убиражара подиял супругу иа руки и поставил ногу на порог хижииы.

В это мгновеиье послышался шум: то пришли воины и позвали победителя к Итаке.

Совет старейшин племени решил, что победитель, прежде нежели он сделает Араси своей супругой, должен объявить, кто он такой, ибо он был принят как чужеземец и никто в табе его не знает.

VII
ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Итаке ждал чужеземца, сидя в хижине в окружении старейшин племени, собравшихся на совет.

Журандир вошел в хижину, Араси же осталась у дверей, гордясь супругом, который завоевал ее, и тем восхищением, которое он сейчас должен вызвать у воинов ее племени.

Итаке повел такую речь:

«Когда чужеземец пришел в хижину Итаке, никто не спросил его, кто он и откуда родом. Гость — это хозяин.

Но сейчас чужестранец вышел победителем из состязаний любви и завоевал себе супругу в токантинской табе.

Нужно, чтобы он объявил, кто он таков, ибо дочь Итаке, отца токантинского племени, никогда не войдет как супруга в табу, в которой живет тот, кто нанес оскорбление хотя бы одному из наших воинов».

Чужестранец ответил так:

«Главный вождь племени, жрецы, военачальники и воины доблестного токантинского племени, перед вами вождь великого арагуайского племени.

Я — Убиражара, Повелитель Копья, величайший воин после Камакана, кровь которого течет в моих жилах. Если вам желательно знать, почему я принял это имя, выслушайте историю моей жизни воина».

Убиражара поведал о том, как он встретился с Пожуканом, как они сразились и как он победил его, рассказал о торжественном празднестве и о том, как он покинул арагуайскую табу.

Закончил он тем, что, как только снова взойдет солнце, он должен будет уйти, чтобы присутствовать при сражении не на жизнь, а на смерть, как обещал он это своему пленнику.

Никто не прерывал историю его жизни воина. Убиражара услышал лишь стон, но он не знал, что этот стон вырвался из груди Араси.

Итаке тяжело дышал, как река, на которую обрушился вихрь.

— Ты — Убиражара, Повелитель Копья. Я — Итаке, отец Пожукана. Передо мной убийца моего сына, но он — мой гость! Вождь арагуайского племени, ты — молодой воин; спроси у Камакана, который породил тебя, какая скорбь должна терзать отца, который не может отомстить за смерть своего сына!

Великий вождь опустил голову на грудь, как величавый кедр, поваленный ураганом.

Таба Пожукана располагалась дальше, на другом берегу реки. В прошлом месяце он ушел, чтобы проследить, куда направляется враждебное токантинам племя; он уже возвращался как хозяин на тропе войны, когда повстречался с Убиражарой.

Отец Пожукана и воины его табы полагали, что он ищет в лесу тропу войны. Не думали они, что в этот час пленник ждет в арагуайской табе схватки не на жизнь, а на смерть.

Подошла Жакамин, мать Пожукана. Великий вождь услышал ее стон.

— Супруга Итаке не плачет на глазах у убийцы своего сына.

Услыхав голос супруга, мать обрела силу, чтобы скрыть в сердце свою печаль и показать, что она достойна великого токантинского вождя.

Тут заговорил Убиражара:

— Месть — отрада воина, и Тупа даровал ее храбрецам. Убиражара победил Пожукана в честном бою; Убиражара принимает вызов Итаке и всех токантинских вождей.

— Ты мой гость; до тех пор, пока большой лук токантинского племени принадлежит Итаке, в табе его воинов никто не нападет на гостя, посланного Тупа.

С этими словами великий вождь встал и обменялся с чужестранцем прощальной затяжкой.

— Уходи. Солнце, которое увидело чужестранца в хижине, оказавшей ему гостеприимство, будет сопровождать его как друга, но с наступлением темной ночи тысяча воинов, более быстроногих, нежели страус нанду, выйдут из табы, чтобы принести тебе смерть.

Убиражара взял свое оружие и сказал:

— Гость покидает твою хижину, токантинский вождь; когда же он вернется, ты увидишь перед собой врага.

* * *

Итаке проводил чужестранца до дверей; вокруг него собрались жрецы, военачальники и воины — они должны были присутствовать при прощании.

Медленно и важно дошел Убиражара до окраины табы.

Подойдя к ней, он быстро обернулся лицом к хижине и повернул назад, стирая с земли следы своих ног.

Токантинское племя молча следило за ним.

Наконец чужестранец остановился посреди широкой площади табы и метнул свой страшный такапе в огромный щит, который загрохотал на всю табу, подобно обвалу в горах.

«Гость переступил порог хижины, принявшей его под свой кров, и отряс от ног своих прах токантинской табы.

Тот, кто находится здесь,— это вооруженный воин, как хозяин попирающий землю табы своих врагов.

Итаке, главный токантинский вождь! Убиражара, Повелитель Копья, великий арагуайский вождь, шлет тебе объявление войны на острие своей стрелы».

Когда воин кончил свою речь, Итаке поднял глаза и увидел, что фигура тукана — эмблема племени — пробита стрелой Убиражары.

Тысяча луков поднялась в воздух, тысяча такапе забряцала. Могучий голос Итаке усмирил его воинов.

Главный вождь племени сказал:

— Законы гостепрнимства священны. Гнев на чужестранца не должен возмутнть спокойствня духа токантнн.

Сказав это, он повернулся к врагу:

— Убнражара, велнкнй арагуайскнй вождь! Итаке — отец могущественного токантннского племенн — прнннмает вызов, который ты ему бросчл. Пусть твой щнт уноснт залог того, что мы начннаем войну.

Тетнва большого лука токантннского племенн натянулась, н стрела Итаке вонзнлась в щнт Убнражары.

— Прнводн сюда своих воннов, н мы будем бнться на глазах у нашнх племен.

— Убнражара будет бнться до тех пор, пока ты не отдашь ему супругу; он сумел отвоевать ее у своих сопернков, сумеет отвоевать ее н у тебя, н у твоего племенн.

С этнмн словамн арагуайскнй вождь удалнлся. В лесной чаще он встретнл Араси, которая поджидала его.

Прекрасная девушка уже сбегала в свою супружескую хнжнну за свадебным гамаком н прнготовнлась идтн вслед за своим супругом.

— Убнражара уходнт, но прежде чем солнце взойдет пять раз, он будет здесь, чтобы отвоевать тебя у твоего племенн.

— Супруга ндет за тобой. Твоя доблестная десннца уже завоевала ее, н она отдала себя своему повелнтелю. Араси прннадлежнт тебе, н ты должен взять ее с собой.

Токантннка хотела последовать за Убнражарой в арагуайскую табу. В ее душе заговорнла нежность супругн н сестры.

Уходя, она навсегда соедннялась со свонм вонном н надеялась, что ее любовь заставит его спасти Пожукана.

Убнражара подумал н сказал:

— Если бы Убнражара сорвал пояс девствеиности с Арасн, она была бы его супругой н ннкто не вырвал бы ее нз его рук. Но токаитннская девушка не должна покндать хнжнну, в которой она роднлась, без согласия своего отца.

Арасн вздохнула:

— Убнражара оставнт память об Араси иа токантннскнх полях. Жаиднра ждет его в арагуайской табе н бережет для него свою сладостную, как мед, улыбку.

— Арасн, Утренняя Заря! Свет очей твонх уже нашел Убиражару в табе его племенн, где звучалн песнн во славу его, н привел его в твою хижнну. Уходя, он встретнл Жанднру н, чтобы дочь Маже не ходнла за ннм, отдал ее Пожукану в супругн смертн.

— Птнца гоаиа́, что жнвет на озере, улетает далеко-далеко, чтобы искупаться в дождевой воде, которая затопляет равнину, но тотчас возвращается в свое гнездо н больше не вспомннает о зарослях, в которых переночевала.

— Убнражара — вонн: его учитель — не озерная гоаиа, которая бежнт от опасностн, ио ястреб, велнкнй вождь воинов воздуха, который ннкогда не покндает крутой, обрывистой скалы, в расселине которой ои устроил свое жнлье.

— Еслн бы Убиражара любнл свою супругу, он тоже не покннул бы ее. Рукн Арасн уже

обвивали шею воина. Ствол дерева не отрывает от себя побег ванили, которая переплелась с его ветвями.

Убиражара положил руку на голову Араси:

— Итаке уважил закон гостеприимства и не тронул Убиражару; Убиражара не совершит предательства на земле, оказавшей ему гостеприимство. Араси не должна желать, чтобы ее супругом стал воин, уступающий в благородстве ее отцу.

Девушка промолчала. Она знала, что закон чести — первый закон воина.

Перед тем как уйти, вождь утешил свою супругу:

— Убиражара попросит у ястреба его крылья, чтобы вернуться на грудь Араси. Он встанет против ее племени, и его путеводной звездой будет свет ее очей. Другие женщины — это награда, которую, после состязаний между собой, получают рабы любви. На долю Араси выпадет высшая честь: она станет наградой победителю в величайшей войне, которую когда-либо видели леса.

Арагуайский вождь положил руки на плечи Араси и дважды, справа и слева, прижался лицом к ее лицу в знак того, что ничто не может разлучить их.

Когда воин скрылся в лесу, Араси направилась в свою супружескую хижину, которая стояла одиноко и печально.

Девушка закрыла дверь; она села на порог и принялась изливать свою печаль в песне.

* * *

Дважды вставало над землей солнце; настала ночь.

Последняя звезда погасла на небе, когда Убиражара вступил на арагуайские поля.

Его могучая рука, вращая палицей, ударила в тронан. Голос арагуайского племени загремел в долине, как грохот обвала в горах.

С первыми лучами солнца, поднявшегося над горными вершинами, в главную табу пришли вожди ста арагуайских таб со всеми своими воинами, которых пригласили на площадь совета племени.

Убиражара приказал привести Пожукана и заговорил так:

«Посмотри на море моих воинов, которое заливает землю, подобно водам Великой реки, затопляющим равнину. Они ждут, чтобы Убиражара сделал им знак затопить твои поля.

В этот час токантинское племя нуждается в лучших своих воинах; иди и отдай им в помощь свою доблесть, дабы возросла слава Убиражары, твоего победителя.

Ты свободен, Пожукан; уходи, убегай, ибо война с арагуайями идет за тобой по пятам».

Лицо сына Итаке омрачилось.

— Пожукан — прославленный вождь, и он не заслуживает подобного бесчестия. Ты обещал ему, что он умрет смертью храбрых, и он требует боя.

Тогда арагуайский вождь рассказал о том, как ему было оказано гостеприимство.

— Убиражара не знал, что Пожукан — сын

Итаке; в противном случае ноги его не было бы в хижине воина, у которого он отнял сына. Необходимо, чтобы ты вновь обрел свободу, дабы никто не сказал, что Убиражара недостоин гостеприимства великого токантинского вождя.

Пожукан не ответил. Он понимал, что честь победителя требует его возвращения в свою табу.

— Уходи. Мы сразимся на глазах у наших племен. Убиражара принадлежит Итаке, но после нее ты будешь иметь честь снова быть побежденным его рукою.

— Убиражара — великий вождь и знаменитый воин. Если Тупа не захочет, чтобы Пожукан стал победителем, то ему не нужно большей чести, чем пасть от руки Убиражары.

Пожукан пошел в хижину своего победителя и забрал свое оружие. Убиражара оперся на такапе — так крутая скала прислоняется к стволу ипе — и задумался.

Когда токантинский вождь отправился в свою табу, Убиражара поднял голову и сказал:

— Взор Убиражары провожает тебя; ты брат Араси, и ты идешь туда, где она. Скажи Утренней Заре, что ее супруг всегда с нею.

Жрецы собрались на военный совет. Престарелый Маже, которого волновало исчезновение дочери, заметил, что нельзя созывать племя, если в совете племени нет большинства.

К великому вождю подошел посланец и позвал его на совет племени. Убиражара отправился на совет. Прежде чем прозвучал голос старейшин, воин поднял свой лук и сказал:

«Совет старейшин правит табой и обдумы-

вает мирные дела. Все племя чтит его благоразумие и премудрость.

Но когда Убиражара потрясает большим луком племени, война в его руке.

Когда он испустит боевой клич, голос, который заговорит о мире, умолкнет навеки, хотя бы он исходил из уст жреца, голову которого годы убелили сединами.

Кто не хочет подчиняться Убиражаре, пусть вырвет из руки его этот лук, который он завоевал своею доблестью».

Жрецы содрогнулись. Но совет племени все обдумал и решил, что к вящей славе и благополучию племени послужит его большой лук войны в руках такого вождя, как Убиражара.

Камакан и старейшины изготовились к обороне таб, и великий вождь объявил, что племя выходит на тропу войны.

* * *

Когда Убиражара развернул свое войско на берегу Великой реки, он увидел, что какое-то вражеское племя готовится напасть на токантинскую табу.

Великий вождь затрубил в трубу, и на трубный глас к нему поспешил Муриньен — Сладкоголосый — лучший арагуайский певец.

Певец предстал перед великим вождем и получил от него послание, которое должен был отнести во вражеский стан.

Певцов все лесные племена почитают как сыновей радости, потому они и служат посланниками воюющих племен.

Они проникают во вражеский стан со своей песней мира на устах, и ни один воин никогда не осмелится задеть того, кому Тупа даровал источник радости.

Муриньен быстро прошел по равнине и предстал перед Каникраном, вождем вражеского племени.

— Убиражара, Повелитель Копья, чья рука сжимает лук великого арагуайского племени, объявляет свою волю тебе, кто бы ты ни был, и всем тем, кто тебе повинуется.

Вождь вражеского племени выкрикнул какую-то угрозу, но взору его представилось окружавшее его море арагуайских воинов, а напротив возвышалась исполинская фигура Убиражары, подобная крутой, величавой скале, недвижимо стоящей среди низвергающихся с гор потоков.

— Воины Каникрана знают лишь волю своего вождя, а Каникран не склоняет голову ни перед разгневанным Тупа, ни перед разгневанными племенами, которые Тупа породил. Скажи мне, посланец, чего просит Убиражара у великого вождя Каникрана.

— Убиражара велел передать тебе, чтобы ты положил такапе войны. Токантинское племя приняло его стрелу — его вызов на битву, и он не согласится, чтобы кто-либо другой сразился с его врагом, доколе он не одолеет его.

— Возвращайся и скажи великому арагуайскому вождю, что Каникрана привела сюда жажда мести. Пожукан, один из токантинских вождей, проник в мою табу, поджег хижину шамана, и ее поглотило пламя. Убиражара — великий

вождь; пусть он скажет, может ли отец племени стерпеть столь жестокое оскорбление. Каникран выслушает его дружескую речь.

Вождь взял одну из своих стрел; отломил от нее наконечник и вручил посланцу стержень, оперенный черными перьями птицы анун — эмблемы воина своего племени.

— Возьми этот залог союза между нашими племенами и вручи его великому арагуайскому вождю.

Муриньен отправился в дорогу и пришел в токантинскую табу с точно таким же посланием. Итаке выслушал то, что велел передать ему Убиражара, и ответил на это так:

— Прежде, нежели Итаке обменялся с Убиражарой стрелами, которые вызывают на бой, Пожукан принес войну в табу наших врагов. Каникрана привела сюда жажда мести, и токантинское племя не может отказаться от сражения. Но Итаке умеет уважать свое имя; если Убиражара пожелает, Итаке будет сражаться с двумя врагами сразу.

Посланец вернулся в арагуайский лагерь с ответами обоих вождей. Убиражара выслушал его и задумался.

— Выслушай, чего желает Убиражара, и передай это врагам. Великий арагуайский вождь не отнимет у Каникрана славу мстителя: Убиражара чтит честь его племени, но он отвергает союз с ним. Возврати залог, полученный тобою.

«Итаке может принять бой, которого искал Пожукан: Убиражара не оскорбляет имени воина, тем более имени главного вождя и отца Араси.

Арагуайский вождь не нуждается в помощи, дабы торжествовать победу над своими врагами; он желает токантинскому племени разгромить вражеское племя, дабы обрести славу стать победителем победителя.

Если Итаке не сможет отразить нападение врага, Убиражара сам покарает злодеев и, когда он выгонит их из этих лесов, сразятся наши племена.

Если же токантинам, дабы выдержать натиск арагуаев, нужны союзники, Убиражара надеется, что Итаке призовет их и что они придут.

Муриньен скажет это и тому и другому вождю; он упредит их обоих, что хижина Араси по-прежнему пребывает под охраной Убиражары и что тот, кто проникнет в нее как враг, умрет позорною смертью труса».

Воин перестал говорить голосом вождя и заговорил голосом супруга:

— Араси ты принесешь песнь любви Убиражары. Ты скажешь ей, чтобы она украсила свадебный гамак и не покидала нашей хижины до тех пор, пока Убиражара не придет за нею. Передай ей также, что убор, который она сплела, по-прежнему венчает голову ее воина и что воин не расстанется с ним никогда.

VIII

БИТВА

По одну сторону бескрайней равнины движется множество токантинских воинов, по другую — огромное вражеское войско.

Два племени расстилаются по равнине, как

два озера, которые образовались после сильных ливней и которые превратились в целые реки и растеклись по долине.

В том и в другом стане раздался боевой клич, и два народа яростно напали друг на друга; так началась битва.

Итаке очутился перед Каникраном. Оба они искали друг друга; уже десять раз они сражались, и оба выходили победителями, и ни один из них не был побежден.

До тех пор, покуда живы оба грозных воина, невозможно сломать стрелу мира, воздвигнутую между двумя племенами.

Для того чтобы победитель положил такапе войны и дал своему племени отдых, дабы оно могло залечить раны, нанесенные войной, необходимо, чтобы один из этих воинов погиб в бою.

Когда два вождя сошлись, воины в том и в другом лагере застыли на месте, глядя на ужасающую схватку.

Убиражара, опершись на свой громадный лук, издали любовался бойцами и размышлял о том, какую честь доставила бы ему победа над ними обоими.

Борьба шла в тенистом месте. На земле вокруг вождей лежали груды такапе и щитов, разлетевшихся на куски под ударами обоих воинов.

Они неподвижно стояли на одном месте — двигались только их головы да руки; они походили на двух кондоров, когти которых застряли в верхушке крутой скалы и которые раздирают друг друга своими крючковатыми клювами.

Устрашающий грохот, от которого содрога-

лись бойцы, потрясал равииину и прокатывался по лесиой чащобе.

Пагаи — Стрела — был младшим сыиом Каиикраиа. Еще совсем мальчик, ои сражался бок о бок с братом, воииом Кребаиом — Незапятиаииой Совестью; плечо Пагаиа едва доходило брату до локтя.

Глаз у иего был острый, как глаз чайки, а стрелы, пущеииые из его лука, стрелы, сделаииые из колючек ежа, летели быстро, как гуаиумби, и ие зиали промаха.

Охотясь в лесу, ои развлекался тем, что убивал больших мух, произая их стрелами, которые были более скорыми и меткими, иежели ядовитые осы.

Пагаи прыгиул иа плечи воииа Кребаиа, чтобы ему была видиа схватка. Восхищаясь доблестью Каиикраиа, ои гордился отцом и завидовал ему.

Итаке иаиес противиику столь сокрушительиый удар, что такапе и щит Каиикрана разлетелись иа куски прямо у иего в руках, и ои остался безоружиым.

Токаитииский воии бросился иа врага; рука Итаке уже опускалась иа его плечо в зиак того, что это — плеииик вождя.

Дважды прозвеиела тетива иа луке Пагаиа. Из глаз Итаке — глаз сильиого духом мужчииы, которые иикогда ие увлажиила ни одиа слезиика,— полились кровавые слезы.

Стрелы мальчика произили зрачки могучего воииа, чей взор был подобеи солиечиому лучу. Так попугай жаидайя иадламывает побег стройиой кокосовой пальмы.

Вот тогда Итаке и испустил устрашающий вопль, от которого содрогнулась земля. Но крик ужаса потряс души воинов, и из их уст вырвался крик малодушия.

Итаке протянул руки, напрягшиеся, как лапы кондора. Правая рука схватила головной убор и волосы Канникрана, левую вождь всунул в рот врага и впился в его нижнюю челюсть.

Разомкнулись руки слепого воина, и голова Канникрана разломалась, как кокосовый орех, расколовшийся пополам.

Потрясая в воздухе окровавленным черепом,— так потрясают на войне маракой — бубном лесных племен,— Итаке бросился на врагов, ища смерти, которая бежала от него.

Когда взошло солнце, на равнине не осталось и следа от вражеского племени.

Престарелый герой, ведомый Пожуканом, вернулся в свою хижину.

— Тупа увидел,— сказал он,— что Итаке не может быть побежден рукою человека, и захотел самолично победить его рукою ребенка.

* * *

Когда Убиражара увидел исход битвы, он пожалел, что из двух великих вождей не осталось ни одного, которого он мог бы победить.

Взор его различил Пагана, который бежал среди своего разгромленного племени. Он поднял было руку, но не натянул тетиву.

Орел не трогает ласточку. Так же недостойно и воина, тем паче вождя, пускать в ход свою силу против подростка.

Вождь приказал, чтобы к нему пришел Тубин — Пчела — один из молодых охотников, сопровождавших войско, дабы снабжать его продовольствием.

— У Тубина крылья пчелы; если он догонит мальчика из вражеского племени — мальчика, на которого смотрит Убиражара, то он даст тебе имя Абегуар.

Молодой охотник проследил за взглядом вождя и исчез в вихре пыли. Когда в темной чаще леса зажглись огоньки светлячков, он вернулся в арагуайский лагерь, ведя за собой мальчика со связанными руками.

В ту же ночь Тубин получил имя Абегуар — Летящий Быстрее Всех — в награду за подвиг, который он совершил.

Певцы запели о нем хвалебную песнь, и молодой охотник удостоился чести заслужить одобрение военачальников своего племени и такого вождя, как Убиражара.

С первыми утренними лучами Муриньен был уже в токантинской табе вместе с двадцатью воинами, которые вели мальчика.

Подойдя к хижине великого вождя, певец увидел, что Итаке сидит во дворе на огромном, разросшемся корне дерева.

Время от времени воин поднимал голову к небу: тепло говорило ему о том, что солнце взошло. Но он не видел света, который покинул его навсегда.

Тогда старый воин опускал голову, словно ища на земле место, где он мог бы найти покой.

Когда вдали послышался звук шагов, вождь

вытянул шею, чтобы ушами увидеть то, что не хотели показать ему глаза.

Мурииьен подошел к нему и сказал:

— Убиражара посылает Итаке крупицу мести. Перед тобой Пагаи, сын Каиикрана. Это он украл у тебя глаза, хотя и не спас этим отца от твоей страшной руки. Сделай из мальчика-врага юношу токаитина, и он станет светом твоих очей и пойдет впереди великого вождя, дабы указывать ему тропу войны.

Пагаи выступил вперед:

— Сын Каиикрана никогда не станет рабом; сыном своего племени он родился, сыном своего племени он и умрет, подобно великому вождю, который породил его. До тех пор пока в лесах будут жить ежи, он будет отнимать у них колючки, чтобы выкалывать глаза тукаиам.

Итаке положил руку на голову подростка:

— Мальчик, который любит своего отца, это сын Итаке. Ты свободен, Пагаи; ступай на охоту за ежами. Когда ты станешь воином, ты столкнешься с сотней юношей, в жилах которых течет кровь Итаке, и они покарают тебя за твою дерзость.

Вождь повернулся к певцу:

— Тупа отнял у Итаке свет его очей, но увеличил силу его десницы. Убиражара найдет врага, достойного его доблести, чтобы сразиться с ним.

С этим ответом Мурииьен вернулся к арагуайскому вождю.

* * *

Когда певец удалился, к хижине Итаке подошли жрецы токантинского племени.

Старейшины расселись вокруг слепого воина; закурив трубку мудрости, они открыли совет племени.

Заговорил Гуарибу:

— Большому луку племени нужна могучая рука, которая натягивала бы его тетиву, и острый глаз, чтобы пускать стрелу без промаха. Итаке — величайший воин лесов; имя его заставляет содрогаться наидоблестнейших врагов; рука его разит, как молния. Но свет его очей померк, и он уже не может указывать нам тропу войны.

Престарелый вождь встал. Прихрамывая, он подошел к большому луку токантинов, обнял его и обратился к нему с такою речью:

— Когда Итаке принял тебя из рук великого Жавари — Вепря, он думал, что только смерть разлучит нас с тобой и ты перейдешь к воину, в жилах которого течет кровь Итаке. Но Итаке подобен теперь стволу дерева, которого уносит поток и который не знает, куда он плывет.

Струя крови хлынула из пустых глазниц старца. То были слезы, которые исторгло у него горе.

Жрецы призадумались. Снова заговорил Гуарибу:

— Большой лук племени, который ты принял из рук великого Жавари — твоего отца, не расстается с тобою. Он пребудет в твоей непобедимой деснице; другой лук попадет в руки наидоблестнейшего воина, который укажет нам

тропу войны. Но покуда будет жив Итаке, его голос будет управлять племенем, которое он защитил своею дланью.

На лице престарелого вождя показалась улыбка — так по крутой черной скале скользит луч лунного света.

«Жрецы, отцы мудрости, посмотрите на дерево жатоба́, которое возвышается среди равнины и которое ныне я могу видеть лишь глазами моей сумрачной души.

У него множество корней, которые служат ему опорой на ветру; у него множество побегов, которые окружают его и разрастаются вширь. Но ствол у него только один.

Громадные корни — это жрецы, которые своими советами служат вождю опорой. Сильные побеги — это военачальники, которые окружают вождя и порождают множество воинов, число которых превосходит число листьев на деревьях. Ствол — это вождь племени; если ствол расколоть, жатоба не сможет более поднимать свою вершину к тучам, и у него не будет сил, чтобы оказать сопротивление урагану.

Место Итаке — в совете старейшин. Последний зуб в его ожерелье воина — это зуб, который он вырвал у Каникрана.

Созовите воинов, и тот, кто окажется самым доблестным и самым сильным, сожмет в своей деснице большой лук племени».

Трокан загремел, созывая племя на совет. Пришли военачальники, каждый во главе своего рода.

Престарелый Итаке по звуку шагов считал прибывавших воинов. Большой лук племени, ко-

торый он держал прямо, казался одной из подпор хижины, а тетива его была толстой, как веревка, на которой висел гамак вождя.

Самые прославленные токантинские воины пришли сюда, чтобы оспаривать друг у друга большой лук; многим из них удалось согнуть его, но ни один не смог пустить из него стрелу.

Итаке слушал, насторожив уши, но знакомый ему звук не пронизывал воздух.

— Где Пожукаи? — спросил престарелый вождь.

Доблестный воин, в жилах которого текла кровь Итаке, с достоинством, молча стоял в стороне. Некая причина мешала ему подойти к луку вождя, который он должен был первым оспаривать у других.

— Твой сын слушает тебя, — отвечал Пожукаи.

— Сожми в руке лук вождя; если есть токантинский воин, который может завоевать его, то это должен быть тот, в чьих жилах течет кровь Итаке.

Пожукаи взял лук. Упершись в него ногами, воин откинулся назад, как огромный удав жибойя, который раскачивается в воздухе перед тем, как броситься на добычу.

Стрела полетела и вонзилась в голову Каникраиа, прибитую к столбу у входа в табу.

Итаке наклонил голову. Он услышал звук летящей стрелы, но не так звенела тетива лука, когда ее натягивала его могучая рука.

Пожукаи положил лук у ног Итаке и сказал:

— Пожукаи доказал, что в его жилах течет благородная кровь Итаке. Но большой лук слиш-

ком тяжел для его руки. Есть только один воин на земле, который может потрясать им, подобно Итаке, но его голову не венчает убор из перьев тукана.

— Пожукан не дал Итаке последнего утешения. Непобедимый лук великого Токантина, отца нашего племени, уйдет из его рода. Токантин передал его своему сыну Жавари, который породил меня; а я не смог породить воина, достойного моих отца и деда.

IX
СОЕДИНЕНИЕ ЛУКОВ

Враги пришли снова; во главе своего племени был Агнина — Гора, который хотел отомстить за смерть Каникрана, своего брата.

Воинов было великое множество — их неудержимо влекла яростная жажда мщения и честь вождя, их возглавлявшего.

Токантинов было меньше, чем их врагов, но, дабы сравняться с врагами, токантинам было бы достаточно их доблести, если бы у них была голова, которая управляет телом.

Могучее племя было подобно стае пекари, которая потеряла вожака, заблудилась в лесу и бежит без дороги.

Самые доблестные моакары и вожди ждали великого вождя племени, чтобы он направил их на тропу войны.

Жрецы задумались. Они не могли подыскать воина, способного стать преемником Итаке, но они не желали смириться с утратой чести племени и заменить непобедимый лук великого Токан-

тина другим, более легким луком, которым мог бы владеть Пожукан.

Со своей стороны и Пожукаи объявил, что, будучи не в силах стрелять из лука Итаке, ои иикогда не возьмет другой лук вождя, не столь прославлеиный, сколь лук великого Токаитина.

Жрецы, вожди, военачальиики, воины и все племя собралось вокруг слепого героя.

Они все еще ждали, что их спасет тот, кто в течеиие стольких лет защищал племя силою своей десиицы и обороиял его своим имеием, наводившим страх на другие племена.

Старец выслушал речи жрецов, речи вождей, речи военачальников, речи воинов и сказал:

— Итаке еще может сражаться и умереть за свое племя, ио, лишенный света, исходящего с иебес, ои ие может больше вести своих детей дорогой победы.

«Десиица Итаке всегда защищала токантинское племя; желает ли оно, чтобы ныие его защищало слово Итаке, которое нужио ему лишь затем, чтобы передать своему племеии мудрость своей старости?

Подумайте об этом, жрецы, вожди, военачальиики и воины».

Гуарибу ответил:

— Племя подумало об этом. Говори, и все будут повиноваться слову Итаке, как повииовались его деснице.

— Голос сердца говорит внуку Токаитина, что честь племеии, родоначальником которого он был, не может погибнуть. Кровь Итаке, которая течет в жилах Араси, сольется с другой благородной кровью, дабы произвести на свет лучшую и более славиую ветвь.

«Так земля, породившая рощу красного дерева акажу, покрывается речным илом, и на ней вырастает новая и более ветвистая роща.

Жакамин, позови Араси, дочь нашей старости. А вы, жрецы, вожди, военачальники и воины, следуйте за мной».

Престарелый герой пошел по табе; его вела Араси.

Племя в молчании следовало за ним.

Когда слепой воин шел, держась за плечо прекрасной девушки, направлявшей его неуверенный шаг, воинам пришла мысль об уже мертвом дереве, которому все еще не дает рухнуть к подножью скалы побег страстоцвета.

Впереди шли певцы и пели песнь мира.

* * *

Первым пришел в арагуайский лагерь посланец Итаке.

Убиражара, окруженный своими жрецами, вождями, военачальниками и воинами, вышел навстречу главному токантинскому вождю.

Душа великого арагуайского вождя наполнилась радостью при виде Араси, но он отвел глаза от супруги, дабы любовь не поколебала его твердость духа мужчины.

— Итаке! Убиражара перед тобою — чтобы победить тебя, если ты идешь на него войной; чтобы обнять тебя, если ты пришел с миром.

— Никогда Итаке не просил мира у врага, который шел на него войной, прежде чем победить его, и не доживет он до того, чтобы поддаться этой слабости. Он пришел, чтобы прине-

стн тебе победу, которую ты разделншь со свонм народом.

Престарелый герой выступнл вперед.

— Арагуайский вождь, ты пошел войной на токантинскую табу, чтобы завоевать Араси, дочь моей старости.

«Твое геройство н еще более твое благородство, которое ты проявнл, возвратнв свободу Пожукану, делают тебя достойным супруги, в жнлах которой течет кровь Токантина.

Но коль скоро ты угрожал взять ее силой, Итаке уже не мог отдать тебе дочь своей старости, не смирив твоей гордыни.

Он хотел биться с тобой и с твоим племенем, но погас в очах его свет, который направляет стрелу войны, и нет среди его воинов такого, который смог бы владеть луком велнкого Токантнна».

Тут престарелый воин заговорил упавшим голосом:

— Лук Итаке подобен ястребу, который лишился крыльев н больше не может нестн врагу смерть. Ласточки смеются над его когтями.

«Возьми лук Итаке, арагуайский вождь, н с твоим геройством ты завоюешь супругу н племя.

Ты сделаешь свою супругу матерью сотни воинов, таких, как Итаке, н поддержишь честь племени, которую оно обрело, когда сын Жавари вел его в бой.

Тупа даст тебе снлу, и кровь Итаке породит еще более могучую ветвь, н правнукн Токантнна станут хозяевами лесов».

Убиражара улыбнулся:

— Токантинский вождь, твои глаза не могут видеть большой лук арагуайского племени, но спроси свою руку, уступает ли луку Итаке лук, из которого без промаха стрелял Камакан и который ныне сжимает рука Убиражары.

Престарелый герой ощупал лук арагуайского вождя и согнул его концом о плечо, словно дуга его была сработана из бамбука.

Убиражара схватил лук Итаке и, не снисходя до того, чтобы вонзить его в землю, поднял его над головой; стрела, украшенная перьями тукана, полетела.

Лицо Итаке помолодело, когда он услыхал жужжание, напоминавшее ему времена, когда он был могучим воином. Вот так же некогда стрелял из лука и он — годы шли, а сила его десницы лишь возрастала.

Старец наклонил голову, чтобы ему был слышен свист его стрелы, пронзавшей лазурь небес. Певцы не знали песни, которая была бы так же сладостна его слуху, как эта.

Убиражара положил лук Итаке и взял лук Камакана. Арагуайская стрела тоже взвилась и пробила в воздухе первую, которая возвращалась на землю.

Две стрелы, соединившись одна с другою, словно руки воина, которые он скрещивает на груди, дабы выразить свои дружеские чувства, спускались с небес.

Убиражара подхватил их на лету:

— Это символ единства. Убиражара сделает токантинское племя столь же могущественным, сколь и племя арагуайское. Оба народа станут братьями во славе и сольются в одно племя, ко-

торое должно стать великим племеием Убиражары, повелителем рек, лесов и гор.

Вождь вождей приказал трем арагуайским и трем токаитинским воинам связать дуги обоих луков веревкой, сплетенной из волокои краубы.

Когда лук Камакаиа и лук Итаке стали одним луком, Убиражара сжал его в своей могучей руке и показал его обоим племеиам:

— Жрецы, вожди, военачальиики и воииы моих племеи, это лук Убиражары, вождя великих вождей. Его стрелы — близнецы, близнецы, как и наши племеиа, и летят они вместе. Обе тетивы будут натянуты разом.

Арагуайская и токантииская стрелы сиова взлетели, как две орлицы, которые одновременио воспаряют иад облаками.

Когда радостные крики смолкли, Убиражара подошел к дочери Итаке:

— Араси, Утреиияя Заря, ты принадлежишь Убиражаре, который завоевал тебя силою своей десницы. Сейчас тот, кто стал повелителем, ожидает твоего волеизъявлеиия.

Прекрасная девушка разорвала красную подвязку, стягивавшую ее бедро, и повязала ее иа запястье своему воииу.

Убиражара поднял супругу на плечи и поиес ее в свадебиую хижииу.

Жасмин осыпал душистыми цветами ложе любви.

* * *

Встало молодое солице, когда вражеское племя растяиуло на равнине своих миогочислеиных воинов.

Впереди можио было различить Агниицу —

он возвышался среди воинов, как гора, еще более свирепый, чем его брат — грозный Каннкран.

По обеим сторонам равнины друг за другом шествовали вожди, каждый из которых возглавлял свое войско.

Убиражара выбрал тысячу арагуайских и тысячу токантинских воинов и вместе с ними вышел навстречу врагам.

После того как борьба вождя вождей на равнине окончилась, он ходил только на врага.

Когда он дошел до середины поля, враги испустили боевой клич, который прогремел в воздухе, как грохот водопада.

Град стрел изрешетил большой щит героя, и он стал похож на ствол могучей пальмы жусары, ощетинившейся колючками.

Убиражара, держа щит на уровне плеч, семь раз натянул ногой тетиву громадного сдвоенного лука.

Красные и желтые стрелы взлетели прямо в небеса и исчезли за облаками.

Когда они спустились обратно, Агинне и каждому из вождей, подчинявшихся его луку, вонзился в голову вызов грозного воина.

Взбешенные не столько от боли, сколько от оскорбления, они бросились на врага, который ждал их, прикрывшись своим огромным щитом.

Агнина был самым озлобленным и самым быстроногим. За ним по двое неслись остальные, состязаясь в быстроте бега.

Когда супруг Араси увидел, что они растянулись на равнине, подобно двум потокам, которые приближаются друг к другу, чтобы слить свои воды, герой сжал в руке свое двуострое

копье и испустил боевой клич, подобный рычанию ягуара, хозяина лесов.

Нога его попирала землю; двуострое копье вращалось в его руке, как змея, которая со свистом извивается в воздухе.

От первого удара копья пал Агинна, за ним попарно пали военачальники вражеского племени подобно тому, как падают стебли тростника, перекушенные острыми зубами грызуна капивары.

Тогда герой испустил торжествующий клич, который был подобен реву ветра в пустыне:

«Я — Убиражара, Повелитель Копья, непобедимый воин, которому оружием служит змея!

Я — Убиражара, повелитель народов, вождь вождей, который опустошает землю, как ветер — пустыню!»

Герой окинул взором равнину и не увидел на ней врага: он исчезал в пыли.

Убиражара бросил ему вслед своих воинов, обуреваемых жаждой мести, однако от ужаса перед копьем Убиражары на ногах у беглецов вырастали крылья.

С этого дня ни один враг никогда уже не ступал на берега Великой реки.

Убиражара вернулся в хижину, где его ждала Араси.

Супруга сняла со своего воина оружие, обтерла его тело мягким пухом плода монгубейры и умастила его благоуханным бальзамом, добываемым из дерева эмбайбы.

Затем она наполнила благородным напитком кауином красную чашу, сделанную из скорлупы

кокосового ореха, и утолила жажду, которую воин испытывал после битвы.

В больших табах готовилось торжественное празднество, герой отдыхал в гамаке, а в это время Араси вышла во двор и вернулась, ведя за руку Жандиру.

— Араси, твоя супруга — сестра Жандиры. Убиражара — вождь вождей, обладатель лука двух племен. Он должен делить между ними свою любовь, как поделил свою силу.

Арагуайская девушка вперила в воина свои глаза — глаза дикой косули.

— Жандира — рабыня твоей супруги; любовь повелела Жандире желать того, чего желаешь ты. Она остается в твоей хижине, чтобы научить твоих дочерей тому, как должна арагуайская девушка любить своего воина.

Убиражара обнял одной рукой супругу, а другой — девушку и прижал их к своей груди.

— Араси — супруга токантинского вождя; Жандира станет супругой арагуайского вождя, и обе станут матерями детей Убиражары, вождя вождей и хозяина лесов.

* * *

Два племени — арагуайское и токантинское — составили великое племя Убиражаров, которое получило название героического племени.

Это было могущественное племя, которое стало хозяином пустыни.

Позднее, когда пришли карамуры — морские воины,— оно стало владычествовать и на берегах Великой реки.

СОДЕРЖАНИЕ

А48 **Жозе де Аленкар**
Ирасема. Убиражара. Повести. Пер. с португ. Предисл. Инны Тыняновой. М., «Худож. лит.», 1979. 256 с.

В книгу вошли две романтические повести «Ирасема» и «Убиражара».
«Ирасема» рассказывает о трагической любви индейской девушки и португальца; «Убиражара» — о полной опасности и приключений жизни индейцев в Амазонских джунглях.

А $\frac{70304-003}{028(01)-79}$ 184–79 И(Латин)

Жозе де Аленкар

ИРАСЕМА

•

УБИРАЖАРА

Редактор Л. Бренери
Художественный редактор
И. Сальникова
Технический редактор
Л. Ковнацкая
Корректоры
Г. Сурис и В. Широкова
ИБ № 1404

Сдано в набор 24.01.78. Подписано в печать 22.01.79 Формат 70×90 1/32. Бумага Офсетная № 2. Гарнитура «Академическая» Печать офсетная. 9,336 усл. печ. л. 9,192 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 45 Цена 75 к. Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19
Можайский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Можайск, ул. Мира, 93

Цена 75 коп.